

«Государственный комплекс «Дворец конгрессов»
Управления делами Президента РФ
(Константиновский дворец)

Константиновские чтения – 2013

«Константиновичи – государственная
деятельность и традиции благотворительности.
К 400-летию Дома Романовых».

Сборник материалов научной конференции
30 октября 2013

Санкт-Петербург
2013

Константиновские чтения – 2013. Сборник материалов научной конференции 30 октября 2013 г.: сборник статей / Государственный комплекс «Дворец конгрессов»/. –.....стр.

В сборник «Константиновские чтения – 2013» вошли исследования и материалы, посвящённые жизни и деятельности великого князя, генерал-адмирала Константина Николаевича, членов его семьи, их деятельности на благо российского государства, а также событиям, связанным с историей семьи Константиновичей (к 400-летию Дома Романовых).

Сборник предназначен для всех, интересующихся историей нашей страны, и, в частности, историей жизни семьи Константиновичей.

*Издание опубликовано при финансовой поддержке
муниципального образования «Поселок Стрельна»*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Т.А. Вайгачева</i>	5
<i>С. В. Крюков</i>	6
<i>Андреев В. Е. Августейшие кузены</i>	8
<i>Раздобурдина Е. П. К истории строительства храма Святой Троицы в Павловске</i>	25
<i>Воронин В. Е. Франция после краха режима Второй империи глазами великого князя Константина Николаевича: середина 1870-х гг.</i>	38
<i>Моисеев Г. А. Великий князь Константин Николаевич — августейший покровитель П. И. Чайковского</i>	45
<i>Трубинов Ю. В. Реликвии великого князя Константина Николаевича в Мраморном дворце XIX в.</i>	62
<i>Мантуров М. В. Мраморный дворец и его владельцы в 1915–1919 гг.</i>	75
<i>Шевцова Г. И. Санитарные отряды княгини Елены Петровны (1912–1914)</i>	83
<i>Молкина О. И. Удивительное путешествие (малоизвестные страницы истории Международного Красного Креста)</i>	94
<i>Аксенова Г. В. Художник С. С. Соломко — паж двора великого князя Константина Николаевича и великого князя Константина Константиновича</i>	111
<i>Соколовская О. В. В лучших традициях. О благотворительной деятельности греческой королевы Ольги</i>	136
<i>Копелев Д. Н. Великий князь Константин Николаевич и назначение Ф. П. Литке президентом Академии Наук в 1864 г.</i>	152

<i>Шинкарева Л. П.</i> Константиновичи и Красный Крест.	162
<i>Герасимов В. В.</i> Скульптурное убранство террасы Стрельнинского дворца. История формирования, атрибуция и судьба отдельных произведений	173
<i>А. Зенгер</i> (Звягольская А. А.) Стихи Веры Константиновны Романовой	188

В ряду значительных личностей династии Романовых стоит имя владельца дворца в Стрельне великого князя Константина Николаевича. В эпоху реформ второй половины XIX века это имя было известно не только в России, но во всем мире — оно стало символом прогресса и патриотизма.

Его государственная деятельность значительно повлияла на ход отечественной истории — он положил начало крупным административным и государственным преобразованиям в России: без малого 30 лет возглавлял Морское министерство, под его непосредственным началом осуществились крестьянская и судебная реформы, было отменено крепостное право. Шестнадцать лет подряд великий князь Константин Николаевич возглавлял Государственный Совет и провёл в жизнь крупные преобразования в социальной и экономической политике России. Он также являлся первым президентом и покровителем Императорского Русского музыкального общества и многих других общественных и благотворительных организаций.

Известен в России и во всем мире был и его сын, родившийся в стрельнинском дворце, великий князь Константин Константинович, 155-летие которого отмечается в этом году. В чине мичмана великий князь участвовал в Русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг. и заслужил боевой орденом Святого Георгия 4-й степени, сражался за свободу Болгарии под знамёнами гвардейского Измайловского полка, позже став его командиром. С 1910 года занимал должность Главного генерал-инспектора военно-учебных заведений Российской империи. Более четверти века был он президентом Академии наук. Главным увлечением великого князя были переводы классических произведений с иностранных языков, стихосложение, драматургия, музыка. В историю русской литературы великий князь вошёл под криптонимом «К.Р.». Всю свою жизнь он отдавал и средства, и душу делу благотворительности. Отличались этим и качеством и остальные Константиновичи, так как благотворительная деятельность была одной из важных составляющих жизни Дома Романовых.

История династии Романовых, 400-летие которой мы отмечаем в этом году, – это значительная часть истории России, и роль многих из членов этой династии в истории государства достойна уважения и изучения. Мы надеемся, что те исследования, с которыми могут ознакомиться читатели сборника, помогут лучше узнать историю нашего дворца, нашего города и нашей страны.

Т.А. Вайгачева
Заместитель генерального директора
Государственного комплекса
«Дворец конгрессов»

2013 год — юбилейная дата не только для Константиновского дворца, но и для всего нашего поселка. Вот уже десять лет Стрельна живет в новом статусе — ведь здесь располагается Государственная резиденция Российской Федерации. Сколько ярких и незабываемых событий, удивительных встреч, патриотических мероприятий прошло здесь за последнее десятилетие! Число гостей и экскурсантов в Стрельне растет с каждым годом, издаются новые книги и альбомы, приоткрывая и прославляя историю Стрельны. И весь мир сегодня знает наш поселок. Еще одно подтверждение тому — саммит G 20, который состоялся в сентябре этого года.

В этом году Константиновские чтения посвящены 400-летию Дома Романовых и многозначной теме «Константиновичи — государственная деятельность и традиции благотворительности». В 1613 году с восшествием на престол Михаила Фёдоровича Романова в России появилась новая правящая династия, при которой наша страна стала одной из величайших держав мира.

Судьба страны и личности — тема в истории вечная. В наши дни она не утратила своей актуальности. Вот почему история семьи, стоявшей у руля Российского государства, бесспорно, вызывает интерес и будит высокие мысли и сильные чувства, созвучные как далекому прошлому, так и настоящему.

Особое значение для семьи Константиновичей имела благотворительная деятельность, она являлась одной из важных составляющих жизни Дома Романовых. В последние годы было издано немало книг, освещающих данную тему. К сожалению, на страницах вновь вышедших изданий не так часто встречаются имена ярких представителей семьи Романовых, не носивших короны, но внесших свой достойный вклад в упрочение её славы и могущества, мудрости и добродетели. Современное поколение ощущает дефицит такой информации, проявляет интерес к литературе, посвященной представителям дома Романовых. Такие яркие личности, столь много сделавшие для России, заслуживают внимания самого широкого круга читателей.

Константиновские чтения успешно решают эту задачу. Муниципалитет поселка Стрельна уже четвертый год подряд принимает участие в выпуске сборника материалов научно-практической конференции, поддерживая исследователей — краеведов, историков, искусствоведов. Ежегодные Константиновские чтения уже успели стать заметным событием в жизни Стрельны и фактом плодотворного сотрудничества Муниципалитета с руководством Государственного комплекса «Дворец конгрессов».

Научная конференция «Константиновские чтения — 2013» объединила людей, неравнодушных к истории Стрельны: профессиональных

ученых, независимых исследователей, библиотекарей из разных районов Санкт-Петербурга и, что немаловажно, — учащихся старших классов стрельнинских школ. Отрадно, что Государственная резиденция проявляет такое гостеприимство и дружелюбие.

Также очень важно, что работы в краеведческом сборнике «Константиновские чтения — 2013» подготовлены профессионалами, а значит, можно ручаться за достоверность представленной информации. Это очень важно для тех, кто будет изучать материалы о Константиновичах из рода Романовых.

Благодаря сотрудничеству Государственного комплекса «Дворец конгрессов» и муниципалитета Стрельны будет продолжаться знакомство с новыми авторами, которым не безразлична судьба нашего поселка и его богатая история, самые яркие страницы которой связаны с судьбой Константиновского дворца.

С. В. Крюков
глава Муниципального образования
«Поселок Стрельна»

Августейшие кузены

В год 400-летия вступления на престол династии Романовых отмечается юбилей — 155-летие — одного из лучших ее представителей – великого князя Константина Константиновича. Судьбой ему было предопределено служить трем императорам — Александру II, Александру III и Николаю II. Предлагаемое исследование рассматривает взаимоотношения великого князя Константина Константиновича и Александра III, и, являясь своего рода продолжением работы «Семейный конфликт (к вопросу о взаимоотношениях императора Александра III и великого князя Константина Николаевича)»¹, имеет целью внести свой вклад в воссоздание подлинного портрета императора, выявляя некоторые стороны его характера.

За Александром III, благодаря стараниям советских историков прочно закрепилась характеристика консерватора, человека с крайне ограниченным кругозором. Сейчас делаются попытки отделить его от ярлыка, приклеенного в советскую эпоху. Личность этого монарха была отнюдь не простой. Многие современники отмечали его противоречивость: добродушие и прямота сочетались с раздражительностью, самодурством и даже с деспотизмом не только по отношению к «простым смертным», но и к представителям Императорской фамилии. Вместе с тем, государь мог быть очень чутким и внимательным человеком. История его взаимоотношений с двоюродным братом Константином доказывает сказанное.

Разница в возрасте между кузенами была довольно существенной и составляла 13 лет. Определенным «водоразделом» в отношениях между Александром III и Константином Константиновичем явилась дата 1 марта 1881 г., когда из наследника престола цесаревич превратился

---

¹ См. В. Е. Андреев. «Семейный конфликт (к вопросу о взаимоотношениях императора Александра III и великого князя Константина Николаевича)» // Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Материалы научной конференции / ГМЗ «Гатчина». СПб., 2006.

в императора. Много позже великий князь Константин Константинович в дневнике, касаясь темы своих взаимоотношений с двоюродным братом, записал: «...Он не скоро и трудно привязывается к людям, а родственные связи имеют для него очень мало значения»². Именно это высказывание великого князя рассматривается нами как своеобразный «ключ» в исследовании их взаимоотношений.

В самом начале правления Александра III великий князь стремится расставить все точки над «i». Молодой человек пытается выяснить для себя: продолжать ли службу новому государю или оставить ее, так как вполне возможно, что свою нелюбовь к его отцу, великому князю Константину Николаевичу, недавно отправленному в отставку со всех постов, царь перенесет и на него. В августе 1881 г., находясь в плавании на фрегате «Герцог Эдинбургский», великий князь Константин Константинович посетил святое место — гору Афон. Там во время беседы со старцем Иеронимом молодой человек поделился с монахом мыслями по поводу своей дальнейшей судьбы. «Я выражал ему желание посвятить жизнь свою на улучшение быта духовенства и под старость... быть Архиепископом и приносить великую пользу...»³. Тогда этот вопрос для него является главным, поэтому, возвратившись в Петербург, великий князь решает переговорить с императором о своей дальнейшей судьбе. Изложив твердое намерение покинуть государственную службу, оставить светское общество и уйти в монастырь, великий князь ожидал ответа Александра III. Ответ венценосного кузена для него оказался неожиданным: «Костя, если мы все уйдем в монастырь, кто будет служить России?»⁴. Тем не менее, император удовлетворил ходатайство кузена об отчислении с морской службы.

Генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич узнал об уходе своего сына с флота, что называется из «третьих рук». Возможно, столь быстрое согласие государя было продиктовано стремлением нанести еще один весьма болезненный «укол» своему дяде, лишив его надежды на продолжение морской традиции рода Константиновичей. Но, может быть, все объяснялось простым желанием помочь родственнику оставить не привлекающую его морскую службу и перевестись в гвардию. Великому князю в это время всего двадцать три года. Именно поэтому молодой человек предпочитает пока оценивать императора не с политической точки зрения, а с точки зрения родственной: «Пришел Саша, обошелся со мной как с братом, при нем забываешь,

² Дневники в.к. Константина Константиновича хранятся в ГАРФ. (Ф.660., Оп.1, Ед. 1-64). Они не имеют архивной нумерации страниц. Поэтому при цитировании дневников указывается только дата записи. Дневник в.к. Константина Константиновича. Запись 3 июня 1891 г. (Далее: Дневник...)

³ Дневник. Запись 1 августа 1881 г.

⁴ Гришин Д.Б. «Великий князь Константин пред вечной красотой» М., 2008. С. 392.

что он государь»⁵. Обратим внимание на простое обращение — «Саша», обычно так называют человека в тесном семейном кругу. Очень скоро это обращение будет заменено на официальные — «Государь», «Его Императорское Величество», «Царь». Это будет следствием разграничения понятий «родственника» и «главы государства». Но пока великий князь не участвовал в государственных событиях, происходящих в стране. Исключение составляли мероприятия, связанные с коронацией императора Александра III. Но это было особое явление в государственной жизни, поэтому великий князь обязан был на нем присутствовать: «Наступил великий день для Москвы и для всей России, день, в который Царь должен был получить свыше утверждение и благословение на подъяемый им подвиг»⁶. В Успенском соборе московского Кремля, где во время церковной службы на голову Александра торжественно возложили большую императорскую корону и он стал Божьим помазанником, приняв на себя всю ответственность за судьбу России, находившийся на церемонии великий князь ощутил настоящее единение всех слоев общества перед столь важным историческим событием.

Программа торжеств была рассчитана на несколько дней. Но на следующий день после коронации великий князь, сославшись на плохое самочувствие, уезжает в Петербург. Что заставило его поступить таким образом: опасения, что последующие приемы, балы, сопровождающиеся неизбежной суетой, «сгладят» возникшее высокое чувство от коронации? А, может быть, здесь дело в сомнениях в правильности политического курса нового монарха? Обида за нынешнее положение отца? И плохое самочувствие — лишь благовидный предлог покинуть Первопрестольную? Во всяком случае, великий князь должен был отдавать себе отчет, что такой поступок мог быть расценен государем как своеобразный вызов. Думается, что недомогание — лишь повод. На эти мысли наводят дневниковые записи великого князя: «Я был рад погулять в Петербурге на свободе и в одиночестве и таким образом избавиться от московских торжеств»⁷. Как видим, в столице состояние здоровья не мешает прогулкам Константина Константиновича. А ведь ему должно было быть известно, что император Александр III надолго запоминал даже легкую обиду. Но, к счастью для великого князя, все закончилось хорошо. Уже совсем скоро он мило беседует с императорской четой: «У Императрицы в комнате лежала поднесенная ей прекрасная икона Божией Матери «Утоли моя печали». Императрица не могла запомнить этого названия и назвала ее «Угоди моя покои». Государь хохотал до

⁵ Дневник. Запись 13 июня 1882 г.

⁶ Дневник. Запись 15 мая 1883 г.

⁷ Дневник. Запись 16 мая 1883 г.

упаду. Я дразнил Императрицу, что запишу это в свой дневник и через сто лет в «Русской старине» появится этот анекдот»⁸.

Надо заметить, что императрица Мария Федоровна всегда относилась с нежностью к двоюродному брату мужа, выделяя его из многочисленных членов Императорской фамилии. «Она ко мне очень добра; я нередко замечаю ее взгляд, который она иногда останавливает на мне. В нем столько радушия, он так и греет. Когда я целую ей руку, она всегда целует меня в голову»⁹, — вспоминал великий князь. Отношение Александра III к супруге великого князя Константина Константиновича — великой княгине Елизавете Маврикиевне¹⁰ было почти зеркальной противоположностью отношению императрицы Марии Федоровны к Константину Константиновичу. Немецкая принцесса Елизавета, став великой княгиней, не перешла в православие. Такое поведение нового члена Императорской фамилии не понравилось императору. Тем не менее, монарх ничего не сказал по этому поводу своему кузену. Однако спустя несколько лет, в 1888 г., в своем письме к великому князю Сергею Александровичу император, говоря о предстоящей свадьбе великого князя Павла Александровича с греческой принцессой, пишет: «...Наконец снова Россия приобретает православную Великую княгиню. О! Как я счастлив... Боже мой, как это важно и как это хорошо! Да... давно пора было вернуться к хорошему старому времени, когда немыслимо было быть русской Великой княгиней и не православной»¹¹. Здесь явно идет речь не только о великой княгине Марии Павловне, супруге великого князя Владимира Александровича, но и о великой княгине Елизавете Маврикиевне. Со временем государь стал относиться к Елизавете Маврикиевне несколько теплее, но в целом ей так и не удалось завоевать расположение императора.

Отметим ряд поступков Александра III, в которых прослеживается равнодушие и даже жестокость по отношению к детям великого князя Константина Константиновича.

По случайному стечению обстоятельств именно во время первой беременности великой княгини Елизаветы Маврикиевны Александр III обеспокоился достаточно быстрым ростом числа членов Императорской фамилии. Великокняжеский титул давал право не только на определенные привилегии, но и на денежные выплаты, что отрицательно сказывалось на состоянии государственного бюджета. Было решено

⁸ Дневник. Запись 5 июля 1883 г.

⁹ Дневник. Запись 4 марта 1890 г.

¹⁰ Подробнее см.: В.Е. Андреев. Сердечные тайны (Отрывки из писем и дневников великого князя Константина Константиновича как иллюстрации некоторых аспектов семейной жизни рода Константиновичей) // В тени августейших особ. Непарадная жизнь императорских резиденций. Материалы научной конференции / ГМЗ «Гатчина». СПб., 2012.

¹¹ Гришин Д.Б. Указ. соч. С. 305.

внести изменения в существующее законодательство, ограничив количество великокняжеских титулов. Для этого требовалось внести изменения в существующее законодательство «Учреждение об императорской фамилии». В своей книге писатель М. И. Вострышев, касаясь данного вопроса, замечает: «Разговоры об этом пошли вскоре после женитьбы Константина Константиновича, так как новый указ, в первую очередь, должен был затронуть его детей. Александра III предупредили, что подобное нововведение вызовет большое неудовольствие у великого князя Константина Николаевича.

— А это и кстати, — ответил злопамятный государь»¹².

В начале 1885 г. был опубликован соответствующий указ Сената. Великий князь Константин Константинович прокомментировал его записью в дневнике: «...изменено Учреждение об императорской фамилии... правнуки государей... уже не будут великими князьями, а князьями Императорской крови с титулом Высочества... Мои родители в сильном негодовании. Что же касается меня, то я принял эту новость совершенно спокойно, и нимало не считал себя обиженным... дети мои, во-первых, будут русские, а во-вторых, — Романовы, и с меня довольно...»¹³ Хотя именно его первенец раньше других представителей Императорской фамилии должен был ощутить на себе действие нового закона, но обсуждать решения и поступки государя великий князь считал для себя, как подданного, неприемлемым и невозможным.

23 июня 1886 г. у великого князя родился первенец, нареченный Иоанном, а новый закон был опубликован 5 июля. Таким образом, Иоанн стал первым, кого коснулось изменение в законодательстве. Но если Иоанна государь «лишил» титула великого князя, со всеми великокняжескими привилегиями, то второй сын Константина Константиновича был «лишен» монархом еще и имени. Чем же, как не «самодурством» императора можно объяснить этот факт?

В 1887 г. великий князь стал отцом во второй раз. 3 июля родился сын Гавриил. Изначально Константин Константинович хотел назвать второго ребенка Андреем, в честь Святого великого князя Андрея Боголюбского, чья память праздновалась на следующий день после рождения младенца. Имя новорожденного младенца должен был утвердить император. Но император, сославшись на уже существующее такое имя в семействе Романовых, решительно отказал. Великому князю пришлось подобрать для мальчика новое имя — Гавриил. Непонятно, почему Александр III не удовлетворил просьбу кузена. Хотел избежать

¹² Вострышев М.И. «Августейшее семейство, Россия глазами великого князя Константина Константиновича» М., 2001. С. 127.

¹³ Дневник. Запись 9 февраля 1885 г.

путаницы в именах князей? Но к этому времени среди членов Императорской фамилии было два Александра, два Алексея, два Георгия, два Константина, два Сергея, три Михаила и пять (!) Николаев. И еще более странным выглядит то, что Александр III не противился в отношении выбора имени для четвертого ребенка — Константина Константиновича (младшего), который родился 20 декабря 1890 г. и стал третьим Константином?

С Гавриилом связана еще одна история, касающаяся взаимоотношений Александра III с кузеном. Осенью 1890 г. мальчик тяжело заболел. Его лечил доктор Рамбах. Болезнь ребенка осложнялось еще тем, что великая княгиня Елизавета Маврикиевна была на последних сроках беременности, в ожидании рождения четвертого ребенка (как раз Константин). Великий князь боялся не только за здоровье больного сына, но и за беременную жену, за судьбу еще не родившегося ребенка. И вот в эти трудные для Константина Константиновича дни приходит известие, что император решает отправить врача, лечащего Гавриила, в путешествие на Восток вместе с наследником престола. «Д-р Рамбах получил назначение сопровождать Цесаревича в его путешествии на восток. В среду мы должны расстаться. Все решилось очень неожиданно. Врач, находившийся на «Памяти Азова», заболел и списался, кн. Барятинский писал Государю, прося прислать другого доктора. Государю хорошо известен один Рамбах. Митя*, вернувшись из Гатчины, передал мне от имени Государя, что он надеется на добровольную с нашей стороны уступку Рамбаху и что мы не будем пенять за это»¹⁴. А ведь положение маленького ребенка было очень серьезным. У него постоянно была высокая температура. Вопрос действительно стоял о жизни и смерти: «...ночью, когда измерили 12-часовую температуру и она оказалась 40, на меня опять напало уныние. На сон грядущий молился в своей крестовой и плакал горькими слезами. Старался приучить себя к мысли о худшем исходе болезни Гаврилушки. Молился, чтобы Господь помог мне безропотно покориться Его воле...»¹⁵, — пишет Константин Константинович в дневник. Как видим, несмотря на тревогу за больного ребенка, великий князь принял это эгоистичное «самоволие» императора. Но, с другой стороны — что ему оставалось еще делать? Ведь против воли императора он был бессилён.

Не следует, однако, думать, что Александр III был в отношении кузена и его семьи только «самодуром» и «извергом». Зачастую государь мог

* Митя – великий князь Дмитрий Константинович (1860–1919), младший брат великого князя Константина Константиновича.

¹⁴ Дневник. Запись 12 ноября 1890 г.

¹⁵ Дневник. Запись 4 ноября 1890 г.

быть достаточно чутким человеком. Так, он соглашался быть восприимчиком в обрядах крещения детей великого князя Константина Константиновича. А на крестины Константина Константиновича-младшего император, чтобы доставить удовольствие кузену, прослужившему более семи лет в Измайловском полку, даже специально надел мундир этого полка. «Государь приехал на крестины в измайловском мундире. Я очень ценю такое внимание»¹⁶, — записал по этому поводу великий князь.

Но внимание к своему кузену император проявлял не только в частной жизни. Когда после смерти графа Д. А. Толстого необходимо было назначить нового президента Императорской Академии наук, министр народного просвещения граф И. Д. Делянов, предложил императору кандидатуру великого князя Константина Константиновича, который в 1887 г. был удостоен звания почетного члена Императорской академии наук. «Видимо, эти обстоятельства и сделали в глазах императора Александра III кандидатуру его двоюродного брата Константина Константиновича наиболее реальной для замещения вакансии в Императорской Академии наук... Во всяком случае, раздумья государя не были долгими», — отмечает В. С. Соболев в своей монографии¹⁷.

Предложение возглавить Императорскую Академию наук было для великого князя неожиданным. Он записывает в своем дневнике: «...я немного смутился при мысли о таком высоком положении. Отказываться я не имею причин. Вечером, после обеда, я улучил минуту поговорить с Государем с глазу на глаз... Государь ответил..., что Президент – великий князь может стать выше всяких интриг, выразил желание, чтобы я принял это предложение, и пожал мне руку»¹⁸.

Официальное вступление Константина Константиновича в новую должность состоялось во время очередного общего собрания Академии наук — 13 мая 1889 г. Выбор императора оказался удачным. При активном содействии великого князя были созданы музеи: Зоологический, Минералогический, Биологический, Музей антропологии и этнографии, учреждён Археологический институт. Организовывались географические экспедиции, на финансирование которых августейшему президенту приходилось порой выделять свои собственные средства.

Официально главным поприщем великого князя как представителя Дома Романовых оставалась военная служба. В 1891 г. в связи с назначением великого князя Сергея Александровича на пост московского генерал-губернатора освободилась должность командира лейб-гвардии

¹⁶ Дневник. Запись 13 января 1891 г.

¹⁷ Соболев В. С. «Августейший президент» СПб., 1993. С. 9.

¹⁸ Дневник. Запись 2 мая 1889 г.

Преображенского полка. Император решил предложить командование полком Константину Константиновичу.

«Владимир передал мне предложение Государя принять от Сергея Преображенский полк и предоставил мне откровенно высказаться. Я положительно ответил, что отказываюсь, и привел доводы: трудность принять на себя такую ответственность, усиливаемую моей деятельностью по Академии, желание командовать Измайловским полком... Владимир горячо опровергал меня, но я стоял на своем, и он обещал передать мои сомнения Государю...»¹⁹. Но, вернувшись к себе в Мраморный дворец, великий князь засомневался в правильности принятого решения. Итог прошедшего дня им зафиксирован в дневнике: «Скажем с Цезарем: *Alea jacta est. Помогите Бог!*»²⁰

Спустя несколько дней, на семейном обеде в Аничковом дворце, когда, уловив подходящий момент, великий князь поблагодарил императора за оказанное ему доверие и милость, Александр III доверительно заметил: «Я рад, что это решено. Но ты согласился не без борьбы? Хорошо, что ты воспользовался этим случаем, а то Бог знает, когда ты дослужился бы до командования полком...»²¹. Царь понимал, что великий князь Константин Константинович стоит особняком среди членов Императорской фамилии. Профессиональное увлечение поэзией кузена выходит за официальные рамки положения великого князя, поэтому не случайно он в воинском звании «отстает» от своих сверстников. Тем не менее, государь с теплотой относился к кузену. И когда появилась вакантная должность командира Преображенского полка, монарх вспомнил о нем.

Но великому князю было нелегко расстаться с измайловцами, вместе с которыми он провел почти семь лет. Эти колебания и неуверенность Константина Константиновича не укрылись от глаз императора, который решил в семейном кругу поддержать своего кузена. В Вербное воскресенье состоялся обед у великого князя Сергея Александровича. «...За семейным обедом у Сергея Государь взглянул на меня..., поднял стакан вина и проговорил: «Измайловский полк!» За семь лет службы в полку я ни разу не слышал этого от Государя. Он, должно быть, чувствует, каково мне расставаться с Измайловцами»²². 21 апреля 1891 г. великий князь был произведен в полковники, а уже 23 числа состоялось его назначение на должность командира лейб-гвардии Преображенского полка. После того, как все формальности были соблюдены, великого князя охватила огромная радость: отныне он командир полка, который был основан

¹⁹ Дневник. Запись 8 марта 1891 г.

²⁰ Там же.

²¹ Дневник. Запись 10 марта 1891 г.

²² Дневник. Запись 17 марта 1891 г.

самим Петром I. Новоиспеченный полковник был несказанно счастлив, когда узнал, что император посетит полковой парад, посвященный празднику Преображения. Вот как об этом вспоминает Константин Константинович: «...Я впервые переживал минуты ожидания, предшествующие параду, которым сам должен командовать... Наконец подъехал Государь... Он подал мне руку, сказав: "Я, кажется, в первый раз вижу тебя перед полком"... Царь велел мне командовать к церемониальному маршу поротно и сказал, что сам пойдет во главе полка. Я так и обомлел от радости. С тех пор, как Он воцарился, Его еще не видали ни перед одним полком на таких парадах... Я проходил за Ним в двух шагах, преисполненный самой блаженной и гордой радости...»²³. В этом видится не просто формальная любезность со стороны самодержца, а проявление поддержки и доверия к новому командиру Преображенского полка.

И все-таки армия — не главная для великого князя Константина Константиновича. Почти все свободное время, которого было не так уж много, он отдавал поэзии. То, что именно это занятие — смысл жизни кузена, чувствовал и Александр III.

Государь следил за литературным творчеством поэта К.Р. Об этом свидетельствуют, например, мемуары С. Д. Шереметева: «Я помню завтрак в Гатчине, на котором был великий князь Константин Константинович. Он был дежурным флигель-адъютантом и провел сутки в Гатчине. Перед тем только что вышло его произведение «Факир»*, в котором воспевается человек, служащий идее, уже устарелой и всеми забытой... На этом стихотворении было обозначено «Гатчина», такого-то числа. Говорили о поэтах... Сам государь перешел на стихи в [еликого] к[нязя] Константина Константиновича и заговорил о них. Он похвалил автора и добавил: "А ты написал это в Гатчине?". Я невольно взглянул на него, когда он это сказал, и что-то неуловимое промелькнуло в его выражении. "Да, в Гатчине, — ответил Константин Константинович, — у меня было много свободного времени"... Вообще государь был очень чуток»²⁴.

Зная о поэтическом творчестве великого князя Константина Константиновича, император однажды завел с ним разговор следующего содержания. Александр III стал рассказывать кузену о посещении датского замка Эльсинор, где разворачиваются события трагедии Шекспира «Гамлет». Монарх посетовал, что, ознакомившись с оригиналом, а потом прочитав существующие переводы на русский язык, он не почувствовал колорита эпохи. Великий князь решил сделать свой перевод

²³ Дневник. Запись 8 июля 1891 г.

* По-видимому, Шереметев имеет в виду стихотворение «Будда», помеченное «Гатчина. 8 декабря 1891 г.».

²⁴ Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 335-336.

шекспировской трагедии. Работа над «Гамлетом» началась летом 1889 г. и продолжалась около десяти лет²⁵.

Закончен перевод был уже после смерти Александра III. Свой труд августейший поэт посвящает умершему императору, ставя своеобразную точку в истории их непростых взаимоотношений. Сонет-посвящение предваряет перевод трагедии:

*Как сладкую мечту, о Незабвенный,
В душе таил надежду Твой поэт
Перед Тобой повергнуть труд смиренный
Заветный плод усилий долгих лет.*

*Ты пожелал, чтоб «Гамлет» несравненный
На речи русской вновь увидел свет,
Но перевод, Тобою вдохновенный,
Созрел, — увы, когда Тебя уж нет.*

*С Тобою мы разлучены могилой, —
Но верится: и в небе будет мило
Что на земле свершалось в любви.*

*Любовь Твоё исполнила вельенье;
Прими — ж, о Царь, поэта посвященье
И труд его с небес благослови.*

К.Р.

Красное Село 22 мая 1899 г.

Говоря об отношении великого князя к императору, очень показательным можно назвать эпизод, связанный с крушением императорского поезда в 1888 г. Дневниковые записи Константина Константиновича наглядно иллюстрируют ужас, который великий князь испытывал в те дни. При описании великим князем этих событий его обычный литературный стиль исчезает. Фразы становятся отрывочны и построены подобно телеграфным сообщениям. Все это говорит о подлинных переживаниях великого князя. «Бог спас Государя от страшной опасности: на Курско-Харьковско-Азовской ж.д. паровоз и четыре вагона сошли с рельсов. Столовый вагон, в котором в это время завтракал Государь со

---

²⁵ Подробнее см. В. Е. Андреев. «Роль трагедии «Гамлет» в творчестве великого князя Константина Константиновича (поэта К.Р.)» // Последние Романовы и императорские резиденции в конце XIX – начале XX века. Материалы научной конференции / ГМЗ «Гатчина». СПб., 2009.

своей семьей, разбит совершенно, но все остались каким-то чудом невредимы... из остальных сопровождавших 21 человек убит и 37 ранено... Страшно становится, когда подумаешь, что Государь, Государыня и все их дети могли погибнуть...»²⁶. Великий князь очень напуган случившимся. Сначала его охватил ужас при мысли о том, что в результате железнодорожной катастрофы мог погибнуть император и члены его семьи. И тут же мелькает другая страшная мысль — великий князь начинает воспринимать произошедшее не только как человеческую трагедию, но и как трагедию государственную, видя в Александре III уже не только родственника, но и монарха. Константин Константинович начинает переживать за судьбу престола, и у этой фразы в дневнике есть продолжение: «...и престол перешел бы к маленькому Кириллу, так как Владимир, женатый на лютеранке, не может царствовать»²⁷. Но все обошлось и на страницах дневника Константин Константинович с искренней радостью записывает: «Вчера много нас ездило в Гатчину встречать Государя... Да, это было чудо из чудес. Мы слышали бесчисленные рассказы об этом крушении и от самого Государя и от всех бывших с ним. Они в один голос говорят, что как бы воскресли из мертвых, и вступили в новую жизнь...»²⁸. Действительно, все члены семьи Александра III остались в живых, отделавшись лишь ушибами, царапинами и шоком. Но вскоре выяснилось, что некогда богатырское здоровье монарха стало ухудшаться. Однажды великий князь был удивлен видом венценосного кузена: «Я его видел. Он похудел и ослабел. На нем был красный фланелевый халат, шерстяные чулки и красные туфли... И вместе с тем в нем проглядывало его обыкновенное благодушие. Такой он был и жалкий, и хороший, и милый»²⁹. Из этой записи видно, что великий князь считает, что монарху просто нездоровится. Он не догадывается, что император серьезно болен. Константин Константинович чаще чем раньше посещает своего венценосного кузена в неформальной домашней обстановке, что отмечается в его дневнике: «Чем дальше, тем я себя чувствую свободнее в Государевой семье. Ко мне так добры, что я чувствую себя здесь почти как дома»³⁰. Если судить по этой записи, ему неизвестно истинное положение вещей. Но врачи не скрывают от Александра III диагноз — болезнь почек. Узнав о своем недуге, император был шокирован. А когда человек теряет уверенность в своих силах, болезнь беспрепятственно усиливает свой натиск. Именно к такому выводу пришел великий князь Константин Константино-

²⁶ Дневник. Запись 19 октября 1888 г.

²⁷ Дневник. Запись 19 октября 1888 г.

²⁸ Дневник. Запись 21 октября 1888 г.

²⁹ Дневник. Запись 20 января 1894 г.

³⁰ Дневник. Запись 16 февраля 1894 г.

вич: «Захарьин* его запугал, сказав, что его болезнь — хронический нефрит — неизлечима. Царь очень упал духом и два дня оставался в подавленном, угнетенном настроении. Ночью он плохо спит, постоянно чувствует слабость и вид у него очень нездоровый»³¹. Одышка, головокружения, боли в области поясницы стали постоянно преследовать Александра III. В довершении всего стали сильно опухать ноги. Но император упорно не желал ничего менять в своем повседневном распорядке. В конце концов, императрице Марии Федоровне удалось убедить супруга уехать в Крым. 21 сентября 1894 г. он переехал в Ливадию. Смена климата, однако, не принесла ожидаемого облегчения. Бюллетень от 5 октября констатировал ухудшение здоровья. И вскоре в Крым стали приезжать представители Императорской фамилии. Но среди них не оказалось великого князя Константина Константиновича. Почему же он не приехал проститься с Александром III? Скорее всего, члены семьи императора до последней минуты надеялись на выздоровление Государя, и приглашать прощаться с еще живым человеком родственников считали неприличным. Со своей стороны, великий князь, видимо, считал для себя невозможным без приглашения являться к императору. Ведь и ранее государь ценил в великом князе скромность, такт, отсутствие стремления ради карьеры попадаться на глаза монарху. 20 октября 1894 г. Александр III скончался. Так неожиданно оборвались отношения этих людей, которым не суждено было проститься.

Вспоминая день похорон императора Александра III, сын великого князя Гавриил Константинович писал: «...Наш отец, как командующий Преображенским полком, дежурил у гроба государя в день его похорон и оставался на своем посту до тех пор, пока не заделали царскую могилу»³². Так великий князь отдал свой последний долг умершему монарху как офицер — командующий лейб-гвардии Преображенским полком. А через несколько лет он увековечил его память и как поэт, посвятив монарху перевод «Гамлета».

В заключение следует отметить, что отношения между Александром III и великим князем Константином Константиновичем были достаточно сложными и не могут быть однозначно оценены. Анализировать их только как отношения между членами семьи недостаточно, потому что здесь присутствует элемент отношений «монарх — подданный». И эта двойственность прослеживалась на протяжении всего времени, когда Александр III находился на престоле. Государь мог помочь кузену про-

* Захарьин Григорий Антонович (1829 — 1895) — заслуженный профессор и директор терапевтической клиники Московского университета, почетный член Академии наук.

³¹ Дневник. Запись 13 августа 1894 г.

³² Великий князь Гавриил Константинович в Мраморном дворце. М., 2001. С. 25.

двигаться по служебной лестнице, утвердив его президентом Императорской Академии наук, а затем назначив командующим лейб-гвардии Преображенским полком. Он помог великому князю справиться с первыми волнениями, когда тот вступил в должность командира полка. И в то же время фактически ради своей прихоти мог подвергнуть смертельной опасности больного ребенка, забирая опытного врача.

Вместе с тем Александр III с большим вниманием следил за литературной деятельностью двоюродного брата. Император действительно строил свои отношения с людьми, основываясь в первую очередь, не на родственных чувствах, а на своем личном восприятии того или иного человека, но делал это, помня о том, что именно он — Александр III является главой государства.

Константин Константинович, со своей стороны, всегда разделял свое отношение к Александру III на официальное — как к своему монарху, и на родственное — как к двоюродному брату.

1. Портрет императора Александра III. Худ. И. Крамской. 1886 г. ГРМ.

2. Портрет великого князя Константина Константиновича. Худ. А. Леонтовский. 1901 г. ВИМАИВиВС.

3. Коронация императора Александра III и императрицы Марии Федоровны. Худ. Ж. Беккер. 1883–1888 гг. ГЭ.

4. Великий князь Константин Константинович с сыновьями Иоанном и Гавриилом.

5. Железнодорожная катастрофа в Борках 1888 г.

6. Император Александр III среди членов Императорской фамилии в Ливадии 1893 г.

К истории строительства Храма Святой Троицы в Павловске

Трехсотлетие Дома Романовых вся Россия отмечала пышно и торжественно. Повсюду проводились исторические чтения, торжественные молебны, устанавливались памятники и закладывались храмы.

6 февраля 1913 г. поступило следующее распоряжение: «Государь Император соизволил утвердить... об объявлении 21 февраля 1913 г. неприступным для всей Империи»¹. Особо следует отметить, что русское общество отметило день — 21 февраля — в трезвом состоянии. Как сообщает 14 февраля 1913 г. Управляющий Акцизными сборами господину — Управляющему городом Павловском: «Главное Управление нескладных сборов и казенной продажи питей 13-го текущего февраля за № 1032 уведомило меня, что по состоявшемуся между Министерством Финансов и Внутренних Дел соглашению, признано необходимым воспретить в день празднования Трехсотлетия Царствования Дома Романовых, 21 сего февраля, повсеместно в Империи продажу крепких напитков в частных местах продажи питей, допустив только в ресторанах 1-го разряда»².

Павловск весьма достойно встретил столь значительное событие в истории России. В газете «Царскосельское Дело» сообщалось в эти дни: «Трехсотлетний юбилей Царского Дома был отпразднован в Павловске весьма торжественно. Весь город разукрасился флагами, а вечером, когда стемнело, повсюду зажглись огоньки разноцветных фонарей. Особенно красиво было разукрашено здание местной полицейской части, на которой сиял всеми цветами радуги огромный электрический вензель»³.

Конечно же, в Павловске были отслужены литургии, состоялись крестные ходы, были организованы парады войск и устроены юби-

¹ РГИА. Ф. 493. Оп.3. Д. 18983. Л. 42.

² РГИА. Ф. 493. Оп.3. Д. 18983. Л. 41.

³ Царскосельское дело. 1 марта 1913 г. С. 3.

лейные чтения. Кроме того, в память 300-летия Царствования Дома Романовых, в городе Павловске были заложены на добровольные пожертвования 2 каменные церкви, на земле, отведенной Августейшим владельцем г. Павловска великим Князем Константином Константиновичем. Одна из этих церквей — Спасо-Преображенская в Тярлево — была заложена в августе 1912 г. и освящена 6 июля 1914 г.; строительство же второй — Свято-Троицкой церкви — несколько затянулось и не было завершено. Однако, опираясь на материалы Российского государственного исторического архива, а также на газетные публикации того времени, можно довольно подробно осветить вопрос строительства храма.

22 июня 1912 г. отставной полковник Измайловского полка Иван Николаевич Смирнов обратился с просьбой к великому князю Константину Константиновичу о выделении места для построения храма в память 300-летия Царствования Дома Романовых: «Принадлежа к семье, глава которой, мой отец, ныне покойный, отдал 35 лет своей жизни на служение Павловску, в качестве врача, а моя мать и поныне проживает в нем 55-й год, пользуясь гостеприимством Августейших его Владетелей, у меня возникла мысль создать на своей родине в честь великого грядущего события в жизни России и 300-летия Царствования Дома Романовых Храм-памятник. Получив благословение из обители Святого Серафима Саровского... Лепта на начало этого благого дела 16 000 руб. Состав лиц, одушевленных горячим желанием воплотить в действительность их мечту: Надворный Советник, Инженер Путей Сообщения К. Г. Резцов и сестра его О. Г. Поршнякова. Потомственный почетный гражданин С. Г. Раменский. Статский Советник В. А. Прокофьев. Дочь потомственного почетного гражданина Е. С. Смородинова и отставной Гвардии Полковник И. Н. Смирнов»⁴.

Из обращения Смирнова ясно, что конкретного места он не предлагает, но великий князь выделяет достойное место для храма — в небольшой дубовой роще в центре города Павловска. Если бы удалось закончить строительные работы, то церковь стала бы первым приходским храмом города. До того времени в Павловске существовали лишь придворные храмы и полковая церковь.

Разработкой проекта безвозмездно занимался гражданский архитектор Л. А. Ильин. 16 октября 1912 г. великий князь утвердил проект фасада храма. Но представление остальных чертежей, также как и представление расчетов и подписки техника, который берет на себя ответственность за прочность работ, несколько задерживались, «ввиду

⁴ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 18938. Л.1-2.

серьезной болезни архитектора...»⁵, как об этом сообщает управляющему городом Павловском Э. Э. Герингу 10 ноября 1912 г. И. Н. Смирнов. Кстати, точность расчетов и прочность постройки были проверены временем. Как сообщает современный исследователь М. Ю. Мещанинов, когда недостроенный храм пытались разрушить, первоначальные попытки взорвать его ни к чему не привели, столь прочной была его кладка⁶.

Почетным Председателем Комиссии по сооружению храма был избран князь Иоанн Константинович. Он стал исполнять данные обязанности уже в начале 1913 г., но лишь 18 февраля 1914 г. был официально Высочайше утвержден «...в звании Почетного Председателя Комитета по сооружению в городе Павловске нового храма во славу Святыя Живоначальныя Троицы, в память 300-летия Царствования Дома Романовых»⁷.

30 марта 1913 г. на углу участка, отведенного под храм, заложили часовню. Газета «Царскосельское дело» подробно описывает церемонию: «В субботу, 30-го марта, в 3 часа дня в Дубовом садике, что выходит на 4 улицы: Конюшенную, Правленскую, Воробьиный и Песчаный переулок, на участке, подаренном Великим Князем Константином Константиновичем, состоялась закладка часовни. В условленное время два крестных хода — один из Мариинской церкви, а другой из семинарии — сошлись на месте закладки. Началось богослужение. Масса молящихся, несмотря на моросивший дождь и холодную погоду. Служил о. Александр Воскресенский. К началу службы прибыли Высшие Особы, управляющий городом Павловском генерал майор Геринг, полицмейстер г. Сабуров и много публики. Часовню закладывали на углу садика, выходящего на Правленскую и Воробьиную улицу. Около 4-х часов закладка закончилась, и крестные ходы отошли обратно... На месте закладки воздвигается деревянная часовня, церковь же будет выстроена впоследствии посреди этого же сада. До сих пор на постройку ее собрано 16 тысяч рублей, но этой суммы недостаточно»⁸.

31 мая 1913 г. та же газета сообщает: «Приходской храм в Павловске будет. Об этом теперь уже можно говорить с уверенностью. Милостью Августейшего хозяина города отведено под храм чудное центральное место (в дубовом садике), а трудами полковника И. Н. Смирнова собрано уже 25 000 руб., которые хранятся в Московском купеческом банке. На постройку храма нужно всего около 100 000 рублей, но эти средства

⁵ РГИА. Ф.493. Оп. 3. Д. 18938. Л. 8.

⁶ Мещанинов М. Ю. Церковь Святой Троицы // Мещанинов М. Ю. Храмы Царского Села, Павловска и их окрестностей: краткий исторический справочник. СПб., 2000. С. 254 – 257.

⁷ РГИА. Ф. 538. Оп.1. Д.802. Л. 8.

⁸ Царскосельское дело. 1913. 5 апреля. С. 3.

найдутся — не вымерли еще на Руси верующие люди и на такое хорошее дело деньги должны найтись. Пока же в дубовом садике воздвигается деревянная часовня, причем постройка ее производится исключительно усердием местного известного подрядчика г. Ксенофонта»⁹.

Водружение Креста на месте постройки храма и освящение часовни состоялось в день праздника Святой Троицы 2 июня 1913 г.¹⁰, а 24 июня состоялась закладка храма. Достаточно подробно это знаменательное для Павловска событие описывается в газете «Царскосельское дело»: «В Павловске состоялось великое торжество — закладка первого в городе приходского храма, сооружаемого в память трехсотлетия Царствования Дома Романовых.

Торжество началось 23 июня перенесением в Павловск из церкви Собственного Его Императорского Величества Сводного пехотного полка в Царском Селе¹¹ частицы святых мощей Святителя Алексия, Архимандрита Московского и всея России Чудотворца, в честь которого сооружается Павловский храм. (Перенесению частицы святых мощей Святителя Алексия из Федоровского Собора способствовал ктитора храма, полковник Д. Н. Ломан, им же «...была расположена Игуменья Понетаевского Монастыря пожертвовать в часовню строящегося храма икону Знамени Божией Матери Понетаевской»¹² — прим. Е. Р.). По прибытии в Павловск, святые мощи были встречены крестным ходом и перенесены в церковь при дворце Августейшего хозяина Павловска, Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Константиновича, в которой собором, сонмом духовенства, отслужено торжественное молебствие Святителю Алексию и всенощная. По окончании Богослужения масса богомольцев приложилась к Святым мощам.

В 4 часа дня 24 июня, из дворцовой церкви вышел крестный ход с придворным духовенством. Во главе крестного хода шел архимандрит Александро-Невской лавры Макарий, неся на голове ковчежец с частицею Св. Мощей, и Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Константинович со своим Августейшим сыном, Его Высочеством Князем Иоанном Константиновичем. В это время из придворной Мариинской церкви и из Павловской военной церкви также вышли крестные ходы.

... На месте закладки поставлено три шатра: большой, роскошно декорированный тропическими растениями для Богослужения, с чертежами и видами храма и для почетных гостей. Перед шатром, приготовлен-

⁹ Царскосельское дело. 1913. 31 мая. С. 3.

¹⁰ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 18938. Л. 10.

¹¹ Царскосельский Федоровский Собор.

¹² РГИА. Ф. 489. Оп.1. Д. 24. Л.3.

ного для Богослужения — полукруглый ров алтарной стены, с крестом в полуциркуле, обозначающим место будущего престола...

Окончился чин водосвятия, Диакон читает: “Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Основана сия Церковь в честь Святыя, единосущные, животворящие и нераздельныя Троицы при державе благочестивейшаго, самодежавнейшаго Великого государя Императора Николая Александровича, при святительстве же Высокопреосвященнаго Владимира, Митрополита Санкт-Петербургскаго и Ладожскаго, и положены суть мощи святаго Алексия, Митрополита Московскаго и всея России Чудотворца, в лето от сотворения мира 7421, от рождества же по плоти Бога слова 1913, месяца июня 24 дня”.

Митрополит (Владимир), после сего окропляет Святой водой выемку в колонне кирпичей на месте престола, вкладывает туда ковчежец с частицею Св. Мощей и, покрыв выемку серебряной золоченой доской, на которой выгравирована приведенная выше надпись, заливает ее елеем. Затем Митрополит кладет первый камень в основание храма. За ним, второй камень кладет Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Константинович, затем Его Высочество Князь Иоанн Константинович, затем председатель и члены Строительного Комитета...

...Их Высочества изволили пройти в Шатер с чертежами храма, где, осмотрев чертежи и виды храма, изволили подписать акт о закладке храма. Председатель Строительной Комиссии, Полковник И. Н. Смирнов в это же время был удостоен счастьем представить Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу членов Комитета.

Павловский храм будет иметь два придела : верхний во имя Святителя Алексия и нижний, пещерный, в честь Св. Иконы Казанской Божией Матери. Стиль его, по проекту архитектора, гражданского инженера Л. А. Ильина — древнерусский, времен Алексея Михайловича; судя по акварельным видам храма — это будет одно из красивейших сооружений не только Павловска, но и столицы»¹³.

Невозможно не согласиться, что строился храм в древнерусском стиле, но, вероятнее всего, проект опирался на архитектуру храма Покрова на Нерли (XII в.), что отметили и современные исследователи (М. Ю. Мещанинов, Г. Н. Сауткина и В. Н. Несин, Б. В. Януш). Из газеты «Царскосельское дело» мы узнаем также, что храм Св. Троицы соорудился и в честь Святителя Алексия, Архимандрита Московского и всея России Чудотворца и в Верхнем Храме и, предположительно, должны были установить 2 престола: один Святой Животворящей Троицы,

¹³ Царскосельское дело. 1913. 28 июня. С. 3.

а второй во имя Св. Алексия. Вполне вероятно, что название храма было бы более сложным, например, Свято-Троицкий Алексиевский Собор. (Одновременно в Санкт-Петербурге перестраивался Николо-Александровский Барградский храм, освященный во имя Святого Николая Архиепископа Мирликийского и Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского).

Вызывает некоторое сомнение информация, изложенная в немногочисленных источниках, посвященных истории храма (А. Смирнов, М. Ю. Мещанинов, Б. В. Януш), о том, что создавалась усыпальница Великих Князей. По всей видимости, это просто оговорка, т. к. в Павловске в это время оставался лишь один великий князь — Константин Константинович, а дети его величались князьями и княгинями Императорской Крови. К тому времени в Петропавловском Соборе была построена и освящена 5 ноября 1908 г. усыпальница членов императорской фамилии. В 1915 г. в имении Осташево Константиновичи начали постройку храма-усыпальницы на месте погребения князя Олега Константиновича. К сожалению, уже полностью построенную церковь не успели освятить. И, если великий князь Константин Константинович задумал бы устроить усыпальницу, то не логичнее было бы построить ее в придворной церкви Марии Магдалины? Да и по архивным документам видно, что великий князь уделял строительству минимум внимания, возложив решение всех вопросов на старшего сына, князя Иоанна Константиновича. Павловское Городовое Правление, куда по правилам должны были быть сданы чертежи, утвержденные великим князем, больше беспокоило, чтобы был соблюден порядок хранения этих чертежей. Однако после долгой переписки 19 декабря 1915 г. Управляющий городом Павловском Э. Э. Геринг получает от И. Н. Смирнова следующий ответ: «...считаю долгом уведомить, что подлинный и единственный чертеж фасада Храма, утвержденный в Бозе Почившим Его императорским Высочеством Великим Князем Константином Константиновичем, хранится, ввиду желания Комитета иметь эту, отныне, реликвию у себя, во временном помещении музея строящегося Храма (Конногвардейский бульвар, д. 21, кв. 1). Ввиду необходимости означенный чертеж, равно как и другие чертежи, временно переданы строителю Храма, члену Комитета гражданскому инженеру Льву Александровичу Ильину»¹⁴. 3 февраля 1916 г. рукой последнего Управляющего Павловском С. Н. Смирнова сделана приписка «К делу». По всей видимости, чертежи так никогда и не поступили в Павловское Городовое Правление. Вполне можно допустить, что князю Иоанну Константиновичу, впоследствии, захотелось

¹⁴ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 18938. Л. 22.

построить усыпальницу именно в приходском храме. Князь был большим романтиком и, возможно, идея быть упокоенным в городском храме родного Павловска ему импонировала. Не исключено, что в храме предполагали устроить усыпальницу для почетных горожан Павловска. Однако никаких сведений о Нижнем Храме найти не удалось.

О том, что Верхний Храм был рассчитан на 600 человек впервые было указано в статье А. Смирнова «Земля отчичи и дедови»¹⁵, но не назван источник информации. В известных нам документах таких сведений нет. Видимо А. Смирнов опирался на неизвестный нам источник.

Почетного Попечителя Строительного Комитета князя Иоанна Константиновича и Председателя этого Комитета Ивана Николаевича Смирнова объединяла единая цель — постройка Храма. Оба были глубоко верующими людьми и в процессе строительства храма у князя Иоанна сложились доверительные отношения с И. Н. Смирновым. Князь даже предложил Ивану Николаевичу стать управляющим его делами, на что И. Н. Смирнов 18 февраля 1914 г. дал свое согласие: «Ваше Высочество. За время почти двухлетней работы с Вашим Высочеством душевное отношение к членам Комитета и Ваше постоянное ласковое внимание ко мне сделали то, что я прошу оказать мне высокую честь считать меня неизменно преданным Вашим слугою. Вчера Вы обратились ко мне с милостивейшим предложением стать во главе управления Вашими делами. Из этого я заключаю, что Вы верите в мою преданность Вам и доверие уже большая для меня награда... считаю, что то, что мне предложено Вашим Высочеством есть тоже Перст Божий, вероятно указующий мне то место, где мои силы могут быть нужнее и если это так, то я конечно буду считать счастливым принести пользу Вам... Иван Смирнов»¹⁶. Однако назначение так и не состоялось по неизвестным нам обстоятельствам. В дальнейшем, 2 июня 1915 г. умирает великий князь Константин Константинович, и перед семьей встает серьезный вопрос раздела имущества, осложненный тяжелыми условиями войны. Разобраться в сложных экономических проблемах мог лишь человек, имеющий большой практический опыт решения деловых вопросов, и в 1916 г., после долгих раздумий, эту трудную задачу князь Иоанн Константинович предоставил решать однофамильцу Ивана Николаевича, архитектору-строителю Сергею Николаевичу Смирнову. Князь Иоанн Константинович пишет в одном из писем: «Выбор мой на должность управляющим городом Павловском остановился на Камер-юнкере Двора Его Императорского Величества

¹⁵ Смирнов А. Краткая история Павловска. «Земля отчичи и дедови» // Павловск. Альманах. Вып. 1. С. 45.

¹⁶ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 802. Л. 6

инженере Путей Сообщения Статском Советнике Сергее Николаевиче Смирнове, которого давно знает вся наша Семья»¹⁷. Официально Сергей Николаевич Смирнов вступил в управление городом Павловском 13 июня 1916 г. Однако исполнять обязанности Управляющего городом Павловском он начал еще в марте того же года. Одновременно С. Н. Смирнов исполнял обязанности по Управлению делами его высочества Князя Иоанна Константиновича и ее королевского высочества княгини Елены Петровны, а также временно и по Управлению в Павловске Частью двора ее императорского высочества великой княгини Елизаветы Маврикиевны¹⁸.

Несмотря на то, что Иван Николаевич Смирнов так и не стал управляющим делами князя Иоанна Константиновича, это никак не сказалось на приятных взаимоотношениях нового владельца Павловска и отставного полковника. Своеобразным подарком для Ивана Николаевича стало переименование одной из улиц Павловска в улицу Доктора Смирнова. 6 декабря 1916 г. князь Иоанн Константинович обращается к И. Н. Смирнову: «Иван Николаевич. Покойный отец Ваш доктор Николай Владимирович Смирнов, поселившись в 1856 г. в городе Павловске прожил в нем до конца своей жизни, отдавая в течение 35 лет свои силы служению ему.

Зная, как ценил Вашего покойного отца Возлюбленный Мой дед Великий Князь Константин Николаевич, я, желая навсегда сохранить среди горожан любимого мною Павловска память об этом необыкновенном человеке и враче-бессеребрянике, повелел сделать распоряжение переименовать Гуммосаровскую улицу, на которой и поныне стоит Ваш дом в "улицу доктора Смирнова". Иоанн»¹⁹.

Известно, что Иоанн Константинович и Члены Комитета по строительству храма Св. Троицы прилагали много сил, чтобы найти средства на завершение работ. Однако обстоятельства складывались весьма неблагоприятно. В июле 1916 г. в Московском купеческом банке хранились процентные бумаги на постройку храма в Павловске всего на сумму 1 тысяча двести рублей²⁰.

Болезнь архитектора Ильина, нехватка денег — все это затягивало работу. Затем, летом 1914 г., началась первая мировая война. К 1917 г. храм был подведен под крышу, но достроить его не удалось. Так и осталась несущественной мечта прихожан Павловска построить в центре города достойный приходской храм. В 1930-х гг. здание храма было разрушено,

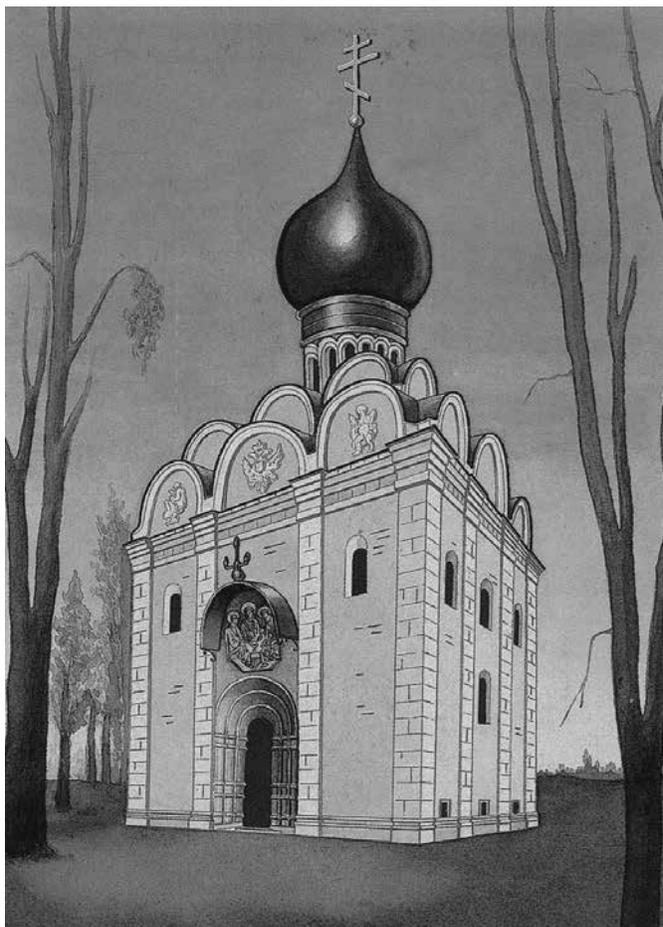
¹⁷ РГИА. Ф. 493. Оп. 5. Д. 303. Л.1.

¹⁸ РГИА. Ф. 493. Оп. 5. Д. 303. Л.17, 22.

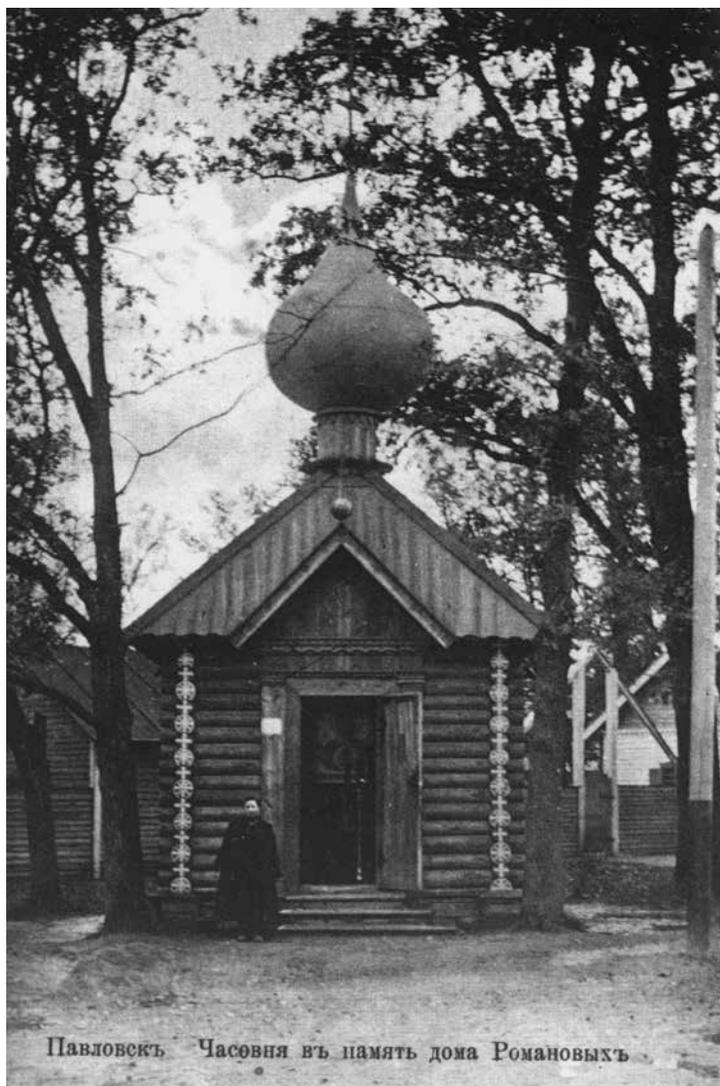
¹⁹ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 19097. Л. 7.

²⁰ РГИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 84. 1916. Л.7.

а на его фундаменте была отстроена пожарная часть. Вполне возможно, что и по сей день пожарная часть Павловска находится под защитой и покровительством Мощей Святого Алексия, Митрополита Московского и всея России Чудотворца. В 2007–2008 г. рядом с пожарной частью в память о разрушенном храме была возведена небольшая деревянная церковь, освященная во имя Святой Живоначальной Троицы.

1. Проект храма Св. Троицы в Павловске. (Из книги: Мещанинов М. Ю. Храмы Царского Села, Павловска и их окрестностей: краткий исторический справочник. — СПб., 2000.)

2. Павловск. Часовня в Память Дома Романовых.

3. Павловск. Здание пожарной части, построенной на фундаменте разрушенного храма Св. Троицы.

4. Павловск. Церковь Св. Троицы, построенная в 2007–2008 гг. в память о разрушенном храме.

ИСТОЧНИКИ:

1. Царскосельское дело. 1913. 1 марта. С. 3.
2. Царскосельское дело. 1913. 5 апреля. С. 3.
3. Царскосельское дело. 1913. 31 мая. С. 3.
4. Царскосельское дело. 1913. 07. июня. С. 2.
5. Царскосельское дело. 1913. 28 июня. С. 3.
6. Царскосельское дело. 1914. 27 июня. С. 3.
7. РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 18983. О праздновании 300-летия Дома Романовых.
8. РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 18938. О ходатайстве гвардии Полковника Смирнова об отводе места в дубовом саду под постройку Храма в память 300-летия Царствования Дома Романовых. 1912.
9. РГИА. Ф. 493. Оп. 5. Д. 303. О назначении камер-юнкера высочайшего двора инженера путей сообщения статского советника С. Н. Смирнова управляющим г. Павловском.
10. РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 200. О постройке в городе Павловске Храма в память 300-летия царствования Дома Романовых.
11. РГИА. Ф. 538. Оп.1. Д.802. Переписка по сооружению храма в городе Павловске в память 300-летия Царствования Дома Романовых.
12. РГИА. Ф. 434. Оп.1. Д. 84. По управлению делами Его Высочества Князя Иоанна Константиновича.
13. РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 19097. О переименовании Гуммосаровской улицы в Смирновскую.
14. Сауткина Г. Н. Павловск Императорский и Великокняжеский / Г. Н. Сауткина, В. Н. Несин. — СПб., 1996. — С. 204.
15. Мещанинов М. Ю. Церковь Святой Троицы // Мещанинов М. Ю. Храмы Царского Села, Павловска и их окрестностей: краткий исторический справочник. — СПб., 2000. — С. 254–257.
16. Смирнов А. Краткая история Павловска. «Земля отчичи и дедови»// Павловск. Альманах. Вып.1. С. 45.
17. Януш Б. В. Неизвестный Павловск. Последние владельцы 1892–1917 гг.: историко-краеведческий очерк — СПб., 2006. — С. 75–77.

Франция после краха режима Второй империи глазами великого князя Константина Николаевича: середина 1870-х гг.

После крушения империи Наполеона III в ходе франко-прусской войны 1870–1871 гг. на политической карте Европы появилась новая великая держава — Германская империя, созданная под эгидой Пруссии. Германским императором (кайзером) стал прусский король Вильгельм I, канцлером — прусский министр-президент О. фон Бисмарк.

Гибель Второй империи позволила России отказаться от выполнения ограничительных статей Парижского трактата 1856 г., запрещавших ей иметь военный флот в Черном море. Кроме того, правящие династии России и Пруссии (Германии) были связаны тесными родственными узами. Например, Вильгельм I, сын короля Фридриха Вильгельма III и брат русской императрицы Александры Федоровны (супруги Николая I) приходился Александру II и его братьям родным дядей. Этим во многом было обусловлено политическое сближение двух держав, которое совершалось под знаменем «Союза трех императоров» (1873 г.). Давней мечтой Александра II было возрождение военно-политического союза России с державами Центральной Европы — Германией и Австро-Венгрией по образу и подобию Священного Союза, оформившегося после Наполеоновских войн и номинально просуществовавшего до европейских революций 1848–1849 гг.

Взгляд брата царя — великого князя Константина Николаевича — был несколько иным. Великий князь воспринимал сближение с Пруссией с нарастающим скепсисом и даже не-приятно. В первой половине 1870-х гг. в Петербурге стали регулярными чествования прусских августейших лиц, генералов и офицеров, приезжавших в Россию по разным торжественным поводам. Александр II всячески подчеркивал прочность родственных отношений с императорским домом Гогенцоллернов. Со своей стороны, великий князь Константин Николаевич откровенно тяготился частыми приемами прусских гостей, ради которых надлежало

вновь и вновь облачаться в неудобный прусский мундир. В июле 1875 г. в Петергофе в очередной раз принимали прусскую военную делегацию. Великий князь даже воспрял духом, когда, казалось, волей случая удалось избавиться от переодевания в прусские мундиры. Дело в том, что прусские офицеры прибыли из военного лагеря, располагавшегося во время маневров в Красном Селе, в Большой Петергофский дворец, а их мундиры по ошибке отослали в Петербург. Эта «страшная конфузия» едва не привела к приятному надеванию сюртуков. Однако мундиры все-таки успели вернуть и доставить в Петергоф к назначенному часу. Константин не скрывал огорчения: (13 июля 1875 г.) «Мы все были в прусских мундирах, что я терпеть не могу»¹.

В конце ноября 1875 г. гостями Зимнего дворца стали: родной дядя русского царя — принц Прусский Карл, его жена и австрийский эрцгерцог Альбрехт. 26 ноября, по случаю «Георгиевского праздника», в Зимнем состоялся большой кавалерский обед. Великий князь Константин Николаевич прибыл сюда в полной форме — в Волынском уланском мундире, с прусской цепью и австрийской лентой. Наряду с Александром II, великими князьями и Георгиевскими кавалерами, на обеде присутствовали и оба гостя. По словам Константина, царь произнес «речь о союзе трех императоров, и Альбрехт премило отвечал»². Из приведенной фразы, содержащейся в дневнике великого князя, мы не можем составить впечатления ни о содержании речей, ни об отношении царского брата к «Союзу трех императоров». Вместе с тем, похоже, что «премилый» ответ эрцгерцога не оказал слишком вдохновляющего воздействия на Константина. 30 ноября, «ради праздника для Андреевских кавалеров», царский брат вновь был в Зимнем. «...Но, к несчастью, в прусских мундирах, что я так ненавижу», — заметил он при этом³. В самом ли деле ношение неудобного прусского мундира было для великого князя Константина Николаевича настолько обременительной обязанностью, что в этом и заключалась настоящая причина его раздражения во время торжественных приемов прусских гостей?..

Память о родственной близости к прусским принцам вернулась к великому князю во время проводов их на «Московской станции» 4 декабря 1875 г.: туда Константин поехал, «чтоб проститься с прусскими дядей и тетей, которые отправляются на три дни в Москву, а оттуда прямо назад — в Берлин»⁴. Но едва ли родственные чувства были определяющими. Провозглашение «Союза трех императоров» было

¹ Дневник вел. кн. Константина Николаевича // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 109. Л. 33об.

² Там же. Д. 110. Л. 22.

³ Там же. Л. 23об.

⁴ Там же. Л. 25об.

воспринято великим князем с интересом, но без особого восторга, так как далее взаимных комплиментов и заверений в дружбе дело, по всей видимости, не шло.

Из больших держав континентальной Европы за бортом провозглашенного «союза» России, Германии и Австро-Венгрии, разумеется, осталась Франция. Великий князь Константин не скрывал своих симпатий к этой стране и в 1870-е гг. нередко бывал там, как правило, проводя отпуск на курорте, но при этом выполняя некоторые (на первый взгляд — формальные) дипломатические поручения. Так, в августе 1874 г., находясь в Париже проездом — по пути на курорт в Биарриц, «адмирал Романов» принял сербского князя Милана IV. Европеизированный облик правителя братской славянской страны, своими манерами и вредными привычками явно тяготевшего к Западу, развеивал многие иллюзии насчет ложно понятого славянского единства. «Не сделал мне хорошего впечатления, — писал великий князь о сербском князе (24 августа 1874 г.), — воспитан в Париже, потому совершенно офранцузился, в Белграде скучает, не умеет это скрывать, и любит только жить и кутить в Париже»⁵. Немногом ранее, в 1872–1873 гг., Милан рассматривался в качестве возможного жениха дочери великого князя Константина Николаевича – великой княжны Веры. Это в какой-то момент даже стало причиной небольшой размолвки между Константином и его царственным братом. 26 января 1873 г. оба брата встретились во время прогулки в Летнем саду. Александр II сообщил великому князю Константину Николаевичу, что русский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев сообщал о желании князя Милана просить «руки Веры». Царь отвергал возможность подобного брака, так как «русская в[еликая] кн[язина] не может быть вассалкою султана». Константин возразил: «...Это должно быть дело сердца, а не политики»⁶. Теперь царский брат, очевидно, и сам уже не допускал возможности выдать свою дочь замуж за офранцузившегося кутилу.

Пребывание великого князя Константина Николаевича во Франции в 1874 г. тщетно пытались использовать в своих целях французские роялисты — остатки рода Бурбонов и их немногочисленные сторонники. 24 августа (5 сентября), по свидетельству адъютанта великого князя — А. А. Киреева, у русского посла в Париже князя Н. А. Орлова в присутствии великого князя обедал «граф Парижский». Последнего Киреев окрестил «лучшим из претендентов», у которого, правда, очень мало шансов на приход к власти⁷. Но Константин, судя по всему, не придал

⁵ Там же. Д. 107. Л. 47об.

⁶ Там же. Д. 104. Л. 5.

⁷ Киреев А. А. Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. Д. 6. Л. 95.

никакого политического значения встрече с «графом Парижским», упомянув в дневнике лишь о состоявшемся у Орлова обеде с участием французского аристократа⁸. Гораздо больше великого князя заинтересовало и порадовало то, что престарелый французский генерал А. Леффло, дружески расположенный к России, сохранил свой пост посла в Петербурге. Не допустить отзыва Леффло из России желал и Александр II. Киреев, узнав об этом из уст великого князя, скептически заметил: «Lefflo действительно милый старикашка, но он не пользуется никаким влиянием в обществе, а это все-таки что-нибудь да значит! Даже в России»⁹.

В тот же день великий князь Константин Николаевич нанес визит президенту Франции маршалу П. де Мак-Магону. Но политический разговор не клеился, собеседники обменялись лишь протокольными любезностями. Имперские амбиции двух Наполеонов, креатурой последнего из которых был в свое время маршал Мак-Магон, сдавшийся вместе с ним в плен прусским войскам при Седане (1870 г.), ушли в прошлое. Было ясно, что в обозримом будущем Франция, разгромленная пруссаками, не будет играть никакой заметной роли на внешнеполитической арене. К этому не располагали ни угрозы повторного германского вторжения, ни личность самого Мак-Магона — человека по-военному прямодушного, но, по мнению великого князя, недалекого. Супруга президента республики привлекала к себе внимания более чем он сам. «В 2 ч. с визитом к честному, благородному, но несколько простоватому маршалу Мак-Магону, — отмечал Константин в дневнике. — Жена, которая была красавица, гораздо умнее его. Были любезны и я тоже». Великий князь встретился также с ветераном французской политики — бывшим премьером и первым президентом Третьей республики, главным душителем Парижской коммуны — 77-летним А. Тьером, беседа с которым оказалась более интересной¹⁰. Но самым информированным и словоохотливым в общении с братом русского царя оказались не президенты Третьей республики, а префект парижской полиции Рено. Из разговора с ним Константин вынес понимание «теперешнего положения Франции, которое не вкусно». Он также признал неоспоримые преимущества республиканского строя, по крайней мере, для французов: «Монархия теперь не имеет никаких шансов, и борьба идет только между республикой и бонапартизмом»¹¹.

⁸ Дневник вел. кн. Константина Николаевича // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 107. Л. 47об.

⁹ Киреев А. А. Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. Е. 6. Л. 97.

¹⁰ Дневник вел. кн. Константина Николаевича // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 107. Л. 47об.

¹¹ Там же. Л. 48об. Между тем, вопрос о форме правления во Франции еще оставался открытым. Он был разрешен в феврале–июле 1875 г. принятием трех органических законов, определивших конституционное устройство Третьей республики. «Конституция» 1875 г. не представляла собой единого документа. Учредительное собрание, позиции республиканцев в котором были весьма слабы, высказалось в пользу республиканского строя Франции с перевесом всего в один голос.

Отставной генерал и высокопоставленный дипломат Второй империи Э. Флэри, ставший одним из лидеров бонапартистского движения, связывал с пребыванием русского великого князя во Франции свои собственные планы и расчеты. Желая повысить политический престиж отпрыска Бонапартов — «Лулу IV»¹², Флэри надеялся сосватать ему именитую невесту в Петербурге. 8 (20) сентября он пытался встретиться с великим князем Константином Николаевичем в русском посольстве, чтобы предложить «устроить женитьбу Loulou IV и дочери [великой княгини] Екатерины Михайловны». Но русский посол в Париже князь Н. А. Орлов не позволил генералу увидеться с братом русского царя — «выпроводил и не допустил до разговора»¹³. Тем не менее 25 сентября (7 октября) 1874 г., остановившись в Париже по пути из Биаррица на родину, великий князь Константин Николаевич все-таки повидался с генералом Флэри, который «долго развивал свои бонапартистские мысли и надежды». Константин выслушивал их, вероятно, без особого сочувствия, но, под напором назойливого собеседника, заметил: «Их шансы действительно растут». Через день, 27 сентября (9 октября), великий князь встретился с Флэри во время прогулки в Булонском лесу. На этот раз общение брата русского царя с лидером бонапартистской партии намеренно афишировалось перед публикой: Флэри «походил» с великим князем «в виде демонстрации для себя и для бонапартистов». Со своей стороны, Мак-Магон — президент «республики без республиканцев», казалось, проявлял полное равнодушие к политическим баталиям и к государственной деятельности как таковой. Поэтому, когда вечером 25 сентября (7 октября) 1874 г. великий князь Константин Николаевич, «не предупредивши его», приехал в Елисейский дворец, у президента-маршала не нашлось более важных дел, чтобы отказать в приеме. Мак-Магон никуда не спешил и словно искал себе приятное общество для того, чтобы поделиться впечатлениями о славном военном прошлом. «Принял меня очень любезно, — пишет великий князь, — и рассказывал воспоминания про старые кампании, при чем чрезвычайно оживился»¹⁴.

Прибыв в Париж с визитом в конце июля 1875 г., великий князь Константин Николаевич с удовольствием навестил старого маршала, возглавлявшего великую, но побежденную державу. К тому времени он

¹² «Лулу IV» (принц Евгений-Людовик-Жан-Жозеф Бонапарт, «Наполеон IV») (1856–1879) – единственный сын имп. Наполеона III и имп. Евгении. После кончины Наполеона III (1873) был признан бонапартистской партией в качестве законного претендента на престол – «Наполеона IV». В 1879 г. участвовал в англо-зулусской войне и был убит. Гибель принца положила конец расчетам бонапартистов на восстановление Империи.

¹³ Киреев А. А. Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. Д. 6. Л. 97.

¹⁴ Дневник вел. кн. Константина Николаевича // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 107. Л. 660б., 67, 68.

проникся к этому человеку искренней симпатией, но вместе с тем полагал, что весьма скромные способности Мак-Магона не соответствуют его высокому официальному статусу. «Люблю его честную открытую природу, — говорил великий князь, — хотя он очень не умен» (28 июля 1875 г.)¹⁵. Заговорив о политических делах, президент Мак-Магон поделился с братом русского царя своей обеспокоенностью угрозой нового прусского вторжения. Но так как этот разговор происходил через несколько месяцев после известных весенних переговоров Вильгельма I и Бисмарка с Александром II и русским министром иностранных дел князем А. М. Горчаковым в Берлине, где германская сторона была вынуждена засвидетельствовать свое миролюбие в отношении Франции, Константин был настроен вполне благодушно и счел, что маршал сильно сгущает краски. «Велик[ий] князь виделся с Мак-Магоном, который передавал ему свои страхи немецкого нападения. В[еликий] к[нязь] считает их страшно преувеличенными, на том основании, что в настоящее время без причины людей не режут, ни с того ни с сего войну нельзя объявить», — пересказывал А. А. Киреев мнение своего августейшего патрона. Правда, он не разделял подобного оптимизма: «Точно предлог трудно приискать!»¹⁶

Приветствуя великого князя Константина Николаевича, французы не упустили случая выказать свои теплые чувства к России. 30 июля (10 августа) 1875 г. великий князь сидел рядом с президентом Мак-Магоном на торжественном закрытии Географического съезда. При исполнении «Боже Царя храни», русского гимна, «вся публика встала». Со своей стороны, царский брат в тот же день демонстративно и сочувственно осмотрел панораму осады Парижа пруссаками в январе 1871 г., созданную французским художником Ф. Филиппото. Наконец, когда вечером русский великий князь прибыл в театр на «Гамлета», генерал Э. Флэри уступил ему свою ложу... Правда ее заняли другие, и тогда директор театра отвел августейшего гостя в собственную ложу¹⁷. 31 июля (12 августа) в Елисейском дворце президент Мак-Магон принял Константина Николаевича вместе со «всеми наличными министрами, разными генералами и адмиралами». За обеденным столом по соседству с ним располагались «Маршальша» и министр финансов; затем высокое общество переместилось в сад, где провело время в частных разговорах. Примечательно, что глава французского государства не нашел при этом сколько-нибудь важных или интересных тем; наиболее содержательной у царского брата, по его словам, выдалась беседа с министром

¹⁵ Там же. Д. 109. Л. 41об.

¹⁶ Киреев А. А. Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. Д. 6. Л. 108об.

¹⁷ Дневник вел. кн. Константина Николаевича // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 109. Л. 42об.–43.

финансов. 2 (14) августа великий князь навесил престарелого Тьера, который показывал ему «артистические редкости своего кабинета»; оба «долго и интересно толковали»¹⁸.

5 (17) августа 1875 г. великий князь Константин Николаевич покидал Париж. Во время прощальной аудиенции Мак-Магон вновь говорил ему «про опасение нападения со стороны пруссаков»¹⁹.

Таким образом, задолго до официального оформления русско-французского союза (1892 г.) между обеими державами наметилось сближение, вызванное военной угрозой для Франции со стороны Германской империи. Высказывания и суждения великого князя Константина Николаевича, передаваемые им впечатления служат ярким примером восприятия системы европейских отношений 1870-х гг. одним из высших лиц Российской империи того времени. Неприятие им «пруссских мундиров», блиставших после громких побед Вильгельма и Бисмарка в 1860-е – начале 1870-х гг., вылилось в выражение сочувствия к побежденным французам, которое в будущем должна была подкрепить готовность России к защите их от угрозы нового германского нападения. При этом угроза, нависавшая над Францией, стала расцениваться, в определенной мере, и как опасность для самой России.

*Статья подготовлена при поддержке Российского Гуманитарного
Научного Фонда (РГНФ) – проект № 11-01-00423а.*

---

¹⁸ Там же. Л. 43об., 44.

¹⁹ Там же. Л. 46.

Великий князь Константин Николаевич — августейший покровитель П.И. Чайковского

Взаимоотношения Петра Ильича Чайковского (1840–1893) с представителями династии Романовых в разные периоды жизни великого русского композитора носили различный характер.

Наиболее известные биографические факты, ставшие ныне хрестоматийными, относятся к 1880–1890-м гг., то есть к периоду правления Александра III. Чайковский встречался лично как с самим императором, так и с императрицей Марией Федоровной. Императорская чета благоволила к композитору. По инициативе Александра III в октябре 1884 г. на сцене петербургского Большого театра была поставлена опера «Евгений Онегин». По желанию императора Чайковский создал хоровой цикл «Девять духовно-музыкальных сочинений» (1884–1885). С января 1888 г. государь (по ходатайству директора императорских театров И. А. Всеволожского) назначил композитору пожизненную пенсию в три тысячи рублей серебром в год. На этот же период приходится личное и творческое общение Петра Ильича с великим князем Константином Константиновичем (августейшим поэтом, известным под криптонимом К. Р.). Опубликована их переписка, тематика которой весьма разнообразна¹. Широко известны произведения Чайковского 1880-х гг., адресованные августейшим особам: Двенадцать романсов оп. 60 посвящены императрице Марии Федоровне; Шесть романсов оп. 63 на стихи К. Р. — великому князю Константину Константиновичу.

Интерес царствующего дома к П. И. Чайковскому обусловлен стремительным ростом популярности его музыки в России и за границей: с конца 1870-х гг. личность композитора привлекает к себе всё большее внимание русского общества, и его творчество завоевывает признание у самого широкого круга слушателей.

---

¹ См.: К. Р. Избранная переписка / Сост. Л.И. Кузьмина. СПб., 1999.

Но соприкосновение Чайковского с представителями царской фамилии восходит к более раннему периоду его жизни. Учебные заведения Петербурга, в которых будущий композитор получил образование (1850–1860-е гг.), имели опосредованную связь с царствующим домом. Училище правоведения, где Чайковский воспитывался с 1852 по 1859 гг., периодически посещали императоры Николай I и Александр II и основатель училища принц П. Г. Ольденбургский. Петербургская консерватория, одним из первых выпускников которой был Петр Ильич (1865), находилась под августейшим покровительством великой княгини Елены Павловны. Но о каких-либо тесных контактах с августейшими особами в этот период неизвестно. А сразу после выпускных экзаменов в Петербургской консерватории молодой музыкант, только начинающий свою профессиональную деятельность, был приглашен в Москву, где проработал профессором Московской консерватории с 1866 по 1878 гг.

Москва не была местом постоянного пребывания Двора, но царственные гости время от времени с разными целями посещали Первопрестольную столицу. С начала 1870-х гг. одним из постоянных посетителей стал великий князь Константин Николаевич — младший брат императора Александра II, председатель Государственного совета, генерал-адмирал и глава морского ведомства. Практически все его визиты имели серьезную музыкальную составляющую, связанную с Московским отделением Русского музыкального общества² и консерваторией, ее профессорами и преподавателями. Что же притягивало столь высокопоставленного государственного деятеля к музыкальным организациям Москвы? Одаренный многими художественными талантами, Константин Николаевич был выдающимся музыкантом-любителем своего времени, ревнителем русского национального искусства, почитателем древних московских святынь; с 1873 по 1892 гг. он занимал пост президента РМО и покровителя столичных консерваторий³.

В жизни П. И. Чайковского великий князь Константин Николаевич сыграл особую роль. Архивные документы свидетельствуют о том, что он был первым представителем семьи Романовых, оказавшим необходимую поддержку в важнейшем для Чайковского деле — распространении его музыки в тот период, когда композитор только начинал приобретать

² Далее в тексте употребляются сокращения: РМО — Русское музыкальное общество; МО — Московское отделение; ПО — Петербургское отделение. (С 1873 г. РМО получило статус Императорского. Однако вел. кн. Константин Николаевич в своих дневниках продолжал использовать аббревиатуру «Р.М.О.»).

³ Подробнее об этом см.: *Моисеев Г.А.* Великий князь Константин Николаевич и Московское отделение Русского музыкального общества // *Музыкаведение.* 2009. № 10. С. 12–19; *Моисеев Г.А.* Великий князь Константин Николаевич — президент Императорского Русского музыкального общества // *Наследие. Русская музыка — мировая культура.* Вып. 1. М., 2009. С. 128–154.

известность (1870-е гг.). Он содействовал исполнению его ранних опер, стимулировал творчество молодого композитора и в других жанрах.

В наследии Чайковского можно выделить целую группу «константиновских» сочинений, имеющих прямое отношение к великому князю. Это Второй струнный квартет, Вторая симфония, оперы «Опричник» и «Кузнец Вакула». Но и многие другие сочинения этих лет (в их числе столь знаменитые, как «Евгений Онегин», «Орлеанская дева», Четвертая симфония, «Буря») находились в поле зрения президента РМО и нашли в нем одного из самых внимательных слушателей своего времени.

Как уже говорилось, в биографии Чайковского (и в истории русского искусства в целом) более известен великий князь Константин Константинович — сын великого князя Константина Николаевича. Между тем, по признаниям самого композитора, сделанным им в разное время разным лицам (в том числе, самому Константину Константиновичу), именно Константин Николаевич являлся его первым августейшим покровителем: «Было время, когда меня знать не хотели и, если бы не покровительство Великого Князя, отца Вашего, — ни одной моей оперы не приняли бы на сцену. Теперь меня балуют и всячески поощряют» (из письма к К.Р. от 31 октября 1891 г.)⁴; «Обе мои первые оперы были поставлены по настоянию в[еликого] к[нязя] Конст[антина] Ник[олаевича], питающего сочувствие к моей музыке» (из письма к Н. Ф. фон Мекк от 13 сентября 1879 г.)⁵; «великий князь... всегда протезировал мою музыку» (ей же, письмо от 16 марта 1880 г.)⁶.

Свои впечатления от встреч с великим князем композитор часто описывал в превосходной степени: «он, как и всегда, был ко мне до крайности внимателен и любезен»⁷; «трудно быть приятнее и милее его в обращении»; «удивительно умен, мил и приятен этот человек»⁸. Эпитеты «милейший», «донельзя милый и любезный», «очаровательно любезный» звучат рефреном в этих письмах. За подобными характеристиками скрывается искренняя человеческая симпатия.

Благодаря архивным первоисточникам — личным дневникам великого князя — до нас дошли в нетронутном виде многочисленные отзывы Константина Николаевича о Чайковском. Они дают возможность практически полностью воссоздать картину их взаимоотношений. Из этих уникальных исторических документов мы узнаем о ранее неизвестных фактах исполнения музыки Чайковского, о ее исполнителях, реакции

⁴ Чайковский П.И. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка. Т. XVI а. М., 1978. С. 258. (Далее ссылки на это издание даются сокращенно — ЧПСС, с указанием номера тома).

⁵ ЧПСС. VIII. М., 1963. С. 364. Имеются в виду оперы «Опричник» и «Кузнец Вакула».

⁶ ЧПСС. IX. М., 1965. С. 84.

⁷ ЧПСС. IX. М., 1965. С. 89.

⁸ ЧПСС. XII. М., 1970. С. 20, 18.

на эти исполнения как самого автора дневника, так и публики, о других подробностях биографии композитора.

Личные и творческие контакты великого князя Константина Николаевича и Чайковского продолжались около пятнадцати лет (1873–1888), то есть почти весь период президентства великого князя в Русском музыкальном обществе. Но не менее важна предыстория этих отношений (1865–1872). С одной стороны, она связана с первыми годами развития русских консерваторий и РМО, почетным членом которого Константин Николаевич был с момента его основания в 1859 г. С другой стороны, она обусловлена близким общением великого князя с петербургскими музыкантами — пианистами, дирижерами, квартетистами, солистами театральных оркестров, учителями музыки (например, с А. Г. Рубинштейном, Р. В. Кюндингером, Э. Ф. Направником, И. И. Зейфертом, членами семьи Альбрехт, участниками «Русского квартета»), которые знали Чайковского лично. Некоторые из них, будучи соучениками Петра Ильича по консерватории и первыми исполнителями его студенческих композиций (например, скрипач Д. А. Панов, виолончелист А. В. Кузнецов и другие), могли обратить внимание великого князя на молодого, подающего надежды автора. Важен и еще один фактор — постоянный интерес Константина Николаевича к композиторским процессам в современной ему русской и европейской музыке. Учитель Чайковского, всемирно известный и авторитетнейший музыкант Антон Рубинштейн, знавший Константина Николаевича еще с 1840-х гг., на склоне лет дал великому князю ёмкую характеристику: «Константин всегда музыкой интересовался, был умницей, интеллигентным человеком»⁹.

Переходя непосредственно к предыстории, обратим внимание на два важных факта. Оба они относятся к последнему году обучения Петра Ильича в Петербургской консерватории. Один из них касается премьеры созданного в студенческие годы произведения — «Характерных танцев» для оркестра. Она состоялась в Павловске — придворном городе, который находился в личном владении великого князя Константина Николаевича. Дата этого события — 30 августа 1865 г.; место премьеры — Павловский вокзал; исполнители — оркестр Павловского вокзала под управлением знаменитого дирижера Иоганна Штрауса (сына). Премьера «Характерных танцев» была самым первым публичным исполнением произведения Чайковского и первым появлением его имени на концертных афишах. Впоследствии в Павловске прозвучат многие зрелые симфонические сочинения Чайковского.

⁹ Рубинштейн А.Г. Литературное наследие.: в 3 т. / Сост. Л.А. Баренбойм. Т. 1. М., 1983. С. 70. Эти слова были произнесены осенью 1889 г.

Второй факт также относится к 1865 г. Как следует из дневника великого князя, 29 декабря он присутствовал «во дворце [великой княгини] Елены П[авловны]¹⁰ на заключительном экзамене первого выпуска консерватории». Как известно, в тот день исполнялась дипломная работа Чайковского — кантата «К радости» на слова Ф. Шиллера. К сожалению, дневниковая запись Константина Николаевича лишена каких-либо подробностей (имен, названий произведений и т. д.) и передает только общее впечатление августейшего слушателя от экзамена: «Есть весьма замечательные таланты, но всё вместе было порядочно скучно»¹¹. Чем вызвана такая реакция? По сути, экзамен представлял собой концерт выпускников, программа которого была довольно продолжительной и однообразной. Она включала девять номеров (преимущественно, концертов для фортепиано и скрипки), последним из которых была «Кантата для соло, хора и оркестра, написанная г. Чайковским для экзамена» и исполненная под управлением автора. Впоследствии, будучи президентом РМО, Константин Николаевич много раз посетит консерваторские экзамены.

Несмотря на лаконизм дневниковой записи, можно с большой долей уверенности говорить, что Константин Николаевич был среди слушателей кантаты Чайковского, тем более что в Отчете РМО, опубликованном по окончании экзамена, отмечалось: «по приглашению Августейшей Покровительницы некоторые члены Императорской фамилии удостоили экзамены своим высоким присутствием и соблаговолили выразить свое полное удовольствие»¹². Во всяком случае, имя молодого русского композитора, напечатанное в программе, вряд ли могло пройти мимо его внимания.

В дневниках великого князя за 1866–1871 гг. упоминаний Чайковского нет. Причина очевидна: в тот период его сочинения звучали в Петербурге довольно редко, поскольку (как уже упоминалось) вся его профессиональная деятельность протекала в Москве. Тем не менее, один из таких «редких» концертов Константин Николаевич посетил 17 марта 1869 г. Это было 9-е симфоническое собрание ПО РМО под управлением М. А. Балакирева, где помимо произведений зарубежных композиторов (симфонической поэмы Ф. Листа «Прелюды», кантаты Л. Росси «Gelosía», Скрипичного концерта Дж. Б. Виотти, Увертюры, скерцо и финала Р. Шумана) исполнялась увертюра П. И. Чайковского «Фатум». Но для великого князя Константина Николаевича (судя по его дневнику) главным объектом внимания был Виолончельный концерт № 3

¹⁰ Михайловский дворец (ныне — Русский музей).

¹¹ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. 1156. Л. 93 об.

¹² Отчет Русского музыкального общества за 1864–1865 год. СПб., 1867. С. 11.

Карла Давыдова, прозвучавший в виртуозном исполнении автора. Остальные номера программы в дневнике не прокомментированы¹³.

Регулярные упоминания имени П.И. Чайковского в дневниках великого князя начинаются с весны 1872 г. К этому времени относится дебют «Русского квартета», которому Константин Николаевич с первых его выступлений оказывал личную поддержку. Постоянным виолончелистом этого исполнительского коллектива был А. В. Кузнецов, соученик Чайковского по Петербургской консерватории и неизменный партнер великого князя по домашнему музицированию. Кроме того, сыграло свою роль знакомство Константина Николаевича с Николаем Григорьевичем Рубинштейном — директором Московской консерватории, другом Чайковского и главным пропагандистом его сочинений. Вплоть до своей смерти (1881) Н. Г. Рубинштейн был одним из основных помощников великого князя в деле развития РМО. Это обстоятельство способствовало продвижению музыки Чайковского не только в Петербурге, куда Рубинштейн систематически ездил к великому князю на совещания Главной дирекции РМО, принимая также участие в его домашнем музицировании, но и за границей (см. далее о «русских концертах» в Париже)¹⁴.

2 апреля на концерте «Русского квартета» в Санкт-Петербургской консерватории великий князь Константин Николаевич слушал «новинку еще не игранную» — Первый струнный квартет ор. 11 Чайковского¹⁵. 31 мая на московских торжествах в честь 200-летия Петра Великого — Кантату «К Политехнической выставке в Москве» на слова Я. Полонского (14 июня она была повторена в московском Большом театре). Отметив в кантате «прекрасные места», Константин Николаевич выразил желание познакомиться с композитором, но Чайковский не использовал этой возможности и «весьма сожалел, что лишился чести быть ему представленным»¹⁶. Их первая встреча, вероятнее всего, могла произойти 24 октября 1872 г. в Петербурге, где вновь исполнялся Первый струнный квартет (на сей раз квартетом ПО РМО) и где они оба присутствовали¹⁷.

После смерти великой княгини Елены Павловны в январе 1873 г. великий князь Константин Николаевич возглавил Русское музыкальное общество и сразу приступил к своим обязанностям покровителя сто-

¹³ «Вечером в концерте Русского музыкального общества, чтобы послушать концерт Давыдова, который мне чрезвычайно понравился», — записал Константин Николаевич в своем дневнике (ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. 96. Л. 18 об.).

¹⁴ Подробнее об этом см.: Моисеев Г.А. Н.Г. Рубинштейн и президенты Русского музыкального общества // Николай Рубинштейн и его время. М., 2012. С. 69–81.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. 102. Л. 22–22 об.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. 102. Л. 62 об.; ЧПСС. V. М., 1959. С. 279–280.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. 103. Л. 66 об.; ЧПСС. V. С. 288.

личных консерваторий. 15 мая 1873 г. при посещении великим князем Первопрестольной столицы состоялось официальное представление Чайковского (в качестве профессора Московской консерватории) Константину Николаевичу как президенту РМО. В тот же день он впервые услышал Вторую симфонию Чайковского, специально исполненную для него в экстренном собрании МО РМО под управлением Н. Г. Рубинштейна. В своем дневнике великий князь сразу дал этому произведению наивысшую оценку, назвав его «чрезвычайно интересным и красивым сочинением»¹⁸.

В свою очередь Чайковский поделился новостями о большом московском успехе с петербургскими знакомыми и родными. «...Вчера у нас целый день провел великий князь и очень остался доволен всем, и в том числе моей симфонией...» (из письма к музыкальному издателю В. В. Бесселю)¹⁹. В письме к своему отцу Чайковский был более откровенен: «Он [великий князь] был со мной чрезвычайно любезен, остался в восторге от моей симфонии и наделал мне множество комплиментов»²⁰. Содержание разговора Константина Николаевича с Петром Ильичом неизвестно. Но наверняка оно не ограничилось похвалами в адрес «Журавля». Из дальнейшей переписки Чайковского видно, что разговор мог идти о творческих планах композитора и о поддержке его начинаний со стороны великого князя.

Вторая симфония, которую Константин Николаевич называл «Русской»²¹, практически сразу вошла в число его самых любимых музыкальных произведений. О неизгладимом впечатлении, которое сочинение Чайковского — тогда еще неизданное — произвело на августейшего президента РМО (очень эмоционального слушателя!), можно судить по тому, с каким нетерпением он ждал выхода из печати ее четырехручного фортепианного переложения. Как только это произошло, великий князь одним из первых получил новое издание и сразу же устроил в Мраморном дворце ее проигрывание силами фортепианного дуэта: Р. В. Кюндингера (пианиста, преподавателя музыки в семье Константиновичей) и Э. Ф. Направника (первого капельмейстера Мариинского театра и дирижера концертов РМО, постоянного участника великокняжеских музыкальных матинэ). «Очень красиво, но невозможно трудно», — отметил Константин Николаевич 17 ноября 1873 г.²², имея в виду высокий уровень технической подготовки, которого требует это

¹⁸ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. 104. Л. 61–62.

¹⁹ ЧПСС. V. С. 319.

²⁰ Из письма отцу, И.П. Чайковскому, в ночь на 25 мая 1873 года (ЧПСС. V. С. 323).

²¹ Обычно эту симфонию называют «Малороссийской», так как её финал построен на теме украинской народной песни «Журавель».

²² ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. 105. Л. 56 об.

переложение от исполнителей. Не менее символично, что «константиновская эра» в истории концертов Петербургского отделения Русского музыкального общества началась с «Русской» симфонии Чайковского — по негласному желанию Константина Николаевича 23 февраля 1874 г. ею открылся первый симфонический вечер сезона под управлением Э. Ф. Направника.

Более того, 1874 г. в целом стал для Петербурга «годом Чайковского»: помимо симфонии тогда впервые были исполнены опера «Опричник», Второй струнный квартет, симфоническая фантазия «Буря», многие инструментальные миниатюры. Летом того же года по настоянию великого князя симфонию Чайковского разучил и исполнил оркестр Павловского вокзала под управлением известного немецкого дирижера Вениамина Бильзе (16 июля 1874 г.). Отметим также, что репетиции, предшествовавшие петербургскому и павловскому исполнениям, проходили с участием великого князя в качестве слушателя. Никогда до этого произведения Петра Ильича не звучали в северной столице так часто. То, как это связано с именем великого князя Константина Николаевича, будет показано далее.

Вернемся в 1873 год. Осенью Чайковский решил посвятить великому князю свою новую, еще неизданную оперу «Опричник». Мы узнаем об этом намерении из письма к Бесселю от 3 сентября 1873 г.: «Касательно посвящения, я полагаю, что лучше всего посвятить Константину»²³. Такое решение было продиктовано тем, что композитор нуждался в высоком покровителе, который бы содействовал продвижению его творений на петербургскую императорскую сцену. До этого все сочинения Чайковского, представленные им в театральную дирекцию, по разным причинам отклонялись. Та же участь ожидала «Опричника». В одном из октябрьских писем к Бесселю Чайковский делился с ним своими сомнениями: «Кажется, мне на роду написано никогда не услышать ни одной моей оперы в хорошем исполнении. Напрасно ты надеешься, что она будет идти в будущем году; его [«Опричника»] никогда не дадут по той причине, что ни с кем из сильных мира вообще, и из петербургского театрального в особенности, я не знаком». Однако в том же письме конфиденциально сообщал: «...поощренный необыкновенной любезностью ко мне велик[ого] кн[язя] К[онстантина] Н[иколаевича], я на днях написал Оболенскому, чтобы он попросил великого князя похлопотать о постановке оперы. Но прошу тебя никому об этом не говорить. Полагаю, что из этого ничего не выйдет»²⁴. Вскоре композитор убедился в обратном.

²³ ЧПС. V. С. 327.

²⁴ Там же. С. 330–331. Князь Дмитрий Александрович Оболенский (1822–1881) — вице-президент РМО.

В дневнике Константина Николаевича от 16 октября 1873 г. примечательна реплика: «Поговорили потом с Оболенским про музыкальные дела»²⁵. В этом разговоре Д. А. Оболенский (который, по собственному признанию, всегда «крайне интересовался русской музыкой»²⁶) мог рассказать великому князю о просьбе Чайковского, так как вскоре она нашла положительный отклик²⁷. Уже в 20-х числах октября Петр Ильич получил радостное известие о «благоприятном повороте дела с оперой»²⁸. Чайковский не называет виновника «благоприятного поворота», но из его позднейших писем²⁹ следует, что этим человеком был великий князь Константин Николаевич. А ведь еще несколько дней назад он почти разуверился в успехе: «Касательно посвящения оперы великому князю, — не странно ли посвящать ее теперь, когда судьба ее так неопределенна. По-моему, опера, не идущая на сцене, — то же, что рукописная книга»³⁰.

Наступает 1874 год, период предпремьерной подготовки под руководством главного капельмейстера Мариинского театра Э. Ф. Направника (как уже говорилось, музыканта, приближенного к великому князю), и тон писем композитора становится победным: «Затруднения с цензурой устранены благополучно. Вообще с оперой покончено; со второй недели (великого поста — Г. М.) каждый день начнутся репетиции, и я знаю наверное, что Направник будет лезть из кожи»³¹. Такая уверенность, несомненно, обусловлена ощущением надежной поддержки, исходящей от августейшего покровителя: его неоднократное посещение оперных репетиций говорит о живой заинтересованности судьбой нового произведения³². 12 апреля (в бенефис Э. Ф. Направника) Константин Николаевич слушал премьеру: «Вечером на первом представлении «Опричников». Я очень жуировал. Публика приняла оперу хорошо, и Чайковского вызывали несколько раз в каждом антракте»³³. Через день (14 апреля) «Опричник» был повторен в бенефис хора, участникам которого великий князь подарил 500 рублей «от себя». Во время спектакля он «следил по нотам и жуировал» — клавир «Опричника» с посвящением великому князю вышел из печати незадолго до этого.

²⁵ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. 105. Л. 41об.

²⁶ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 461.

²⁷ Примечательно, что год назад (осень 1872) аналогичную ситуацию пережила другая русская опера — «Псковитянка» (см. подробнее: Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни. М., 1955. С. 74–75).

²⁸ ЧПСС. V. С. 332.

²⁹ Отрывки из двух писем (Н.Ф. фон Мекк и поэту К. Р.) процитированы выше. См. сн. 6, 7.

³⁰ ЧПСС. V. С. 330–331.

³¹ Там же. С. 341. (Письмо к А.И. Чайковскому (между 19 и 24 января 1874 г.)

³² См., например, дневниковые записи от 21 марта и 3 апреля 1874 г. (ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. 106). Репетиционный период продолжался около шести недель — с конца февраля по начало апреля 1874 г.

³³ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. 106. Л. 54.

В тот же период Чайковский посвятил Константину Николаевичу еще одно только что завершенное произведение — Второй струнный квартет ор. 22. Впоследствии композитор называл его «лучшим своим сочинением»³⁴. Написанный очень быстро (декабрь 1873 – январь 1874 гг.), квартет, несомненно, был задуман как благодарность великому князю за внимание к «Опричнику» и Второй симфонии, создавался с мыслью о нем. Чайковскому было хорошо известно, что Константин Николаевич страстно увлечен квартетным музицированием, сам исполняет в камерных ансамблях партию виолончели на своих еженедельных матинэ, регулярно посещает квартетные собрания РМО, следит за новинками. Возможно, кто-то из общих знакомых (например, Н. Г. Рубинштейн) поддал Чайковскому идею о создании «великокняжеского» квартета.

Сразу после московской премьеры (10 марта 1874 г.) Чайковский переслал автограф партитуры и рукописные голоса адъютанту великого князя А. А. Кирееву. Незадолго до этого (2 марта) композитор впервые в своей жизни посетил Мраморный дворец. Он был приглашен на музыкальное собрание великого князя, в котором принимали участие «Русский квартет» (во главе с Д. А. Пановым), Э. Ф. Направник, Р. В. Кюндингер, а также великая княгиня Александра Иосифовна (супруга Константина Николаевича). В присутствии московского гостя были исполнены фрагменты его Второй симфонии. «От 2 до $\frac{3}{4}$ 6 музыка, — зафиксировал в своем дневнике великий князь, — Сперва прослушал Септет Бетговена (так в оригинале — Г.М.), игранный Пановым с компаниею. <...> Потом пришел Чайковский, приехавший из Москвы на репетиции “Опричников”, и Направник с Кюнди́нгером сыграли в 4 р[уки] для жены несколько частей его симфонии». По заведенному великим князем обычаю музыкальное собрание завершалось дружеской беседой и совместной трапезой. Впервые близко общаясь с композитором в столь непринужденной обстановке, Константин Николаевич был очарован личностью Петра Ильича: «Обедал с артистами и Чайковским, который очень милый и приятный человек»³⁵. Напрашивается мысль, что именно тогда было получено согласие на посвящение Второго квартета.

Особого внимания заслуживают обстоятельства, при которых великий князь слышал посвященное ему сочинение, а также впечатления от услышанного. 16 марта 1874 г. в Мраморном дворце он сам принял участие в первом проигрывании как виолончелист: «От 2 до $\frac{3}{4}$ 6 музыка. Сперва второй квартет Бетговена, потом мне посвященный новый квартет Чайковского, который только что получил. Невозможно

³⁴ ЧПСС. V. С. 371

³⁵ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. 106. Л. 29 об.–30.

про него судить, потому что он страшно труден, и мы его очень дурно играли. Но скерцо с первого же раза очень понравился»³⁶. Через неделю (23 марта) состоялось повторное исполнение квартета с участием князя: «От 2 до 6 музыка. <...> Еще раз квартет Чайковского. Некоторые места в этот раз более понравились»³⁷. 8 мая Константин Николаевич был уже не исполнителем, а слушателем: «В 2 ч[аса] у меня Русский квартет, которые играли для меня новый, мне посвященный квартет Чайковского. Он мне чрезвычайно понравился кроме середины аллегро и адажио. Остальное, особенно скерцо, просто прелесть!»³⁸ 24 октября 1874 г. великий князь был на публичной петербургской премьере, осуществленной уже другими музыкантами (Л. Ауэром, И. Пиккелем, И. Вейкманом, К. Давыдовым): «Прослушал квартет Чайковского, мне посвященный. Они его сыграли с грехом пополам...»³⁹ Впрочем, неудачное исполнение не помешало ему, по свидетельству Модеста Ильича Чайковского (младшего брата композитора, присутствовавшего на этом вечере), «громко восхищаться» гениальной музыкой посвященного ему сочинения⁴⁰. Коллективом, исполнение которого полностью удовлетворяло Константина Николаевича, был «Русский квартет». 8 марта 1875 г. он еще раз слушал своих подопечных (на сей раз в Придворной певческой капелле): «...в 9 ч. с Костей [вел. кн. Константином Константиновичем] в Русский квартет, к певчим. Слышали фортепианный квартет Шумана... и второй квартет Чайковского, посвященный мне. Они его превосходно сыграли, и он мне чрезвычайно понравился»⁴¹. В октябре 1875 г. квартет был опубликован в Москве фирмой «П. Юргенсон». На титульном листе издания золотыми буквами напечатано: «Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ».

Тогда же в Петербурге были подведены итоги оперного конкурса Русского музыкального общества на либретто Я. П. Полонского по сюжету «Ночи перед Рождеством» Н. В. Гоголя, объявленного весной 1873 г. Великий князь подробно описал процедуру обсуждения результатов конкурса: «В 1 ч. у меня собрание Главной дирекции Р.М.О. с комиссией, назначенной для присуждения премий по опере “Вакула Кузнец”. Единогласно предложено присудить первую премию в 1500 [рублей] опере под девизом *ars longa vita brevis*⁴², а остальным вовсе отказать. Небольшой спор с Ф. Толстым⁴³, который полагал вовсе премий не да-

³⁶ Там же. Л. 38.

³⁷ Там же. Л. 42.

³⁸ Там же. Л. 69.

³⁹ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. 107. Л. 81 об.

⁴⁰ Цит. по: Чайковский П.И. Письма к близким. Избранное. М., 1955. С. 571.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. 108. Л. 57.

⁴² Искусство обширно, жизнь коротка (лат.).

⁴³ Феофил Матвеевич Толстой (1809–1881) — музыкальный критик и композитор.

вать. Заставил всех поодиночке высказаться и тогда Толстой на своем отдельном мнении более не настаивал. Когда комиссия удалилась, мы в Главной дирекции окончательно решили вопрос, и под вскрытым девизом оказалось, как и ожидали, имя Чайковского. Решили, как это будет нами публично объявлено. Потом Н. Рубинштейн и Направник в 4 руки нам проиграли главные и лучшие места из оперы Чайковского, и действительно это чрезвычайно талантливое произведение, и все нашли в нем огромный шаг вперед против “Опричников”. Тоже проиграли некоторые места из забракованных опер, чтоб показать до какой степени они слабы»⁴⁴. По совету Константина Николаевича Чайковский посвятил «Кузнеца Вакулу» памяти первой покровительницы РМО, великой княгини Елены Павловны.

В начале ноября в столичных газетах был опубликован поздравительный рескрипт, которым «Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Николаевич Председатель Императорского Русского Музыкального Общества удостоил известного композитора, профессора Московской Консерватории П. И. Чайковского». Рескрипт завершился выразительным пожеланием: «Высоко ценя прекрасный талант ваш, я надеюсь, что ободренные лестным отличием, вы с новым рвением будете продолжать служение вашему искусству, которое наперекор избранному вами девизу ведет за собой в бессмертие гениальных своих служителей»⁴⁵.

В следующем сезоне опера была принята к постановке на сцене Мариинского театра. Константин Николаевич посещал её репетиции и первые представления: «[Днем] в Мариинский театр на оркестровую репетицию “Вакулы”, причем был и сам Чайковский. Есть хорошие вещи, но оперу по музыке нельзя назвать комической» (16 ноября); «Весь день от ½ 1 до 4 был на последней репетиции “Вакулы”, который мне теперь сделал очень хорошее впечатление» (23 ноября); «Вечером на первом представлении “Вакулы”... Я был в восхищении и публика принимала недурно, хотя одна партия и шикала» (24 ноября); «Вечером с детьми в “Вакулу”. Он мне с каждым разом всё более и более нравится, но публика очень холодна» (29 ноября); «Играл “Вакулу”» (2 декабря); «Вечером ездил в “Вакулу” и слушал его с несказанным удовольствием» (8 декабря 1876 г.)⁴⁶.

В мае 1876 г. русское правительство объявило о своем официальном участии в Парижской всемирной выставке 1878 г. Великий князь

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. 109. Л. 82 об.–83. Дневниковая запись от 17 октября 1875 г.

⁴⁵ Московские ведомости. 1875. 7 ноября. С. 3. Рескрипт был также напечатан в петербургских газетах «Новое время» и «Музыкальный листок».

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. 112. Л. 19, 22, 22 об., 24 об., 26, 30 об.

Константин Николаевич был августейшим куратором всего «русского отдела», в том числе музыкальной части (серии «русских концертов»). Первоначально предложение принять на себя должность музыкального делегата получил П. И. Чайковский, но он, сославшись на болезненное состояние, отказался от этой миссии и доверил ее Н. Г. Рубинштейну⁴⁷. В 1878 г. Константин Николаевич утвердил программу трех концертов, в каждый из которых вошли сочинения Чайковского: Первый фортепианный концерт, симфоническая фантазия «Буря», «Меланхолическая серенада» и Вальс-скерцо для скрипки с оркестром.

Если в Париже Константин Николаевич слушал инструментальные сочинения Чайковского, то сразу по возвращении в Петербург познакомился с «Евгением Онегиным», переложение которого только недавно вышло из печати. Оно было передано великому князю его заместителем по Русскому музыкальному обществу: «Приходил Оболенский и принес мне *clavier-Auszug* новой оперы Чайковского “Евгений Онегин”» (7 октября); «...разбирал “Евгения Онегина” Чайковского, в котором есть прелестнейшие вещи» (10 октября); продолжал изучать оперу самостоятельно по клавиру (17 и 18 октября); 20 октября слушал ее в феноменальном исполнении приехавшего в Петербург директора Московской консерватории: «Рубинштейн сел за фортепиано и сыграл нам большую и лучшую часть “Евгения Онегина”, в котором есть действительно прелестнейшие вещи и чрезвычайно мелодичные. Неимоверно, как он играл, как справлялся с страшными трудностями и чтения, и исполнения»⁴⁸. Показ «Евгения Онегина» великому князю не ограничился камерно-домашними рамками. К очередному великокняжескому московскому визиту был приурочен эксклюзивный спектакль под управлением Н. Г. Рубинштейна. 12 июня 1879 г. Константин Николаевич записал в дневнике: «В ½ 8 в Малый театр, где собственно для меня консерваторское представление “Евгения Онегина” Чайковского. Более чем удовлетворительно, и я жуировал несказанно. Климентова замечательно хороша и симпатична в Татиане. Несколько раз ходил на сцену и благодарил»⁴⁹. Чайковского на этом спектакле не было. Москва давно перестала быть местом его постоянного пребывания; он посещал ее эпизодически, стараясь не афишировать свои приезды.

Но один из эпизодов заслуживает специального упоминания. Он совпал с очередным визитом великого князя Константина Николаевича, который находился 2 апреля 1880 г. в Первопрестольной ради генеральной репетиции оперы Бетховена «Фиделио» в исполнении консер-

⁴⁷ См.: ЧПСС. VII. М., 1962. С. 15.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. 1161. Л. 31, 32, 34 об., 35, 36.

⁴⁹ Там же. Ед. 1162, л. 70 об.

ваторцев и Н. Г. Рубинштейна. Чайковский также на несколько дней приехал в Москву, намереваясь провести время в полном одиночестве: «Пообедавши в 2 часа, я предпринял прогулку по Замоскворечью в той надежде, что никого не встречу. Когда я шел по набережной, — вдруг показалась коляска и в ней ласково приветствующий меня адмирал, в котором я тотчас же узнал [еликого] к[нязя] Константина Николаевича. Оказалось, что после консерваторского спектакля он поехал кататься, и судьба, как нарочно, столкнула меня с ним. Подозвав меня, он выразил изумление, что встречает меня за Москвой-рекой, удивился, что я не был на спектакле, и предупредил, что на обеде у генерал-губернатора расскажет Рубинштейну про нашу странную встречу. Таким образом инкогнито мое было нарушено, и скрепя сердце я поехал тотчас же отыскивать Рубинштейна, дабы предупредить его обидчивость и объясниться. В театре его уже не было. Мне сказали, что он в Эрмитаже, но там вместо него я нашел всё общество консерваторских преподавателей. Удивлению и расспросам не было конца. В 8 часов от меня потребовали, чтобы я поехал провожать вел[икого] кн[язя], где много смеялись все при нем находившиеся, в том числе и Рубинштейн, моему неудавшемуся инкогнито»⁵⁰.

Как ни комична эта история, но апрельское свидание 1880 г. стало последним перед продолжительной разлукой великого князя и великого композитора. Судьбе было угодно, чтобы вновь они встретились лишь спустя три года и вновь совершенно случайно. В письме к Н. Ф. фон Мекк из Парижа Чайковский рассказывает: «Я вчера был в “Opéra Comique” и испытал тем более сильное наслаждение, — что исполнение оперы (“Свадьба Фигаро” Моцарта — Г.М.) превосходно. В первом антракте я услышал, что кто-то сидящий сзади меня в партере зовет меня по фамилии. Поворачиваюсь в испуге, что натолкнулся на знакомого, и не сразу узнаю обращающегося ко мне. Это был вел[икий] кн[язь] Конст[антин] Николаевич, недавно приехавший сюда из Италии. Я был непомерно изумлен встрече этой. Он был необычайно мил, любезен, очарователен. В начале каждого антракта затем он уводил меня на площадку курить и беседовал со мной как самый простой смертный. Оказывается, что он ужасно любит Париж именно за то, что здесь его не замечают и ему беспрепятственно можно держать себя частным человеком»⁵¹.

К тому времени многое изменилось. Гибель Александра II и воцарение Александра III (1881) привели к опале великого князя Константина Николаевича, в результате чего он надолго покинул Петербург. Напротив,

⁵⁰ ЧПСС. IX. М., 1965. С. 98–99. (Письмо к Н.Ф. фон Мекк от 3 апреля 1880 г.)

⁵¹ ЧПСС. XII. М., 1970. С. 18. (Письмо к Н.Ф. фон Мекк. Париж, 5/17 января 1883 г.)

Чайковский в лице Александра III обрел нового покровителя. Однако композитор не терял и старые связи. Он продолжал быть желанным гостем в Мраморном дворце, но уже не как молодой протеже, а как почетный гость, друг великокняжеского дома, всемирно известный мастер. Его отношения с семьей Константиновичей углубляются. Во-первых, он сближается с сыном Константина Николаевича — великим князем Константином Константиновичем. Совершенно очевидно, что общение с Константином-старшим заложило основу контактов с Константином-младшим. Во-вторых, племянница Чайковского Вера Львовна Давыдова стала женой морского офицера Николая Александровича Римского-Корсакова, адъютанта великого князя Константина Николаевича, причем великий князь активно содействовал этой свадьбе.

И для Чайковского, и для великого князя большой потерей стала смерть Н. Г. Рубинштейна (11 марта 1881 г.). Присутствуя в период коронации Александра III в Москве, Константин Николаевич посетил консерваторию, где слушал Фортепианное трио П. И. Чайковского памяти Николая Григорьевича (13 мая 1883 г.). В январе 1885 г. кандидатура Чайковского обсуждалась великим князем, А. Г. Рубинштейном и С. М. Третьяковым в качестве желательной для поста директора Московской консерватории. В итоге Чайковский стал членом Дирекции МО РМО, что привело к новым контактам с Константином Николаевичем на официальной почве.

В 1880-е годы великий князь слушал старые сочинения Чайковского в новых трактовках. 7 февраля 1882 г. он был свидетелем исполнения увертюры-фантазии Чайковского «Ромео и Джульетта» в Париже на концерте из сочинений русских композиторов под управлением Антона Рубинштейна; 19 ноября 1883 г. слушал в Петербурге под управлением Леопольда Ауэра свою любимую Вторую симфонию; 17 ноября 1884 г. — Первый фортепианный концерт в исполнении Н. Н. Калиновской (дирижер Н. А. Римский-Корсаков); 30 марта 1885 г. — «Франческу да Римини» под управлением К. Ю. Давыдова. Великий князь старался не пропускать представлений «Евгения Онегина», который с октября 1884 г.⁵² шел на петербургской императорской сцене (даты посещений: 6 ноября 1884 г., 21 ноября 1885 г., 6 декабря 1885 г., 14 февраля 1887 г., 25 февраля 1888 г.).

Его интересовали и новые творения композитора. На 3-м собрании ПО РМО 14 декабря 1885 г. он слушал «преинтересную» Третью оркестровую сюиту под управлением Ганса фон Бюлова; 4 июля 1886 г. в Павловском вокзале — симфонию «Манфред», который ему «чрезвы-

⁵² Первое представление «Евгения Онегина» на сцене петербургского Большого театра состоялось 19 октября 1884 года под управлением Э. Ф. Направника.

чайно понравился своею оригинальностью и мощью инструментовки и оркестровки»⁵³. 21 марта 1887 г. в Ореанде (крымском имении Константина Николаевича) знаменитый русский тенор Д. А. Усатов спел для него «несколько прелестных детских песен Чайковского, между прочим, чудную легенду о Христе и забавный “Пустарнак” вроде “Трепака”»⁵⁴.

***

В композиторской иерархии великого князя Константина Николаевича П. И. Чайковский занимал одно из высших мест среди ценимых им современных русских и зарубежных авторов. В дневниках великого князя его суждения о сочинениях композитора, как правило, лаконичны и включают три компонента: оценку музыки, оценку исполнения и реакцию публики.

Некоторые записи свидетельствуют об изменении через несколько лет восприятия одного и того же произведения, например, Четвертой симфонии: «Вечером в концерт Р.М.О. Симфония Чайковского № 4. Аллегро тяжело и некрасиво; остальные части хороши и интересны, особенно прелестный скерцо-пиццикато, который публика заставила повторить» (25 ноября 1878 г.); «Слышал красивый *allegro* 4ой симфонии Чайковского» (2 сентября 1888 г.)⁵⁵.

Встречаются сравнения с работами других композиторов, в частности, «Мазепы» Чайковского и «Нерона» Антона Рубинштейна: «Вечером в ½ 8 в большой театр на первое представление “Мазепы” Чайковского. <...> Нам опера чрезвычайно понравилась, и публика принимала ее недурно. Представление было отлично, и все артисты превосходно делали свое дело. Я нахожу оперу куда как музыкальнее и мелодичнее против “Нерона”» (6 февраля 1884 г.)⁵⁶.

Сочинения Чайковского не входили в повседневный репертуар фортепианного музицирования Константина Николаевича (как, например, оперы М. И. Глинки, А. Н. Серова), вероятно потому, что превышали уровень его технической подготовки в чтении с листа. Были лишь однократные попытки разбора опер «Кузнеца Вакулы» и «Евгения Онегина» по клавиру. Но, как мы помним, по его просьбе в Мраморном дворце неоднократно исполняли Вторую симфонию, Первый и Второй квартеты, Вариации для фортепиано *op.* 19 № 6.

Судя по дошедшим до нас описям личной музыкальной библиотеки Константина Николаевича, в ней хранились нотные издания следую-

⁵³ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. 119. Л. 117.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. 120. Л. 131 об.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. 123. Л. 43 об.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. 115. Л. 132 об.–133.

щих произведений Чайковского: оперные клавиры «Опричника», «Евгения Онегина», «Орлеанской девы», «Мазепы»; переложения в 4 руки Второй симфонии; Второго струнного квартета; Торжественного коронационного марша⁵⁷.

***

Postscriptum. Последним сочинением Чайковского, услышанным великим князем, была I часть Четвертой симфонии. Символично, что это произошло в Павловске — городе, где прошло «боевое крещение» Чайковского как композитора. «Вечером на прощании в воксале. Слышал красивый allegro 4ой симфонии Чайковского» (2 сентября 1888 г.). Неосуществленным желанием Константина Николаевича, высказанным им в 1889 г., было услышать «Опричника» в постановке учащимися С.-Петербургской консерватории.

В октябре 1889 г. П. И. Чайковский в письме к великому князю Константину Константиновичу выразил великокняжескому семейству сочувствие по поводу тяжелой болезни Константина Николаевича: «Верьте, что я принимаю живейшее участие в семейной горести Вашей»⁵⁸.

---

⁵⁷ Подробнее см.: *Моисеев Г. А.* Нотные коллекции августейших покровителей Императорского Русского музыкального общества // *Музыковедение.* 2010. № 8. С. 14–20.

⁵⁸ ЧПСС. XV-а. М., 1976. С. 200.

Ю. В. Трубинов
Государственный Русский музей
Филиал «Мраморный дворец»

Реликвии Великого князя Константина Николаевича в Мраморном дворце XIX в.

Реликвии — наиболее почитаемые предметы религиозного культа — стали появляться в Мраморном дворце со времени устройства в нём домового церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы, которая освящена была 20 ноября 1783 г., то есть за два года до окончательной сдачи дворца, построенного по проекту архитектора Антонио Ринальди. Церковь располагалась на 1-м этаже в небольшом помещении с тремя окнами на Дворцовую набережную. Она была оснащена одноярусным резным иконостасом работы столяра Федота Окорчина, пять икон для которого исполнил немецкий художник Иосиф Крист¹. Храмовый же образ заказан был некоему «диакону из Чесмы», имя которого не сохранилось. «Образ мозаической работы Божией Матери» — икона, созданная русским живописцем Иваном Бельским, наряду с плащаницей его же работы, входила тогда в число наиболее чтимых реликвий домового церкви Мраморного дворца.

Среди предметов культа, поступивших от Кабинета её императорского величества, особенно выделялась «напрестольная серебряная с позолотой дарохранительница с финифтяными образами»².

Последовавшие вскоре события (смерть владельца дворца князя Григория Орлова, косметический ремонт дворца архитектором Старовым в 1895 г. и пожалование дворца внуку Екатерины II великому князю Константину Павловичу ко дню его свадьбы) повлекли за собой вторичное освящение обновлённой домового церкви. Некоторые из икон, подаренных тогда церкви, были в числе знаковых реликвий: «Пред местными иконами, на аналоях были иконы, которыми августейшая мать

¹ См. о нём ст.: Колотов М. Г., Трубинов Ю. В. Блистательный мастер и усердный исполнитель: Работы Стефано Торелли и Иосифа Криста в Мраморном дворце. Часть 2-я. Иосиф Крист и его плафон «Суд Париса» // Реликвия: Реставрация. Консервация. Музеи. СПб., 2012. № 28. С. 54–61.

² Орлов В. Мраморный дворец. 1785–1885 // Русская старина. 1885. Т. 46. № 4–6. С. 440.

благословляла великого князя Константина Павловича на вступление в брак»³.

В середине XIX столетия Мраморный дворец подвергся серьёзной внутренней реконструкции, осуществлявшейся архитектором Александром Брюлловым по воле императора Николая I. Дворец готовился для новоселья в нём второго сына монарха — великого князя Константина Николаевича. На время капитального ремонта домовая церковь перенесена была в Служебный дом в качестве «временной церкви»⁴.

Весной 1848 г., когда реконструкция дворца приближалась к завершающей стадии, созрело решение устроить новую домовую церковь с другим иконостасом, алтарными принадлежностями, ризницей, всей необходимой утварью и обстановкой. Это решение принималось в период подготовки к свадьбе великого князя Константина Николаевича. 6 февраля 1848 г. он был обручён с принцессой Александрой-Фредерикой, дочерью герцога Саксен-Альтенбургского Иосифа; 26 марта Константин Николаевич во время путешествия в Англию попутно посетил в Альтенбурге свою невесту⁵. На август намечались свадебные торжества в Петербурге. Но главный подарок — Мраморный дворец — к свадьбе не поспевал: до полного его завершения оставалось еще более полутора лет, и к окончанию реконструкции в нём следовало устроить домовую церковь, освящением которой и одновременно самого дворца будет благословлена счастливая жизнь во дворце молодой великокняжеской семьи.

Помещение для церкви определили на верхнем этаже невской анфилады Мраморного дворца. Главная часть церковного зала — иконостас — сооружалась искусными резчиками из бригады купца 3-й гильдии Егора Скворцова по полному чину — в четыре яруса. Архитектор А. Брюллов одновременно составил смету на изготовление икон, с указанием их места в иконостасе, сюжетов, конфигурации, размеров и стоимости. Всего требовалось написать вновь 64 иконы. Вся работу А. Брюллов распределил между известными мастерами религиозной живописи академиками и профессорами Императорской Академии художеств Т. К. Неффом, Ф. А. Бруни, К. Дузи, П. М. Шамшиным, М. И. Скотти, Ф. П. Брюлловым. В начале января 1849 г. мастера приступили к написанию икон, а уже 8 февраля готовые образа были установлены в иконостас.

Наиболее чтимые из старых святынь прежней домово́й церкви предполагалось реставрировать и использовать во вновь создаваемой церкви. К числу последних относились, в частности, запрестольный образ

³ Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1883. Вып.7. С. 47.

⁴ Процесс перемещения домово́й церкви в Служебный дом и последующая судьба её иконостаса и утвари подробно изложены в ст.: Трубинов Ю. В. Исчезнувшие церкви Мраморного дворца // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 2003. М., 2004. С. 562–588.

⁵ Русский биографический словарь. «Кнаппс-Кюхельбекер». СПб., 1903. С. 121–122.

«Распятие Иисуса Христа» (или «Страдание Спасителя») и плащаница работы Ивана Бельского. Поновление плащаницы согласился исполнить Ф. П. Брюллов, а от реставрации запрестольного образа отказались все претенденты «живописной команды» архитектора, возможно, из-за очень плохой сохранности оригинала. В результате, запрестольную икону решено было написать заново. Для исполнения этой работы был приглашён модный иконописец В. М. Пешехонов. Он, в свою очередь, привлёк в помощь себе для декоративной росписи алтарной ниши и узорчатого обрамления будущего образа живописца-декоратора Ф. И. Вундерлиха. В течение недели Пешехонов исполнил по утверждённому эскизу образ Христа Спасителя, получив за работу триста рублей серебром⁶. Вундерлих же «за расписание в Церкви Константиновского дворца⁷ греческого узора в ниши во круг Образа Спасителя и за золотую подпись в низу славянскими буквами» получил 120 рублей⁸. В сдаточной дворцовой описи 1849 г. о запрестольном образе и горнем месте в алтаре говорится: «Запрестольный, писанный по штукатурке, Образ Спасителя на золотом поле, а в нише седалище, покрытое мраморною доскою»⁹. Перед поясным изображением Спаса теплилось 7 серебряных лампадок. По бокам Вседержителя располагались иконы Богоматери и Иоанна Предтечи, образуя деисусный чин, символизирующий заступничество святых за людей перед Христом. Для ниши над жертвенником был специально написан образ Знамения Божией Матери, в то время как жертвенник первоначальной домово́й церкви осеяла икона «Снятие со креста Спасителя». Сам жертвенник как и престол в алтаре был высечен из блока розового мрамора с рельефной плетенкой в византийском стиле¹⁰.

К концу декабря 1849 г. все работы по устройству домово́й церкви Мраморного дворца с укомплектованием её необходимым набором утвари, ризницей (облачения для священнослужителей) и богослужебными книгами были завершены.

По желанию великого князя Константина Николаевича, домовую церковь освятил духовник их императорских величеств и протопресвитер Большого собора Зимнего дворца и московского Благовещенского собора В. Б. Бажанов по полному чину с придворным духовенством и придвор-

⁶ РГИА. Ф.468. Оп.35. Д.445. Л.25.

⁷ 10 декабря 1849 г. Николай I подписал указ «О пожаловании Мраморнаго Дворца в дар в потомственное владение Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Константину Николаевичу и наименовании Дворца Константиновским» (РГИА. Ф.515. Оп.8. Д.495. Л.4). Это был второй, после указа от 6 марта 1832 г., и окончательный дарственный акт императора, закреплявший за Константином Николаевичем все права пожизненного владения Мраморным дворцом.

⁸ РГИА. Ф.468. Оп.35. Д.450. «О живописных и позолотных работах». Л.73.

⁹ РГИА. Ф.468. Оп.35. Д.460. «Опись Константиновскому дворцу». Л.156 об. Опись Мраморного дворца 1849 г. полностью опубликована в кн.: Трубинов Ю. В. Архитекторы Мраморного дворца: Мистификации и реальность. СПб., 2013. С. 336–466.

¹⁰ Архив ГЭ. Ф.IV. Оп.1. Д.1063. Л.5.

ными певчими. О благополучном исходе таинства освящения свидетельствует отчёт Бажанова перед Святейшим Синодом: «...в перестроенном для Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича дворце устроенная церковь 27-го сего Декабря освящена мною с придворным Духовенством»¹¹. Новая церковь традиционно посвящалась празднику Введения Пресвятой Богородицы во храм.

С этого времени поселившийся в Мраморном дворце великий князь Константин Николаевич со своей супругой на правах полноправного владельца теперь уже непосредственно влиял, в частности, на декоративное и иконописное убранство домовой церкви и пополнение её реликвиями. Первым шагом в этом направлении явилась почти полная замена икон в иконостасе буквально спустя год после её освящения!

Воспитанный в семье императора Николая I, поддерживавшего в художественной жизни столицы ростки эстетики русско-византийского направления в искусстве и архитектуре, вызревавшие в недрах классицизма, Константин Николаевич глубоко усвоил эти новые веяния, отвечавшие его религиозным убеждениям. Новый иконостас, точнее, живописный строй икон, его составляющих, внутренне претил его представлениям об атмосфере «русско-византийского храма». И для этого были все основания. Живописцы, привлечённые А. П. Брюлловым для исполнения образов иконостаса, придерживались иной эстетики. Некоторые из них прошли европейскую художественную школу и были далеки от традиционного русского искусства, тем более — иконописного. Тимолеон Нефф учился живописи в Дрездене, затем работал в Италии, с 1832 г. стал придворным живописцем Николая I; Михаил Скотти в 1839–1844 гг. также работал в Италии; итальянский живописец Козроэ Дузи появился в Петербурге в 1841 г., поработав до этого в Мюнхене; остальные исполнители икон церкви Мраморного дворца — Фёдор Бруни, Пётр Шамшин, Фёдор Брюллов, — блестяще закончив Петербургскую академию художеств, стажировались в Италии. И хотя все иконы были исполнены этими вполне заслуженными и признанными мастерами академической школы в полном соответствии с высочайше утверждёнными эскизами, их блестящее мастерство значительно отличалось от русской иконописной традиции как в образном решении, так и в технике живописи.

Это противоречие Константин Николаевич решил сгладить. Ему понравилась живописная манера иконописца В. М. Пешехонова¹², кем-то

¹¹ РГИА. Ф.468. Оп.35. Д.461. Л.11.

¹² Пешехонов Василий Макарович — иконописец-ретроспективист. Работал в середине и 2-й пол. XIX в. Только в Санкт-Петербурге и его окрестностях известно более десятка церквей — от домовых и приходских до кладбищенских и монастырских, — для которых он писал образа, преимущественно, в иконостасы.

рекомендованного в критические дни декабря 1849 г. для исполнения запрестольного образа Спаса Вседержителя в пустующую нишу алтаря домово́й церкви за три недели до её освящения. Сын московского иконописца М. С. Пешехонова, Василий работавший в русле «византийского извода», идеально отвечал чаяниям молодого великого князя. Вскоре он получил новый грандиозный заказ великокняжеского двора, о котором и не смел мечтать. Вот как изложил эту историю автор «Историко-статистических сведений о С.-Петербургской епархии»: «В 1850 году великий князь пожелал все иконы в иконостасе, писанные академиками в итальянском вкусе, заменить другими иконами, в древнем стиле, по древним подлинникам. По его поручению иконописец Пешехонов переписал все иконы в иконостасе и все священные изображения на стенах алтаря и церкви. Остались нетронутыми в иконостасе круглые иконы христианских праздников, да иконы на царских вратах; прежняя, вынутая из иконостаса, иконы поставлены в виде иконостаса в двух помещениях, при входе в церковь. Вся работа Пешехонов произвёл к декабрю 1852 года; общая стоимость его работы простирается до 12 т. р. Иконы писаны по золотому фону; одежды святых забликованы золотом; вокруг образов сделаны золотые узоры с «цировкой»¹³.

Таким образом, к третьей годовщине освящения домово́й церкви Пешехонов создал более полусотни новых иконописных ликов. Как ни странно, в иконостасе осталось 16 икон праздничного ряда, написанных итальянцами К. Дузи и М. Скотти, а также лики Царских врат кисти Т. Неффа. Стилизованные «под старину» работы Пешехонова благополучно уживались с творениями именитых мастеров, прекрасно отражая надвигающуюся поступь эклектики.

Изменения в составе образов иконостаса продолжались и в последующем. Так, в память рождения 4 февраля 1854 г. великой княжны Веры Константиновны в иконостасе появился образ св. Георгия Владимирского, заменивший собою Архангела Михаила на северной двери. Икона Сретения Господня, празднуемого в день рождения великого князя Николая Константиновича, заняла место прежней иконы свв. Константина и Елены в местном чине иконостаса, а София Премудрость Божия оказалась над царскими вратами, где ранее располагалась Тайная вечеря.

Церковный зал обогащался новыми иконами и реликвиями, приобретавшимися Константином Николаевичем во время путешествий, либо подносимых великокняжеской семье в память о тех или иных событиях. Особыми иконами отмечались случаи, связанные с риском для жизни. Так, например, 17 июля 1854 г., в день св. Марины, великий князь Кон-

¹³ Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1883. Вып.7. С.47.

стантин Николаевич чуть не утонул при испытании морского судна. Это событие следующим образом описано в воспоминаниях придворной фрейлины А. Ф. Тютчевой: «17 июля. С великим князем Константином сегодня произошло ужасное несчастье. Он поехал в Кронштадт на испытание новой лодки американской конструкции, плоскодонной и с очень небольшим водоизмещением. Он поместился в ней с несколькими из своих адъютантов, но как только лодка вышла в открытое море, она начала тонуть и в одно мгновение исчезла под водой. Великий князь Константин, хороший пловец, с большим присутствием духа пустился вплавь, не торопясь, по всем правилам искусства, и без труда достиг спасательного судна, следовавшего за потонувшей лодкой на расстоянии около 20 саженей. Он один выпутался из беды без посторонней помощи. Остальные лица, сопровождавшие его, спаслись с помощью матросов...»¹⁴

В память спасения генерал-адмирала Константина Николаевича от потопления ему была поднесена специально написанная икона св. великомученицы Марины, в верхней части которой Иисус Христос спасал св. апостола Петра во время морской бури. Икона висела на видном месте: в простенке стены церковного зала против входа из сеней.

В 15-ю годовщину этого события, 17 июля 1869 г., император Александр II прислал в дар своему брату «перст нетленных мощей св. великомученицы Марины». Для хранения этой реликвии был специально изготовлен серебряный вызолоченный ковчег, украшенный эмалью, который установили на бронзовом кронштейне под иконой св. Марины¹⁵.

Ещё один случай, едва не стоивший жизни великому князю Константину Николаевичу, связан с назначением его наместником Царства Польского. На следующий день по прибытии в Варшаву, 21 июня 1862 г. наместник наслаждался оперой Фридриха фон Флотова «Алессандро Страделла». После спектакля, когда великий князь садился в коляску, польский террорист Людвиг Ярошинский в упор выстрелил в него из пистолета, ранив в плечо. В тот же вечер Константин Николаевич нашёл в себе силы телеграфировать о покушении в Петербург императору и записать в дневнике: «...пуля пробила пальто, сюртук, рубашку, ранила меня под ключицей, ушибла кость, но не сломала её, а тут же остановилась, перепутавшись на снурке лорнетки с канителью от эполет. Один Бог спас. Я тут же помолился...»¹⁶ Ответную телеграмму Александр II закончил фразой: «Утром был у нас благодарственный молебен»¹⁷. Схва-

¹⁴ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. М., 1990. С. 69-70.

¹⁵ Великий князь Константин Николаевич. Дневник 1862 года // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 229.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Толмачев Е. П. Александр II и его время. М., 1998. Кн. 2. С. 185.

ченного террориста после суда повесили на гласисе варшавской цитадели. Вскоре великий князь был отозван в Петербург. В память этого спасения московские крестьяне поднесли великому князю образ Спасителя в серебряном вызолоченном окладе. Особенно же дорога его сердцу была другая, подаренная от Финляндского полка, икона в серебряном киоте «Свв. царь Константин, святитель Спиридон и мученик Юлиан Тарсийский», помещённая в алтаре за престолом на специально изготовленном резном изящном аналое, покрытом белой эмалью с легкой позолотой¹⁸.

В годы владения Мраморным дворцом великого князя Константина Николаевича домовая церковь пополнялась не только подносными иконами, но и реликвиями иного рода. Одна из них, связанная с путешествием великого князя в Иерусалим и сохранившаяся до нашего времени, заслуживает особенного внимания.

В 1858–1859 гг. Константин Николаевич совершил плавание вокруг Европы из Балтийского в Средиземное море, посетив ряд государств. Программой путешествия предусматривалось в конце апреля–начале мая 1859 г. посещение Иерусалима, в связи с учреждением там первой российской миссии¹⁹. Встречи с патриархом иерусалимским Кириллом²⁰, совместное паломничество к святыням, осмотр Гефсиманского сада, спуск в Иосафатову долину, подъем на Голгофу и гору Елеон, молебен в храме Вознесения Господня... «Потрясающее впечатление, слёзы и молитвы», — записывает в дневнике великий князь Константин Николаевич²¹. Навсегда запомнилась патриаршая обедня в приделе Ангела у Гроба Господня. «Патриарх подарил нам частицы честнаго древа, для меня, жены, Николы и Костюшки». Накануне отъезда из Иерусалима, 8 мая, патриарх отслужил для великого князя обедню на самом Гробе Господнем. «Потом, — записывает Константин Николаевич в дневнике, — Патриарх нас позвал в Алтарь, и сам при нас отрезал и дал нам частицы мощей: 1) Царя Константина, 2) Царицы Александры (для жинки и для Мама), 3) Василия Великого, 4) Марии Магдалины. Потом обошли снова все Святыни огромного Храма...»

Вот эти-то святые дары иерусалимские великий князь вознамерился поместить в домовую церковь Мраморного дворца. По его замыслу частицы мощей следовало упокоить в ячейки своеобразной дарохранительницы, изготовленной в виде специального декоративного кре-

¹⁸ Орлов В. Мраморный дворец. 1785-1885. С. 443.

¹⁹ Эта миссия великого князя подробно изложена в сб.: Великий князь Константин Николаевич на Святой Земле в 1859 году. М., 2009.

²⁰ Кирилл II — патриарх Иерусалима с 1845 по 1872 гг.

²¹ Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. 1857–1861. М., 1994. С. 164. Далее цитаты из дневника приводятся по этому изданию.

ста. Проект этого креста великий князь заказал академику живописи Ф. Г. Солнцеву, с которым был знаком уже более 10 лет.

Живописец, окончивший в 1827 г. Императорскую академию художеств, прославил своё имя изданием «Древностей Российского государства» (1846–1853). Именно это издание видным художественным критиком В. В. Стасовым было расценено как одно из первых квалифицированных пособий по национальному стилю²². Поскольку великий князь Константин Николаевич был приверженцем «национального стиля», он почувствовал в художнике творца, способного удовлетворить его амбиции. Так, ещё в 1848 г., по случаю бракосочетания Константина Николаевича с Александрой Иосифовной, Ф. Г. Солнцева привлекли к созданию рисунков, по которым на Императорском фарфоровом заводе был изготовлен так называемый «Константиновский сервиз»²³. Его работы понравились, и художник часто составлял проекты предметов декоративного искусства для Мраморного дворца. К освящению дворца и церкви в 1849 г. «академик Солнцев <...> сочинил и нарисовал акварелью рисунки, изображающие Святых Угодников, поднесённые <...> Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу <...>, сделал два рисунка для каминных часов во Дворец Его Императорского Высочества»²⁴. В 1859 г. Солнцева причислили к Императорской Археологической комиссии, что ещё более утвердило его в глазах Константина Николаевича как мастера, единственно способного достойно исполнить его новое поручение.

4 октября 1859 г. великий князь заносит в дневник: «Были у обедни в нашей милой здешней церкви, которую я так люблю. <...> Солнцев приносил рисунки большого креста, в котором я хочу уложить части мощей, полученных в Иерусалиме и в Константинополе»²⁵. По утверждённым акварельным рисункам Солнцева, серебряных дел мастер Фёдор Верховцев более 4-х месяцев трудился над изготовлением этого почти полуметрового в высоту (44,8 см) уникального изделия. Кроме художественной резьбы, покрывающей поверхность креста в виде неовизантийского орнамента, он применил литъё и чеканку, употребив золото и серебро, украсил крест изумрудами и рубинами.

²² Новости и биржевая газета. 1892. 13 марта. № 72. обстоятельная биография и творческий путь Ф. Г. Солнцева изложены в кн.: Аксёнова Г. В. Русский стиль: Гений Фёдора Солнцева. М., 2009. См. также её ст.: Аксёнова Г. В. Художник Фёдор Солнцев и великие князья Константин Николаевич и Константин Константинович // Константиновские чтения – 2011. Сб. материалов научной конференции. СПб, Стрельна, 2011. С. 126–138.

²³ РГИА. Ф. 468. Оп. 10 (1847 г.). Д. 594. «По Императорским Стекланному и Фарфоровому заводам. Об изготовлении в сих заводах столового и десертного сервизов для Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича».

²⁴ Отчёт Императорской Академии Художеств за 1849–1850 академический год. СПб., 1850. С. 20.

²⁵ Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. 1857–1861. М., 1994. С. 207.

Наконец, 14 февраля 1860 г. Константин Николаевич с удовлетворением записывает: «Сегодня была у нас в церкви прелестная церемония. Крест, который я заказал для Святых Мощей, полученных нами в Иерусалиме и Царьграде, готов, и я пригласил для освящения его трёх митрополитов: Григория Петербургского, Исидора Киевского и Иосифа Виленского. Когда они собрались, наш священник Куколевский понёс мощи из моей комнаты в церковь. Я с Nikolay [старший сын Константина Николаевича — великий князь Николай Константинович. — Ю. Т.] следом за ними вошёл в Алтарь, и тут митрополит Григорий вложил Мощи в приготовленные для них места в Кресте, заливая их мастикою. После этого все три митрополита вместе служили обедню, а потом молебен, после чего мы приклонились к Мощам. Это было чрезвычайно торжественно, и я был ужасно счастлив, что сподобился такого благополучия иметь в своей церкви такую Святыню. Затем мы угостили митрополитов завтраком»²⁶.

Реликвию утвердили на аналое, установленном перед иконостасом домово́й церкви по правую руку от царских врат, т. е. перед иконой Спасителя. По другую сторону царских врат, перед иконой Богородицы, на аналое в богатом застеклённом киоте хранилась не менее почитаемая реликвия — старинный, почти истлевший образ Спаса Нерукотворного, принадлежавший некогда Никите Романовичу Юрьеву-Захарьину²⁷. В домово́й церкви находился еще один раритет, привезенный из далёкой Палестины. Как пишет В. Орлов, «в притворе, за молельной, пред иконой в память тысячелетия России, прикрепленной к стене, помещается на продолговатом столике модель часовни Гроба Господня из дерева, — дар иерусалимского патриарха Кирилла в 1859 году»²⁸. Она была освящена одновременно с новодельным мощехранительным крестом и закрыта прозрачным колпаком, отлитым на Императорском стеклянном заводе по специальному заказу²⁹.

Из многочисленных реликвий, которыми располагала домовая церковь Мраморного дворца, сохранился лишь мощехранительный крест времени великого князя Константина Николаевича. После разорения церкви в 1920-е гг. эта реликвия оказалась в Государственном музее этнографии, откуда передана была в 1941 г. в Государственный Эрмитаж, где и находится по настоящее время³⁰.

²⁶ Там же. С. 232.

²⁷ Захарьин-Юрьев Никита Романович (?–1585), с 1563 г. — боярин, в 1585 г. пострижен в монашество с именем Нифонта; приходился дедом основателю династии Романовых царю Михаилу Федоровичу. См.: История родов русского дворянства. В 2-х кн. Кн. 1. М., 1991. С. 24.

²⁸ Орлов В. Мраморный дворец. 1785–1885. С. 445.

²⁹ РГИА. Ф.537. Оп.1. Д.10. Л.44 об.

³⁰ ГЭ, инв. № ЭРО-6505. В 2004 г. этот экспонат был показан на выставке «Религиозный Петербург» в Государственном Русском музее. См.: Религиозный Петербург / Альманах ГРМ. Вып.106. / Сост. П. Климов. СПб., 2004. С. 283.

Не лишним будет упомянуть о дальнейшей судьбе домово́й церкви Мраморного дворца и её убранстве. С изгнанием в мае 1918 г. законных владельцев, дворец был полностью национализирован, а вскоре после передачи его Российской академии истории материальной культуры, помещение упразднённой церкви временно приспособили под архив зодчего О. Монферрана. В течение 1922–1925 гг. домовая церковь, будучи, с одной стороны, закрытой как культовое учреждение, но, с другой стороны, находящейся под охраной Комитета по охране монументальных памятников по 2-й категории³¹, подверглась санкционированному разграблению. Из помещения церкви изъято было, по существу, всё, за исключением иконостаса, о котором в документе сказано: «Иконостас церкви остаётся на месте как представляющий архитектурно-художественную ценность»³², правда, с оговоркой: «Иконы же в нём в отдельности музейного значения не имеют».

Иконостас находился на своём месте до ноября 1930 г., когда встал вопрос о его ликвидации. 4 ноября инспектору по делам музеев Ленинградского ОБЛОНО поступил запрос от Государственной академии истории материальной культуры, занимавшей Мраморный дворец: «В б. церкви Мраморного Дворца, где помещается в настоящее время архив Академии, находится деревянный иконостас середины XIX века, не представляющий ни исторической, ни художественной ценности. В виду необходимости снять этот иконостас для удобств работ архива, Академия просит уведомить в срочном порядке 1) не имеется ли с Вашей стороны препятствий к разборке иконостаса, 2) какое назначение дать разобранным частям иконостаса»³³. Так через пять лет поменялась оценка иконостаса: он уже не представлял ни исторической, ни архитектурно-художественной ценности. Понятно, что такая оценка была продиктована чисто конъюнктурными соображениями: он загромождал помещение бывшей церкви, превращённой в ведомственный архив, где становилось всё более тесно от обильно поступавшей научно-технической и текущей документации. Отдел народного образования возражать, разумеется, не стал. Через 10 дней старший инспектор по музеям Зайцев разрешил демонтаж иконостаса. Разборка разрешалась при соблюдении ряда условий: иконостас следовало сфотографировать; составить план помещения «с показанием расположения иконостаса на полу»; выполнить демонтаж опытными мастерами и складировать разобранные части там, где их могли бы ос-

³¹ Архив ГЭ. Ф. IV. Оп.1. Д.1063 «Описи, акты и переписка об изъятии церковных предметов в распоряжение Помгола и в Музейный Фонд из церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в Мраморном дворце». Л. 4 об.

³² Там же. Л. 5.

³³ РА ИИМК РАН. Ф.2. Оп.1 (1930). Д.71. Л.9.

мотреть представители учреждений, согласных освободить Академию от этой обузы³⁴. Опытных мастеров найти не удалось, и хозяйственный отдел поручил произвести работу своему плотнику А. С. Маркову. Тот набросал карандашом схематический план помещения и в течение полтора месяцев, с 16 ноября по 28 декабря 1930 г., разобрал иконостас. Несколько месяцев продолжались поиски желающих его «прибрать». Наконец, 18 апреля 1931 г. всё тот же чиновник из Управления уполномоченного Наркомпроса по вузам, рабфакам, научным, научно-художественным и музейным учреждениям Зайцев посылает в ГАИМК короткую служебную записку: «Разобранный иконостас б. церкви Мраморного дворца просьба препроводить Гос. Русск. музею»³⁵. Дальнейшие следы иконостаса домового церкви Мраморного дворца, к сожалению, теряются.

Иконы, находившиеся в иконостасе к моменту его демонтажа, оставались последними реликвиями домового церкви. Уже к 1925 г. на склад Государственного музейного фонда (ГМФ) перевезли более 480 предметов церковной утвари и реликвий как из самой церкви, так и из других помещений Мраморного дворца: из молельни (крестовой) в кабинете наследника Константина Николаевича — великого князя Константина Константиновича, из детских, из спален и гостиных, из библиотеки и музыкальной комнаты. Высокохудожественные иконы изымались в Государственный музейный фонд с дальнейшим, в лучшем случае, распределением по музеям, не признанные таковыми — вывозились на продажу якобы в пользу «Помгола»³⁶, либо сразу утилизировались. По подсчётам М. В. Басовой³⁷, из известных на сегодняшний день «236 минейных и праздничных икон, написанных мастерскими иконописцами, работавшими в Москве, И. С. Чириковым и М. И. Дикарёвым» 205 икон числятся в фондах Государственного музея истории религии, 10 икон попали в фонды Государственного Русского музея³⁸ и 21 икона оказалась в запасниках Государственного Эрмитажа. Судьба прочего убранства домового церкви Мраморного дворца, как и реликвий, принадлежавших великому князю Константину Николаевичу, в большинстве своём до сих пор остаётся неизвестной.

³⁴ Там же. Л. 11.

³⁵ Там же. Оп. 1 (1931). Д.756. Л.56.

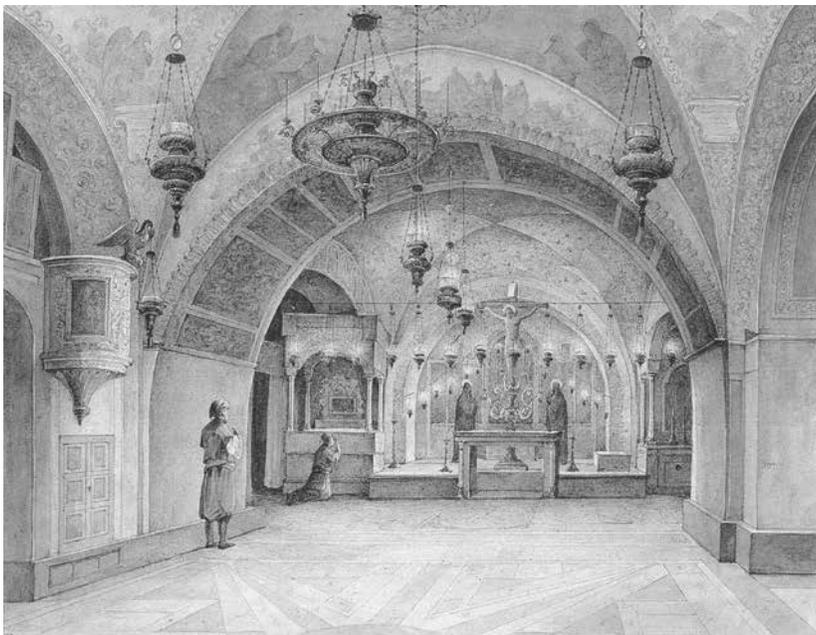
³⁶ «Помгол» — Комиссия помощи голодающим при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете (ВЦИК), работала с июля 1921 по сентябрь 1922 гг.

³⁷ Басова М. В. Минейные и праздничные иконы И. С. Чирикова и М. И. Дикарева из домового церкви Мраморного дворца в Санкт-Петербурге // Эрмитажные чтения памяти В. Ф. Левинсона-Лессинга (1893–1972). СПб, 1994. С. 57.

³⁸ Перечень этих икон в фондах ГРМ опубликован в приложении к ст.: Пивоварова Н. В. Отделение церковного имущества Государственного музейного фонда и поступление памятников христианского искусства в Русский музей в 1920-е годы // Страницы истории отечественного искусства XVI–XX века. К 100-летию со дня рождения А. Н. Савинова / Гос. Русский музей. Сборник научных трудов. СПб., 2007. Вып. XIV. С. 46.

*1. Великий князь Константин Николаевич в рабочем кабинете.
1860-е. ГАРФ*

2. Интерьер храма Гроба Господня на горе Голгофа в Иерусалиме. Художник Чернецов Н. Г.(?) 1843. ГРМ

3. Мощехранительный крест из домовй церкви Мраморного дворца. 1860. ГЭ

Мраморный дворец и его владельцы в 1915–1919 гг.

Проблема сохранения и использования зданий — памятников архитектуры — остаётся актуальной до настоящего времени. Во второй половине XX столетия в среде специалистов, занимающихся изучением и реконструкцией памятников архитектуры, сформировалось определённое мнение. Непременным условием сохранения этих зданий является использование их для новых современных потребностей общества, но при этом необходимо учитывать исторические и художественные особенности каждого конкретного дворца.

Старинные здания обладают уникальной историей; это материальное воплощение творческой деятельности многих людей: заказчиков, архитекторов, мастеров и т.д. В истории каждого из дворцов бывали периоды расцвета и упадка, происходили смена владельцев и реконструкции. Судьбы зданий–памятников неразрывно связаны с судьбами владельцев. Изменения общественного и социального статуса владельцев, их материального положения оказывали непосредственное влияние на их судьбу. Как правило, в результате этих изменений в России дворцы становились национальной государственной собственностью. Соответственно менялось их назначение — жилые резиденции становились общественными зданиями, в которых размещались как различные государственные учреждения, так и музеи. Такие изменения в судьбах зданий–памятников являются типичными для конца XIX – начала XX вв. в Санкт-Петербурге. На примере изменений произошедших в судьбе Мраморного дворца и его владельцев в 1915–1919 гг. мы постараемся рассмотреть основные закономерности этого явления.

Мраморный дворец и принадлежащий к нему Служебный дом с конца XVIII до начала XX столетия был резиденцией нескольких представителей династии дома Романовых. С середины XIX в. он являлся резиденцией Константиновичей, великокняжеской ветви Романовых,

родоначальником которой был второй сын императора Николая I — великий князь Константин Николаевич (1827–1892).

Указом императора Николая I от 20 декабря 1849 г. Мраморный дворец был пожалован великому князю Константину Николаевичу «в вечное и потомственное владение». Этим же указом дворец переименовывался в «Константиновский»¹. Этому событию предшествовала реконструкция Мраморного дворца и Служебного дома, приуроченная к бракосочетанию великого князя, которое состоялось в 1848 г. Работы по реконструкции комплекса производились по проекту и под руководством архитектора А. П. Брюллова. Они продолжались с 1844 по 1849 гг.²

Начало очередного этапа в бытовании дворца связано с бракосочетанием в 1884 г. второго сына Константина Николаевича. Великий князь Константин Константинович (1858–1915) заключил брак с принцессой Саксен-Альтенбургской, герцогиней Саксонской Елизаветой Маврикиевной (1865–1927). Апартаменты Константина Константиновича и его супруги создавались на первом этаже анфилады по Миллионной улице — на месте так называемой детской половины. После смерти отца в 1892 г. великий князь Константин Константинович наследовал Мраморный дворец³. С 1886 по 1906 гг. в семье родилось восемь детей. Работы по созданию и отделке ряда интерьеров продолжались в течение нескольких лет и были закончены в начале XX в. Архитектурное убранство этих интерьеров в основном сохранилось до наших дней.

Жилые помещения Мраморного дворца с ростом великокняжеской семьи распределялись следующим образом.

- Вдова Константина Николаевича Великая княгиня Александра Иосифовна (1830–1911) как и прежде, занимала помещения на втором этаже в юго-восточной части здания с окнами на парадный двор и Миллионную улицу.
- Старший сын Великого князя Константина Константиновича Князь Иоанн Константинович (1886–1918) женился в 1911 г. и первоначально апартаменты для молодых устроили на первом этаже здания по Мраморному переулку, а после смерти бабушки семья заняла также её апартаменты на втором этаже дворца.
- Ещё один сын Великого князя Константина Константиновича Князь Гавриил Константинович (1887–1955) в 1912 г. обустроил личные апартаменты на втором этаже дворца в Турецком кабинете и двух по-

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 495. Л. 21.

² Мантуров М. В. Архитектурная графика А. П. Брюллова по реконструкции Мраморного дворца // Страницы истории отечественного искусства. СПб, 2004. Вып. X. С. 243–250.

³ РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 109. Д. 1. Завещание В.к. Константина Николаевича. 1888.

мещениях библиотеки, а также в трех небольших комнатах, прилегающих к ним⁴.

- Комнаты Князя Олега Константиновича (1892–1914), погибшего в 1914 г. на фронте Первой мировой войны, находились на втором этаже дворца во внутренней анфиладе.

В рассматриваемый период во дворце, кроме многочисленной семьи Великого князя Константина Константиновича, живет его младший брат Великий князь Дмитрий Константинович (1860–1919)⁵. Он занимает апартаменты на первом этаже в северном ризалите восточного фасада и покидает дворец только после смерти своего старшего брата в 1915 г.

Таким образом, Мраморный дворец под влиянием жизненных обстоятельств к началу XX в. превратился в густонаселенный жилой дом великокняжеской семьи Константиновичей.

К началу 1917 г. в Мраморном дворце жили: вдова великого князя Константина Константиновича Великая княгиня Елизавета Маврикиевна с малолетними детьми Георгием (1903–1937) и Верой (1906–2001). Помещения дворца занимали также ее взрослые сыновья: Иоанн с семьей, Гавриил, Константин (1890–1918), Игорь (1894–1918). Кроме того, здесь жила сестра Константина Константиновича великая княжна Ольга Константиновна — вдовствующая Греческая королева (1851–1926). Также в стенах дворца находились квартиры чиновников Придворной конторы двора великого князя Константина Константиновича.

Решающим обстоятельством, определившим в дальнейшем судьбу Мраморного дворца, являются внесенные Императором Александром III в 1886 г. изменения в Учреждение об Императорской фамилии⁶. Они, прежде всего, коснулись права на наследование великокняжеского титула членами царствующего дома. Великокняжеский титул теперь наследовали только дети и внуки императора. Дети великого князя Константина Константиновича, будучи правнуками императора Николая I, являлись только князьями крови императорской, они не наследовали великокняжеский титул, а с ним и соответствующее денежное содержание из средств Удельного ведомства. Годовое денежное содержание великого князя Константина Константиновича, получаемое из Удельного ведомства, составляло 225 тысяч рублей, а его совершеннолетних сыновей — князей крови императорской — 45 тысяч рублей. Супруге великого князя великой княгине Елизавете Маврикиевне отпускалось 30 тысяч рублей⁷. После смерти в 1915 г. великого князя Константина

⁴ В.к. Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. М., 2007. С. 158–160.

⁵ Кузьмин Ю. А. Российская императорская фамилия. СПб., 2005. С. 136.

⁶ Полное собрание Законов Российской империи. Т. I. Ч. I, по прод. 1886 г.

⁷ РГИА. Ф. 515, Оп. 60, Д. 237.

Константиновича у его наследников уже не было достаточных средств для содержания такого затратного комплекса, как Мраморный дворец – Служебный дом. По данным на 1912 г. эти затраты выражались в сумме 120 тысяч рублей в год⁸.

Наследники были вынуждены искать возможность продажи дворца в собственность государства. Эти переговоры перешли в активную фазу только весной 1917 г., когда у власти в России уже было Временное правительство. Это правительство, национализировав Удельное ведомство, и прекратив все выплаты членам династии Романовых, тем самым лишило их основных и часто единственных средств существования. Далее оно произвело разделение недвижимого имущества членов свергнутой династии Романовых, проведя национализацию императорских дворцов и резиденций, таких как Зимний и Петергофский дворцы в Петрограде, Кремлёвский дворец в Москве и др. Частной собственностью членов императорской фамилии были признаны их родовые великокняжеские дворцы и имения, среди которых был и Мраморный дворец⁹.

На одном из первых своих заседаний 5 марта 1917 г. Временное правительство принимает решение о создании в составе Министерства Торговли и Промышленности Отдела труда, который разместился в Мраморном дворце с согласия его владельцев. В дальнейшем отдел преобразуется в Министерство труда, которое будет располагаться во дворце до октябрьского переворота.

С приходом Советской власти это министерство преобразовали в Народный Комиссариат труда РСФСР, располагавшийся в стенах Мраморного дворца до переезда СНК в Москву 10 марта 1918 г.

Переговоры о приобретении Мраморного дворца в государственную собственность, начатые весной 1917 г., были завершены осенью того же года. Основная трудность этих переговоров состояла в том, что необходимо было произвести оценку как самих зданий комплекса: Мраморного дворца и Служебного дома, земельного участка, ими занимаемого, так и хранящихся здесь художественных и исторических ценностей, продаваемых владельцами вместе со зданием. Процесс оценки осложнялся тем, что Россия находилась в состоянии войны, в результате которой возникли, в том числе, экономические трудности. Дворец и коллекции, хранившиеся в нем, последовательно обследовали и оценивали пять различных комиссий.

Первая из них, созданная по распоряжению Временного правительства, дала оценку комплекса Мраморный дворец – Служебный дом

⁸ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 314. Л. 83 об.

⁹ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1629. Л. 4–7.

и занимаемого ими земельного участка, но в нее не вошла оценка художественной отделки фасадов и интерьеров. Заключение этой комиссии датировано 2 июля 1917 г.¹⁰

Далее была создана комиссия по оценке художественных ценностей, находящихся в Мраморном дворце, в составе А. Н. Бенуа, В. Н. Аргутинского-Долгорукого, К. С. Петрова-Водкина, С. Н. Тройницкого и С. П. Яремича¹¹. Заключение датируется 13 июля 1917 г. В нем дана оценка наиболее значительных художественных произведений и предметов декоративно-прикладного искусства. Но в этот перечень не вошли некоторые картины, с точки зрения членов комиссии не представляющих музейного интереса, а также библиотека и часть мебели. Кроме того, в него не вошли те художественные произведения и семейные реликвии, которые владельцы не собирались продавать вместе с дворцом.

Следующая комиссия, созданная по распоряжению Временного Правительства 19 июля 1917 г., составила еще один Акт оценки Мраморного дворца и Служебного дома. В него вошли, наряду с оценкой этих зданий и гранитной ограды с кованой решеткой между дворцом и Служебным домом, оценка элементов художественной отделки фасадов и интерьеров дворца¹².

Еще одна комиссия работала по поручению Правления Петроградского Городского Кредитного общества. Акт, ею составленный, датируется 3 августа 1917 г.¹³ Ее работа была обусловлена, вероятно, желанием владельцев дворца получить независимую оценку стоимости комплекса Мраморный дворец – Служебный дом для ведения дальнейших переговоров о его продаже с Временным Правительством.

Последняя комиссия, работавшая в Мраморном дворце 24 августа 1917 г., занималась оценкой библиотеки и гравюр, хранившихся здесь¹⁴. Таким образом, все лето 1917 г. шли активные переговоры владельцев дворца с Временным Правительством о продаже комплекса Мраморный дворец – Служебный дом в национальную собственность.

О том, насколько сложными оказались эти переговоры, говорит эпизод, связанный с обращением к Временному Правительству Николая Константиновича (1850–1918), старшего сына великого князя Константина Николаевича¹⁵.

Ещё в 1874 г. над ним была учреждена опека, а затем его отправили на постоянное жительство в Ташкент, и лишили наследственных прав

¹⁰ ГАРФ. Ф. 657. Оп. 1. Д. 346. Л. 27.

¹¹ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1142. Л. 1–2.

¹² ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1143. Л. 1–4.

¹³ ГАРФ. Ф. 657. Оп. 1. Д. 349. Л. 35.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 657. Оп. 1. Д. 346. Л. 48.

¹⁵ Кузьмин Ю. А. Указ. соч. С. 267.

на недвижимое имущество его отца¹⁶. На заседании Временного правительства за № 34 от 28 марта рассматривалось ходатайство великого князя Николая Константиновича о снятии с него опеки. Одновременно он обратился с заявлением о желании передать в государственную собственность Павловское имение и Мраморный дворец. Временное Правительство признало, что после отречения Императора Николая II, а с ним и всей правящей династии, «опека на него возложенная, должна быть признана недействительной». Вопрос о передаче в государственную собственность Павловского имения и Мраморного дворца был направлен на рассмотрение Министру юстиции для изучения данного вопроса с точки зрения существующего законодательства¹⁷. Впоследствии это предложение было отклонено.

Процесс переговоров нашел свое отражение и в периодической печати. Так, в журнале «Аполлон» было опубликовано сообщение: «Для Министерства Труда решено приобрести от наследников Великого князя Константина Константиновича за 12.319.000 руб. Мраморный дворец...»¹⁸

На заседаниях Временного правительства этот вопрос рассматривался неоднократно, и окончательное решение было принято на заседании, состоявшемся 17 октября 1917 г.¹⁹ Владельцы были вынуждены снизить стоимость продаваемого имущества до 12 миллионов рублей с условием получения этой суммы в виде облигаций «Займа свободы». Кроме того, они давали обязательство не реализовывать этот капитал в течение пяти лет, а пользоваться только банковскими процентами с него.

Приведенные факты дают основание утверждать, что к моменту совершения Октябрьского государственного переворота 26 октября 1917 г. комплекс Мраморный дворец – Служебный дом «де-юре» являлся государственной, национальной собственностью. Однако, изменение государственного строя в стране не позволило осуществить принятое Временным правительством решение на практике. Дальнейшие события уже имели совсем иную юридическую основу. Декреты Советской власти о национализации имущества бывшего императора и членов свергнутой династии носили скорее идеологический и пропагандистский характер, так как они во многом повторяли решения Временного правительства, но решали эти вопросы другими средствами²⁰.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1629. Л. 4 об.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1. Ч. 1. Л. 135 об. – 141 об.

¹⁸ Аполлон. 1917. № 6–7. С. 75.

¹⁹ РГИА. Ф. 565. Оп. 12. Д. 905. Л. 1. 2А, 2 Б, 3, 4.; ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 443.

²⁰ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. Отд. 1. № 29, ст. 583. М., 1918. С. 611–612. Декрет СНК «О национализации имущества низложенного императора и членов бывшего императорского дома».

Судьбы последних владельцев Мраморного дворца в условиях существования Советской власти сложились трагично. Так, в апреле 1918 г. непосредственно из Мраморного дворца в Вятку по решению Советской власти были высланы последние владельцы дворца — князя крови императорской Иоанн, Константин (1890–1918) и Игорь (1894–1918) Константиновичи²¹. Затем их отправили в Екатеринбург, а оттуда в Алапаевск, в окрестностях которого они были казнены 18 июля 1918 г. Князь Гавриил Константинович смог покинуть Россию летом 1918 г.; оставшуюся жизнь он провёл в эмиграции. Их мать великая княгиня Елизавета Маврикиевна осенью 1918 г. вместе с малолетними детьми Георгием и Верой уезжает в Стокгольм, затем в Германию. Елизавета Маврикиевна умерла 24 марта 1927 г. и похоронена на своей родине в Альтенбурге²², место её захоронения сохранилось. Великая княгиня Ольга Константиновна, вдовствующая греческая королева покинула Россию летом 1918 г. Великий князь Николай Константинович умер 14 января 1918 г. в Ташкенте после тяжелой болезни, где и был похоронен²³. Великого князя Дмитрия Константиновича расстреляли на территории Петропавловской крепости в ночь с 24 на 25 января 1919 г. вместе с другими членами императорской фамилии. Они были последними представителями династии Романовых²⁴, казненными по приговору Советской власти.

Так история Мраморного дворца, как резиденции и жилого здания нескольких представителей дома Романовых, завершилась к концу 1917 г.²⁵ Многие дворцы в конце XIX – начале XX вв. последовательно меняли свой статус и назначение, становясь государственной, национальной собственностью и общественными зданиями. Такое развитие событий было типичным для многих великокняжеских и вельможных дворцов Санкт-Петербурга. В Михайловском дворце, после приобретения его в государственную собственность, разместился Русский музей Императора Александра III. В Мариинском дворце заседал Государственный совет, в Таврическом дворце работала Государственная дума. Все исторические здания подверглись реконструкции в той или иной степени, она была необходима для осуществления новых общественных потребностей.

К моменту прихода Советской власти в Мраморном дворце уже находилось государственное учреждение, и в сознании нового руковод-

²¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 4. Л. 26.

²² Кузьмин Ю. А. Указ. соч. С. 149.

²³ Красноков Р. Г. Великий князь Николай Константинович. Опыт биографии. «Из глубины времён». Вып. № 3. СПб. 1994.

²⁴ Петроградская Правда. 1919 г. № 23, 31 января. С. 3.

²⁵ Мантуров М. В. Мраморный дворец: от великокняжеской резиденции до музея 1849–1937 годы // Страницы истории отечественного искусства. СПб, 2007. Вып. XIV. С. 241–247.

ства страны он воспринимался как общественное здание, в отличие от таких дворцов как Строгановский, Фонтанный дом, и другие, которые до Октябрьского переворота являлись частными жилыми зданиями. После национализации этих зданий перед новой властью встал вопрос о сохранении и использовании их в новых общественно-исторических условиях. Эти дворцы являлись уникальными архитектурными памятниками с исключительной художественной отделкой интерьеров и исторически сложившиеся коллекциями произведений искусства различных эпох. На первом этапе существования Советской власти было принято решение об их музеефикации путем создания на основе этих коллекций художественных и историко-бытовых музеев.

В число таких дворцов-музеев Мраморный дворец не попал, и весной 1919 г. в нём разместилась только что созданная Государственная Академия истории материальной культуры²⁶ во главе с академиком Н. Я. Марром. Она стала преемницей Императорской археологической комиссии. Также в здании разместился созданный в это же время Государственный музейный фонд.

Наиболее ценная часть художественных коллекций Мраморного дворца была передана в Государственный Эрмитаж и Государственный Русский музей, а остальное собрание поступило в Государственный музейный фонд. Во дворце в течение почти двух десятилетий размещался крупный научный центр, и происходило стихийное приспособление здания для его нужд.

В 1936 г. властями было принято решение о создании в здании Мраморного дворца Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина. Во дворце прошла реконструкция, осуществлённая по проекту, разработанному под руководством архитектора Н. Е. Лансере²⁷. Осенью 1937 г. состоялось открытие нового историко-мемориального музея программа и задачи которого полностью игнорировали художественные, исторические и мемориальные особенности Мраморного дворца — памятника истории и культуры конца XVIII – начала XX вв.

---

²⁶ ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 55. 1924 г. Постановление Коллегии Наркомпроса о передаче Мраморного дворца в ведение ГАИМК.

²⁷ Мантуров М.В. Н. Е. Лансере в Мраморном дворце // Дворцы Русского музея. СПб, 1999. С. 175–179.

Санитарные отряды княгини Елены Петровны (1912 – 1914)

Ее королевское высочество княгиня Елена Петровна (4.11.1884–16.10.1962), урожденная принцесса Сербская из династии Карагеоргиевичей, супруга князя императорской крови Иоанна Константиновича¹, принадлежала к младшему поколению Дома Романовых, о котором мы знаем не так уж и много. Их деятельность началась перед Первой мировой войной и находилась в тени трудов старших родственников. Начавшийся бурный революционный процесс и гражданская война не позволили оценить в должной мере вклад этой части императорской семьи в российскую историю. Интерес вызывали совсем другие темы.

Последние два десятилетия эта ситуация постепенно исправляется, в частности, ежегодными Константиновскими чтениями. Однако о княгине Елене Петровне до сих пор очень мало пишут не только в России, но и в Сербии. Настоящая статья посвящена истории санитарных отрядов в прифронтовой зоне в период балканских и Первой мировой войн. Эта тема позволяет в определенной степени приблизиться к оценке масштаба деятельности княгини Елены Петровны в деле помощи больным и раненым русским и сербским воинам.

Войдя в императорскую семью, княгиня Елена Петровна, как и другие женщины ее круга, значительную часть времени посвящала делам благотворительности. Воспитанная на рассказах о ратных подвигах предков — сербов и черногорцев — за свободу своей страны, княгиня Елена Петровна дела милосердия понимала, в первую очередь, как помощь тем, кто не жалеет жизни за Отечество. Поэтому главной своей задачей в период ведения военных действий она считала организацию складов для пожертвований и санитарных отрядов. Княгиня не была новичком

---

¹ Свадьба князя императорской крови Иоанна Константиновича и сербской принцессы Елены состоялась 21 августа 1911 г.

в этом деле. За помощь в делах милосердия в период русско-японской войны императрица Мария Федоровна 15 марта 1906 г. пожаловала ее королевскому высочеству княжне Елене Петровне знаки отличия Красного Креста 1-й степени.

Санитарный отряд княгини Елены Петровны в Сербии (1912 – 1913)

Прошло чуть больше года со дня замужества Елены Петровны, как Сербия вступила в балканскую войну². Княгиня практически сразу приняла решение ехать сестрой милосердия на театр военных действий во главе собственного санитарного отряда, на что получила согласие отца — сербского короля Петра I и императора Николая II. Князь Иоанн Константинович необыкновенно гордился этим поступком жены. Одобрил его и августейший свекор — великий князь Константин Константинович. Что касается младшего поколения Константиновичей, то оно было просто в восторге от решения Елены Петровны. «Пламенная патриотка» — так охарактеризовали в семье поступок княгини.

В поисках персонала для своего лазарета на 50 кроватей княгиня Елена Петровна обратилась в Елизаветинскую общину сестер милосердия³. Оборудование и медикаменты были куплены на складе Российского общества Красного Креста (далее — РОКК).

Елена Петровна прекрасно знала о потребностях сербских госпиталей, поэтому, помимо основного оборудования, с Главного склада РОКК затребовала дополнительно 200 комплектов постельного и носильного белья⁴. Не забыла княгиня и о теплых вещах, часть из которых была получена из Комитета Мраморного дворца по сбору пожертвований на оказание санитарной помощи сербам и грекам. Этот

---

² Первая Балканская война (25 сентября (9 октября) 1912–17 (30) мая 1913) произошла между Балканским союзом (Болгария, Греция, Сербия и Черногория) и Турцией, в которой последняя потерпела сокрушительное поражение. По Лондонскому договору Турция потеряла все свои европейские владения, кроме Стамбула и небольшой части Восточной Фракии. Практически сразу началась борьба за пересмотр итогов войны как между бывшими союзниками, так и европейскими державами. Германию и Австро-Венгрию не устраивало существование Балканского союза. Используя взаимные территориальные претензии балканских государств, ими была спровоцирована Вторая Балканская война (16 (29) июня – 25 июля (7 августа) 1913). Она произошла между Болгарией, с одной стороны, и Сербией и Грецией, к которым присоединились Черногория и Турция, с другой. Войну начала Болгария и потерпела сокрушительное поражение. По Бухарестскому миру ей пришлось уступить Румынии Южную Добруджу, Турции — Южную Македонию и часть Западной Фракии, Сербии — Северную Македонию.

³ Была основана в 1896 г. по инициативе великой княгини Елизаветы Федоровны, которая стала для этого учреждения не только покровительницей, но и фактической руководительницей.

⁴ РГВИА Ф.12651. Оп.1. Д.1476. Л.45. Снаряжение лазарета стоило 14340.54 рублей, дополнительное – 663.10 рубля. (согласно счета ГУ РОКК, предоставленного в Контору Двора великого князя Константина Константиновича). РГВИА Ф.12651. Оп.1. Д.1477. Л.59, 75.

Комитет был организован конторой великого князя Константина Константиновича⁵.

Поддержку инициативе Елены Петровны, в первую очередь, оказали члены семьи и их знакомые. Великий князь Константин Константинович и великая княгиня Елизавета Маврикиевна пожертвовали 200 рублей из личных средств, гласный петроградской государственной думы, инженер С. Н. Смирнов отдал 1200 рублей, переданные ему великим князем Дмитрием Константиновичем в качестве гонорара за постройку церкви в Стрельне.

Подвижной лазарет Елены Петровны был взят под покровительство РОКК. Его мобилизация прошла довольно быстро. Проводы княгини в Сербию 12 октября 1912 г. были организованы очень торжественно и с учетом всех требований придворного этикета. Никто не смог бы усомниться, что отъезжает член императорской фамилии, с Высочайшего соизволения. В репортаже с места событий газеты писали: «Во времени отбытия поезда в парадных комнатах вокзала собрались чины двора великого князя Константина Константиновича во главе с управляющим двором гофмейстером Минкельде, гофмейстерина великой княгини Елизаветы Маврикиевны баронесса Л. К. Корф... , представители высшего общества, сербский посланник в Петербурге Попович, сербский профессор Кошутич⁶, офицеры лейб-гвардии конного полка, в котором проходит службу августейший супруг княгини — князь Иоанн Константинович и многие другие. Затем для проводов княгини прибыли великий князь Константин Константинович и великая княгиня Елизавета Маврикиевна, принцесса Елена Георгиевна, герцогиня Лейхтенбергская⁷, князь Иоанн Константинович, Олег Константинович, Константин Константинович и Игорь Константиновичи, принц Александр Георгиевич, герцог Лейхтенбергский. Офицеры лейб-гвардии Конного полка⁸ преподнесли княгине Елене Петровне букет цветов. Простившись с родственниками и провожающими, княгиня Елена Петровна отбыла в Сербию в сопровождении фрейлины Т. Ю. Щербачевой»⁹.

Санитарный отряд с багажом, занимавшим два товарных вагона, выехал в Сербию накануне. Кроме трех сестер милосердия Елизаветинской

⁵ 20 октября 1912 г. Контора Двора великого князя Константина Константиновича запросила МИД, не встречается ли препятствий к предполагаемому ею сбору пожертвований в пользу семей убитых и раненых греческих и сербских воинов. В письме отмечалось, что этот сбор будет организован по инициативе ее величества королевы эллинов Ольги Константиновны и ее королевского высочества княгини Елены Петровны с соизволения великого князя Константина Константиновича. 23 октября пришел ответ, что со стороны МИД препятствий не встречается. АВПРИ. Ф.151. Политархив. Оп.482. Д.3758. Л.14.

⁶ Активист славянского движения, профессор белградского университета.

⁷ Двоюродная сестра княгини Елены Петровны, дочь великой княгини Анастасии Николаевны.

⁸ Однополчане князя Иоанна Константиновича.

⁹ Правительственный вестник. 13 (26) октября 1912. С. 3.

общины и четырех санитаров, он состоял из старшего врача В. В. Сиземского¹⁰, Д. П. Костича¹¹, серба по происхождению, доктора Знаменского и студента пятого курса императорской военно-медицинской академии Бацковича. Супруге доктора Знаменского разрешили присоединиться к отряду в качестве сестры милосердия.

Санитарный отряд во главе со своей августейшей покровительницей прибыл в Белград 15 (28) октября 1912 г. На вокзале его ждал теплый прием: сербские министры, русский, болгарский и греческий посланники, представители сербского общества, цветы и оркестр. Надолго оставаться в Белграде княгиня Елена Петровна не планировала. Ее лазарет был командирован сербским военно-санитарным управлением в прифронтовую зону.

О пребывании Елены Петровны в Белграде написала в письме в Московскую городскую управу супруга российского императорского посланника А. П. Гартвиг. Она сообщила Н. И. Гучкову¹², что ее королевское высочество «два дня пробыла в Белграде, и все это время посвятила на объезд госпиталей. Я была с нею и чего только не насмотрелась и не наслушалась, ибо княгиня опрашивала каждого солдата»¹³. Кроме того, Елена Петровна присутствовала на перевязках и операциях в Московском Иверском госпитале¹⁴.

Один из русских военных корреспондентов в репортажах с места событий называл Елену Петровну «великой княгиней», титулом, который ей не принадлежал. Таким способом он, вероятно, хотел подчеркнуть не только близкие связи России и Сербии, но и масштаб деятельности княгини, продолжавшей традиции милосердия семьи Романовых на Балканах. В одном из донесений было написано: «княгине очень идет костюм сестры милосердия. Она весь день, буквально с утра до вечера, работает, как всякая другая сестра. Ее фрейлина госпожа Щербачева работает так же. Дела у них много... [Елена Петровна] помогает при перевязке, при операциях, подбадривает раненых, успокаивает ... Она пользуется всеобщей любовью. И ... этого вполне заслужила».

17 октября 1912 г. Елена Петровна со своим лазаретом отбыла во Врању¹⁵. Данные о практической деятельности этого лазарета обнаружить не удалось. В личной переписке княгини Елены Петровны с младшим

¹⁰ Ординатор больницы Александровского завода.

¹¹ Ординатор московской клиники.

¹² Московский городской голова, председатель Московского славянского комитета.

¹³ ЦИАМ. Ф.179. Оп.21. Д.3017. Л.30 об.

¹⁴ Подробнее о деятельности русских санитарных отрядов в Сербии см.: *Шевцова Г. И.* Русский гуманитарный поход на Балканы. М., 2012.

¹⁵ Область на юго-востоке Сербии, недалеко от границы с Македонией.

братом мужа — князем Олегом Константиновичем есть только несколько фраз, касающихся лазарета (к сожалению, не датированных): «Мой госпиталь во Вранье в порядке. У нас 70 раненых», «Скажи Николаю Николаевичу¹⁶, что санитары и сестры очень хорошие и работают восхитительно»¹⁷.

Появление княгини Елены Петровны в форме российской сестры милосердия в свите короля Петра в его поездке по вновь присоединенным территориям в конце октября 1912 г. вызвало необычайное воодушевление в войсках. Для простых солдат она стала символом нерушимого союза России и Сербии, его милосердным лицом. Именно с этих позиций описывала визит княгини Елены Петровны российская и сербская пресса.

24 октября (6 ноября) 1912 г. МИД уведомил российского консула в Скопье А. Д. Калмыкова о намерении княгини Елены Петровны перевести часть раненых во Вранье¹⁸, что и было сделано незамедлительно. Фронт стремительно перемещался, и следовало освободить места в госпиталях в прифронтовой зоне¹⁹.

Завершив поездку по стране, 26 октября княгиня вернулась к месту нахождения своего лазарета.

В распоряжение княгини Елены Петровны регулярно направлялись различные грузы от имени великого князя Константина Константиновича и князя Иоанна Константиновича. Учитывая все возрастающую потребность в теплом белье, в Мраморном дворце сформировали и доставили в Сербию транспорт теплой одежды²⁰. В конце октября в Белград прибыл санитарный отряд Кауфманской общины имени Е. М. Терещенко с семьей. Его старший врач С. К. Софотеров передал Т. Ю. Щербачевой груз из трех ящиков, отправленный Конторой Двора великого князя Константина Константиновича.

Были и именные пожертвования от частных лиц и организаций. Например, небольшой Таврический санитарный отряд, прибывший в Сербию в ноябре 1912 г. из Симферополя, доставил партию белья, пожертвованного Ялтинским Дамским комитетом в распоряжение княгини Елены Петровны²¹.

По данным российской прессы 23 ноября (6 декабря) 1912 г. княгиня Елена Петровна в сопровождении Т. Ю. Щербачевой выехала из Белгра-

¹⁶ Скорее всего, речь идет о Н. Н. Ермолинском, воспитателе младших сыновей великого князя Константина Константиновича, адъютанте, а затем шталмейстере Двора его императорского высочества.

¹⁷ ГАРФ. Ф.660. Оп.2. Д.753. Л.3,4.

¹⁸ АВПРИ. Ф.151. Политархив. Оп.482. Д.1483. Л.156.

¹⁹ В Скопье в это время находилось три прекрасно оборудованных русских лазарета РОКК.

²⁰ РГВИА. Ф.12651. Оп.1. Д.1477. Л.4

²¹ АВПРИ. Ф.166. Миссия в Белграде. Оп.508/2. Д.55. Л.41 об.

да в Петербург²². На вокзале ее провожали принц Павел²³, все сербские министры с супругами, посланник Н. Г. Гартвиг с супругой и весь состав российской императорской миссии.

Лазарет Елены Петровны остался во Вранье. Снабжением госпиталя после отъезда княгини Елены Петровны занималась А. П. Гартвиг²⁴. Достоверно известно, что этот лазарет функционировал и в период 2-й балканской войны. Он упоминался в письме из канцелярии Общины сестер милосердия Святой Евгении в ГУ РОКК от 7 июля 1913 г. Там шла речь о том, что Контора двора великого князя Константина Константиновича по просьбе княгини Елены Петровны затребовала с Главного склада Красного Креста 200 штук рубах для отправки с транспортом лазарета²⁵. Данные о деятельности этого отряда и его составе не обнаружены. Сербия высоко оценила деятельность своей принцессы. Король Петр в 1913 г. пожаловал княгине Елене Петровне орден «Крест Милосердия»²⁶.

По возвращении в Россию Елена Петровна поступила на курсы сестер милосердия в Кауфманскую общину, а также прослушала специальный курс в военно-медицинской академии Санкт-Петербурга. В письме свекрови, великой княгине Елизавете Маврикиевне, от 1 января 1913 г. княгиня писала: «С 7 января я начинаю брать уроки медицины у доктора из Академии. Меня это радует до безумия, потому что это одна из красивейших и полезнейших наук!»²⁷ Архивные данные прояснили, что с января по май 1913 г. Елене Петровне читал курс по медицине С. А. Писемский, что отражено в расходных книгах конторы князя Иоанна Константиновича. Вскоре эти знания княгине Елене Петровне очень пригодились.

Лазарет Мраморного дворца в Восточной Пруссии (1914)

С началом Первой мировой войны пятеро сыновей великого князя Константина Константиновича ушли в действующую армию. Княгиня Елена Петровна тут же предложила Константиновичам вкладчину снарядить госпиталь в 1-ю армию, куда были назначены князь

²² Новое время. 24 ноября (7 декабря) 1912. С. 4.

²³ Двоюродный брат, сын князя Арсения (младшего брата короля Петра) и княгини Авроры Демидовой Сан-Донато, будущий регент при малолетнем короле Петре II.

²⁴ Из отчета А. П. Гартвиг Тыртову от 27 февраля 1913 г.: послано во Вранье доктору Сиземскому 100 фуфаек вязаных, 100 пар кальсон, 100 пар носков шерстяных (все это было куплено на средства Комитета при императорской миссии) См.: РГВИА. Ф.12651. Оп.1. Д.1506. Л.71.

²⁵ РГВИА. Ф.12651. Оп.1. Д.1516. Л.135-135 об.

²⁶ Орден «Крест Милосердия» был учрежден сербским королем Петром I в 1912 г. за уход за ранеными и больными воинами.

²⁷ ГАРФ. Ф.657 великая княгиня Елизавета Маврикиевна. Оп.1. Д.92. Л.51-51 об.

императорской крови Иоанн Константинович, великий князь Дмитрий Павлович²⁸ и муж княгини Татьяны Константиновны княгини Багратион-Мухранской, князь Константин Александрович Багратион-Мухранский. Княгиня Елена Петровна и великая княгиня Мария Павловна-младшая приняли решение поехать с отрядом сестрами милосердия.

Императрица Александра Федоровна отпустила Марию Павловну с условием, что ее будет сопровождать Н. И. Сергеева²⁹, вдова дипломата. Выбор этой кандидатуры продемонстрировал заботу императрицы не только о великой княгине, но и о Елене Петровне, которая прекрасно знала Наталию Ивановну, чуткую и добрую женщину, еще в те времена, когда ее муж служил посланником в Белграде³⁰.

Приобретение оборудования и медикаментов для лазарета обошлось в 18 000 рублей, а его содержание в течение полугода — 28 000 рублей. В Мраморном дворце вновь открылся Комитет по сбору пожертвований³¹. Великий князь Константин Константинович пожелал передать весь доход от продажи книг «Царя Иудейского» на этот лазарет и нужды семей павших воинов³².

Торжественные проводы в Кауфманской общине и выезд отряда из Петрограда состоялись 16 августа 1914 г. Великая княгиня Елизавета Федоровна, великая княгиня Мария Павловна и князь Владимир Палей пришли проводить великую княгиню Марию Павловну-младшую на вокзал.

По воспоминаниям великой княгини Марии Павловны, их поезд «вез не только необходимые материалы для госпиталя, но и множество оборудования для работы в походных условиях — вагон-лазарет, полевые кухни, котлы, лошадей, палатки. Елена взяла также свой автомобиль»³³.

Санитарный отряд состоял из шести сестер милосердия Кауфманской общины, старшего врача Б. Г. Шарецкого, младшего врача, заведующего хозяйством, представителя Красного Креста и шестнадцати санитаров. Вне штата были зачислены сестрами милосердия великая княгиня Мария Павловна-младшая и княгиня Елена Петровна.

²⁸ Внучатый племянник великого князя Константина Константиновича, внук его сестры — королевы эллинов Ольги Константиновны.

²⁹ Дочь министра финансов в правительстве императора Александра III.

³⁰ 1906–1909 гг.

³¹ Источники финансирования см.: *Сенина М. А. Благотворительность великих князей Константиновичей в период Первой мировой войны. Комитет «Мраморного дворца» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. (119). С. 74–78.*

³² Чистая выручка от продажи книги «Царь Иудейский» к 25 июля 1914 г составила 6908.13 рублей. См.: РГИА. Ф.538. контора великой княгини Елизаветы Маврикиевны. Оп.1. Д.259. Л. 28.

³³ Воспоминания великой княгини Марии Павловны. С. 146.

В Вержбалово³⁴ они прибыли 18 августа, имущество было перегружено и отправлено в Гумбиннен, где, как предполагалось, должен был разместиться лазарет Мраморного дворца. Августейшие сестры милосердия начали поиск подходящих помещений. За этим занятием их застали великий князь Дмитрий Павлович и князь Иоанн Константинович, приехавшие их навестить³⁵.

Организация лазарета в Гумбиннене оказалась невозможной. Тогда решили устроить его в Инстербурге, тем более что там было расквартировано командование 1-й армии.

19 августа персонал походным порядком проследовал из Гумбиннена в Инстербург. Мария Павловна и Елена Петровна в сопровождении Н. И. Сергеевой отправились вперед на автомобиле, чтобы ознакомиться с помещением для лазарета, выделенным командованием. Они успели не только осмотреть здание, но и, в ожидании прибытия персонала, побывать на освящении Владимирского этапного лазарета, расквартированного в Инстербурге. На церемонии также присутствовали великий князь Дмитрий Павлович, князь Иоанн Константинович, генерал Ренненкампф и представители штаба.

Для лазарета Мраморного дворца было выделено довольно просторное трехэтажное здание мужской гимназии, где без труда могло уместиться до 300 кроватей. Здание было довольно грязным. Уборку производили штатные сестры милосердия. Благодаря необычайной энергии сестер, воодушевляемых личным примером великой княгини Марии Павловны и княгини Елены Петровны, лазарет был развернут через 10 часов после соответствующего приказа, и был готов к приему 200 раненых. Первым делом были подготовлены две перевязочные и две операционные.

Оборудование лазарета было самым современным. В первую очередь, заботились об удобстве раненых. Им были отведены лучшие комнаты. Что касается размещения персонала, то оно было более чем скромным. Вот как его описала великая княгиня Мария Павловна: «на первом этаже, где комнаты были меньше, жили мы, используя упаковочные ящики как стулья. В комнате, отведенной мадам Сергеевой и мне, как и в других, был каменный пол и серые залоснившиеся стены. Единственной обстановкой были наши койки и небольшие чемоданы. Мы умывались в школьном туалете в подвале»³⁶.

³⁴ В Ковно, в прифронтовой зоне, был организован распределительный пункт Красного Креста. Через него организации Красного Креста направлялись в Вержбалово, где до 15 августа 1914 г. был расквартирован эвакуационный пункт для раненых, и далее вглубь неприятельской страны за наступающей 1-й армией генерала Ренненкампфа.

³⁵ Воспоминания великой княгини Марии Павловны. М., 2003. С. 148-149.

³⁶ Там же. С. 149.

Лазарет Мраморного дворца работал как эвакуационный пункт: легкораненные перевязывались, кормились и отправлялись на санитарные поезда. Тяжелораненные задерживались в лазарете для проведения необходимых операций и перевязок.

Первые партии раненых, поступавшие с фронта, были голодными и полуодетыми. Красным Крестом были организованы питательные пункты по пути следования больных и раненых воинов. Не осталась в стороне и княгиня Елена Петровна, запросив в комитете Мраморного дворца помощи в скорейшей доставке одежды и белья для пациентов. При лазарете был устроен питательный пункт.

Елене Петровне и Марии Павловне иногда удавалось встретиться с родными и близкими. Великий князь Дмитрий несколько раз навещал сестру в госпитале, иногда в сопровождении командующего армией генерала Ренненкампа. Приезжал и князь Иоанн Константинович, который очень интересовался делами лазарета. Однажды Елена Петровна встретила на улице князя К. А. Багратиона-Мухранского, о чем поспешила сообщить родным в Петербург. Несколько раз Марию Павловну и Елену Петровну приглашали на завтрак в штаб армии.

Казалось, постепенно налаживается повседневная жизнь лазарета. Великая княгиня Мария Павловна позже вспоминала об этих днях: «Мы не имели реального представления о нестабильности нашего положения. Первые дни нашего пребывания в Инстербурге прошли относительно спокойно. Время от времени мы слышали вдалеке приглушенные звуки орудийного обстрела, иногда они приближались, становились более различимыми. Пехотные полки в запыленных сапогах с песнями следовали через город, эскадроны кавалерии, автомобили, обозы постоянно двигались в сторону канонады»³⁷.

23 августа 1914 г. по распоряжению командующего армией началась немедленная эвакуация тех раненых, кто по состоянию здоровья мог перенести транспортировку. Тут же усилился поток больных и раненых воинов из Гумбиннена, Истербурга и других населенных пунктов этого участка фронта в Вержбалово. День и ночь шла разгрузка и перегрузка раненых. Тем из них, кому была нужна срочная перевязка, ее делали на месте.

С 23 по 25 августа персоналу лазарета Мраморного дворца пришлось работать и днем, и ночью. Это были самые тяжелые дни³⁸.

³⁷ Воспоминания великой княгини Марии Павловны. С. 150.

³⁸ До 28 августа 1914 г., то есть за неполные 10 дней, через лазарет прошло свыше 200 раненых, из них 6 офицеров и 64 тяжелораненых. Для лечения последних было произведено 11 хирургических операций. Среди тяжелораненых находились те, кто имел многочисленные поражения различных частей тела с раздроблением конечностей. Перевязки таких больных отнимали много времени и делались сразу несколькими сестрами. Для облегчения их страданий применялся легкий наркоз.

По свидетельству старшего врача лазарета Б. Г. Шарецкого, сестры милосердия лазарета Мраморного дворца отличались поразительной выносливостью, самоотверженностью и необычайной трудоспособностью, а великая княгиня Мария Павловна и княгиня Елена Петровна ничем не отличались от остальных сестер. Наряду с ними работала и состоящая при великой княгине Н. И. Сергеева. Среди штатных сестер милосердия особенно отличилась сестра Раич-Думитрашко, которая организовала питание не только пациентов лазарета, но и многих других, проходивших через Истербург.

26 августа напряжение уменьшилось: раненые стали прибывать в лазарет небольшими группами и даже по одиночке, работа приобрела характер обычного больничного заведения. Но передышка оказалась недолгой. Предоставим опять слово Марии Павловне: «Немцы постепенно стали вытеснять нас со столь быстро захваченных позиций... внезапно поступил приказ отгрузить всех наших тяжелораненых на санитарные обозы и готовиться к отступлению. <...> В тот день, когда мы получили приказ о немедленной эвакуации, Елены в госпитале не было. Она с мужем уехала в тыл армии по делам»³⁹. В этом отрывке речь идет о распоряжении военного командования, поступившего в ночь с 27 на 28 августа 1914 г., к выполнению которого приступили немедленно.

Лазарет был свернут к рассвету 28 августа 1914 г. и персонал походным порядком двинулся в Гумбиннен, где, казалось, все двигалось и работало. Фронт перемещался очень быстро. Вдали уже были слышны орудийные залпы и треск пулеметов. Вскоре после того, как санитарные отряды РОКК покинули этот населенный пункт, там начались пожары: горел склад бензина, водокачка, запасы дров и угля, сделанные жителями города к зиме. На улицах стало невозможно дышать, с обеих сторон горели дома, сыпались искры и горящие головни. Имущество лазарета, несмотря на старания старшего врача Шарецкого и уполномоченного РОКК Геринга, вывезти не удалось. Персонал отряда был эвакуирован без потерь. По данным Б. Г. Шарецкого, переданным в контору великой княгини Елизаветы Маврикиевны, за время нахождения в Восточной Пруссии помощь была оказана 30 офицерам и 300 нижним чинам. Операций было сделано 58⁴⁰.

Вернувшись в Петербург 2 (15) сентября 1914 г., Елена Петровна не оставила дела милосердия. Княгиня организовала в Мраморном дворце склад для подготовки перевязочных материалов для госпиталей, продолжала патронировать приют великой княгини Александры Никола-

³⁹ Воспоминания великой княгини Марии Павловны. С. 158.

⁴⁰ РГИА. Ф.538. Контора великой княгини Елизаветы Маврикиевны. Оп.1. Д.259. Л.135.

евны. Участие княгини Елены Петровны в деле помощи сербским беженцам и военнопленным еще ждет детального изучения.

В сентябре имущество лазарета было вновь восстановлено, и в начале октября отряд отбыл вторично из Петрограда в Ивангород⁴¹ для следования за 1-й гвардейской дивизией⁴². О его дальнейшей деятельности мы почти ничего не знаем. Известно, что в начале 1915 г. передвижной лазарет Мраморного дворца был объединен с эвакуационным транспортом королевы Ольги Константиновны.

Командование 1-й армии высоко оценило труды Марии Павловны и Елены Петровны, представив их к награде. 20 мая (2 июня) 1915 г. последовало его императорского величества соизволение на пожалование ее императорскому высочеству великой княгине Марии Павловне-младшей и ее королевскому высочеству княгине Елене Петровне Георгиевских медалей 4-й степени «за самоотверженную деятельность в качестве сестер милосердия при лазарете Мраморного дворца в Истербурге в августе 1914 г.».

---

⁴¹ 15 (28) сентября наступлением германцев началась Варшавско-Ивангородская операция. Наступление шло в северо-восточном направлении, имея целью Варшаву и крепость Ивангород. 30 сентября (12 октября) немцы дошли до Варшавы и вышли на рубеж реки Вислы. Начались ожесточенные бои, в которых постепенно определилось преимущество русской армии. 7 (20) октября русские начали переходить Вислу, а 14 (27) октября германская армия начала общее отступление. К 26 октября (8 ноября) германские войска, не добившись результатов, отошли на первоначальные позиции.

⁴² РГВИА. Ф.12651. Оп.4. Д.328. Л.190 об., 191.

⁴³ Выписка из статута «О Георгиевской медали»: «Георгиевская медаль установлена для пожалования нижних воинских чинов за проявленные ими в военное или в мирное время подвиги мужества и храбрости. Георгиевская медаль может быть жалуема и лицам, не имеющим воинского звания и даже не принадлежащим к составу армии и флота, но лишь за отличия, оказанные ими в бою против неприятеля.

Георгиевская медаль имеет четыре степени:... четвертая степень: ...серебряная медаль, носимая на груди, на Георгиевской ленте, без банта... Достойны награждения Георгиевской медалью:... кто из фельдшеров или санитаров, находясь в течение всего боя в боевой линии, под сильным и действительным огнем, проявляя необыкновенное самоотвержение, будет оказывать помощь раненым...»
Алешин А. Награды Первой мировой. М., 2010. С. 322, 323.

Удивительное путешествие (малоизвестные страницы истории Международного Красного Креста)

15 мая 1867 г. Государь Император Александр II утвердил Устав Российского общества попечения о раненых и больных воинах. Почетными членами Общества стали император, все великие князья и княгини, многие высокопоставленные светские лица и представители высшего духовенства. Так появился Российский Красный Крест.

Изначально организованный именно для помощи пострадавшим воинам, Красный Крест постепенно расширял сферу своей деятельности, потому что военные действия стали затрагивать все более широкие слои граждан всех сословий и возрастов.

Наш рассказ о деятельности Красного Креста во время той войны, которая происходила уже в «другой» России, в которой не жаловали князей и княгинь, тем более – великих. Это была гражданская война 1918–20-х гг. И о прямом участии в описываемых событиях кого-либо из великих князей нам достоверно не известно. Но именно они стояли у истоков Российского Красного Креста, который является частью международной организации. В нашей истории будут участвовать люди, точно так же бескорыстно и искренне отдававшие свои силы для помощи этой организации, как это делали великие князья и княгини и даже, по мере сил, юные великие княжны. Ими были заложены основы милосердия, благородства и самоотверженного служения делу спасения граждан России, в том числе детей....

...Зима 1918 г. была тяжелой для петроградцев. Смертность резко возросла, чему способствовали голод, холод, антисанитария, отсутствие надлежащей медицинской помощи. Дети страдали в этой ситуации особенно сильно.

К весне 1918 г. стало ясно, что потери будут только возрастать, что и подтвердилось в следующем году. Власти города были встревожены. В наркомпросе рассматривали варианты спасения детей. Красный

Крест, который уже фактически был распущен большевиками, тоже по мере сил продолжал свою деятельность, в том числе попытки позаботиться о детях. Особенно активно в деле спасения маленьких петроградцев участвовал Всероссийский союз городов, который к тому времени уже тоже был формально упразднен¹. Тем не менее, сотрудники всех этих организаций сумели объединить усилия и организовать в ряде населенных пунктов в России и на Украине так называемые летние детские колонии, успешный опыт работы которых был известен в России с конца XIX в. Правда, на этот раз колонии (сегодня мы назвали бы их летними лагерями) получили существенное дополнение к своему названию. Теперь юных петроградцев собирали для поездки в Петроградскую детскую летнюю питательную колонию. Автору уже неоднократно приходилось сталкиваться с ошибочной попыткой редактирования этого названия. Исходя из более поздних ассоциаций, некоторые редакторы пытались совершенно искренне исправить «ошибку» и написать воспитательная колония. Дабы избежать неверного понимания, уточним, что слово колония в те времена означало всего лишь постоянное или временное поселение группы людей, объединенных определенными целями.

Оповещение петроградцев о возможности отправить детей в летние колонии происходило через гимназии, реальные и коммерческие училища, другие учебные заведения. Учителя при этом получали возможность поехать в колонию в качестве воспитателей вместе со своими собственными детьми, а некоторые брали с собой также других членов семьи, которые, как правило, занимали вакансии в штате сотрудников колонии. Таким образом, большинство детей ехали вместе со своими друзьями по школе и в сопровождении знакомых взрослых. Это обстоятельство, наверняка, заставило многих родителей, сомневавшихся в целесообразности и безопасности расставания с детьми на все лето, принять решение в пользу их отправки в колонию.

Плата за содержание и проезд детей состояла в основном из средств Союза городов и взносов родителей. По некоторым воспоминаниям можно сделать вывод о том, что более обеспеченные семьи платили несколько больше, что позволило отправить в колонию также детей из менее обеспеченных семей.

Несмотря на все проблемы с транспортом, удалось организовать два состава санитарных вагонов, на которых дети, о которых пойдет речь, были отправлены двумя группами на Урал, куда «...Областной

¹ Декрет СНК РСФСР от 09.01.1918 о передаче имущества и капиталов учреждений Красного Креста и Всероссийского союза городов в государственную собственность // Законодательство СССР. URL: <http://www.lawmix.ru/sss/19038> (дата обращения: 25.06.2013).

Комитет заблаговременно командировал двух своих представителей в питающие губернии для подыскания помещений под детские колонии и организации таковых на местах. Несмотря на многие препятствия, несколько таких колоний приготовлены, и первый санитарный поезд с 475 детьми отбыл из Петрограда 5/18 мая в Миасс, Оренбургской губ. Второй санитарный поезд с 420 детьми отбыл из Петрограда 12/25 мая в Петропавловск, где организована своя многолюдная колония...

...Проезд в оба конца, содержание, педагогический надзор, медицинская помощь каждого ребенка обходятся в 75 рублей. Для того чтобы убедиться, насколько это дело не только отвечает насущной потребности Петроградского населения, но является действительно спасительным средством для детей, надо было присутствовать при отправке поезда – видеть радостно возбужденные лица детей, размещенных со всеми удобствами в санитарном поезде, и слушать их восторженные и удивленные возгласы за ужином: "Каша!.. С маслом!.." При прощании с родителями из 475 ребят заплакала только одна девочка»².

Итак, в мае 1918 г. дети отправились на восток с Финляндского вокзала. Этому факту не стоит удивляться, так как в городе имеется окружная дорога, выводящая на восточное направление, а формировать состав было удобнее здесь, в менее загруженном транспортом месте. Для нашей истории эта, на первый взгляд, несущественная деталь, будет иметь большое значение.

Когда поезд с детьми прибыл на ближайшую к Челябинску станцию, выяснилось, что в этом районе уже ведутся боевые действия и ситуация контролируется войсками так называемого Чехословацкого легиона. Сегодня мы уже многое знаем о Чехословацком мятеже, о генерале Гайде, обо всех сложных событиях, предшествовавших гражданской войне в России. В тот момент ни воспитатели, ни, тем более, ребята понятия не имели обо всем этом и были крайне удивлены и встревожены, когда поезд остановился буквально в чистом поле и в вагоны вошли солдаты в странной форме, говорившие между собой на непонятном языке.

Тем не менее, ничего страшного не случилось. Каким-то способом, не без участия этнического чеха-воспитателя, который в буквальном смысле нашел общий язык со странными военными, удалось договориться о том, что детей пропустят к месту назначения. Вскоре прибывшие первым составом колонисты (а именно так называли себя члены Петроградской детской питательной колонии) благополучно разместились в предназначенном для них здании в небольшом городке Миассе.

² Издание Петроградской обл. организации Всерос. Союза городов. 1918. Апр.–июнь № 6-7.

Вторая группа добралась до Урала неделю спустя. Их путь лежал в другие места. Для них были подготовлены помещения в городе Петропавловске Акмолинской губернии (сейчас Казахстан). Однако на подъезде к Екатеринбургскому поезду остановился. Дальше пути не было. Пока решали что делать, вели переговоры с местными властями, кто-то из молодых воспитателей собрал группу колонистов и повел их в город, в небольшой частный краеведческий музей. По дороге проходили мимо большого двухэтажного дома, окруженного высоким сплошным забором. Несколько вооруженных солдат следили за тем, чтобы никто не подходил к забору ближе, чем на 15–20 шагов и грубо кричали на тех, кто пытался приблизиться. «Неожиданно калитка открылась. Еще один солдат выходил из двора. В это время кто-то из колонистов успел заглянуть внутрь, и вдруг все услышали удивленное: «Смотрите, Царь!» Тут же один из солдат вскинул винтовку и закричал: «А ну, проходите быстрее!» «Царь, Царь!», — пронеслось по цепочке уже шепотом. Те, кто успели еще бросить взгляд через приоткрытую калитку, увидели фигуру невысокого мужчины в военной форме без погон, входящего в дом, о котором сегодня знают все, хотя его больше не существует — дом купца Ипатьева... Мог ли кто-нибудь из них предположить тогда, что пройдет совсем немного времени, всего лишь 39 дней, и выяснится, что они были одними из последних людей, которые видели Николая Романова еще живым...»³ Вскоре удалось договориться с местными властями о том, что детям предоставят помещение бывшего санатория в поселке Курьи, расположенном в живописном месте высоко над рекой Пышма.

Обе колонии (а они так и назывались — Первая и Вторая) стали жить среди прекрасной природы Урала, знакомиться с местными достопримечательностями, познавать мир и просто радоваться летнему отдыху и сравнительно сытным обедам.

Но так продолжалось недолго. Вскоре обеды стали более скудными, а обстановка вокруг более тревожной. Ребята начали становиться свидетелями ужасных сцен. Колонист Юрий Заводчиков, которому было тогда всего пятнадцать лет, навсегда запомнил одну из них. Вот что позже писал он в своих воспоминаниях:

«Однажды летним солнечным вечером мимо нашей казармы, находившейся на самой окраине города, у леса, проходила группа изможденных полураздетых людей, окруженных со всех сторон вооруженной охраной. То были «красные», попавшие в руки «белых».

³ Молкина О. И. Над нами Красный Крест. СПб, 2007. С. 79. Данное событие описывается на основании устных воспоминаний бывших колонистов, с которыми автор статьи была лично знакома, в частности, на основе аудиозаписи воспоминаний двоюродной бабушки автора Евгении Копосовой (Семейный архив автора, запись 2000 г.).

Один из них, совсем молодой парень, едва плелся позади всех. И вот солдат-охранник с силой ударил его прикладом винтовки в спину. От этого неожиданного толчка все тело изогнулось волной, и он, с трудом удерживаясь на ногах, с ужасом смотрел на своих мучителей...

Всю эту группу подвели к опушке леса и, окружив кольцом охраны, накинули петли на шеи и тут же повесили на сучьях деревьев на виду у всех...

И несколько дней из своих окон мы видели качающиеся на ветру почерневшие трупы... И несколько дней там толпились местные бородатые крестьяне. Они тихо переговаривались между собой и что-то обдумывали.

И долго еще были слышны там вопли и причитания несчастных жен и матерей...»⁴

Вскоре среди колонистов поползли тревожные слухи. А потом воспитатели собрали старших ребят и сообщили, что ехать назад, в Петроград в конце августа они не смогут. Железная дорога контролировалась воюющими сторонами, и путь мог быть небезопасным. Да и найти подходящий состав, чтобы вывезти такое количество народа, было практически невозможно. Нужно было готовиться к зиме.

К счастью, местные благотворители не остались в стороне и хотя бы обеспечили ребят теплой одеждой. Зима на Урале наступает рано и обычно бывает очень холодной, а с собой у ребят была только летняя одежда. Уже к концу лета обстановка вынудила воспитателей позаботиться о передислокации колоний. Ребят разбили на небольшие группы и они были отправлены в разные населенные пункты как на Урале, так и дальше, в Сибири. Так, часть ребят оказалась в том самом Петропавловске, в который не удалось проехать в начале июня. Отправился туда и Юрий Заводчиков, который уже насмотрелся ужасов гражданской войны в Миассе и быстро повзрослел, как и его товарищи. Часть ребят попала в город Троицк, где их поселили на территории женского монастыря (рис. 1). Туда попала и Ольга Копосова со своей сестрой Евгенией и многие их подруги по Ивановскому девичьему училищу Императорского Человеколюбивого Общества. В других городах и станицах тоже оказались отдельные группы петроградцев (рис. 2).

Несмотря на все трудности с деньгами и продовольствием, ребят удалось отправить учиться в местные гимназии и училища. Казалось, все было относительно нормально. Большинство детей были здоровы, воспитатели старались заботиться о них. Но практически никакой связи с Петроградом не было. Почта почти не работала.

⁴ Ю. Н. Заводчиков. Неопубликованные воспоминания. Семейный архив автора.

Однако какие-то скудные сведения о ситуации в колониях доходили до родителей. Родительский комитет избрал трех делегатов и поручил им добиться разрешения на проезд через линию фронта на Урал, чтобы на месте разобраться с тем, как можно помочь детям, а если получится, то привезти их всех обратно, в Петроград.

Поездка делегатов — это особая история, требующая отдельного рассказа⁵. Главное, что двоим из них — В. Л. Альбрехту и И. П. Пржеветскому, а также сопровождавшему их представителю Шведского Красного Креста пастору Сарве удалось встретиться с детьми, привезти колонистам письма от родных. К сожалению, речи о том, чтобы забрать детей и вернуться с ними вместе домой, не было. Однако сегодня нам известно, что делегатам удалось договориться о главном — о том, кто возьмет на себя ответственность за колонистов и попытается, по крайней мере, создать для них приемлемые условия, пока не будет решен вопрос о возвращении. Но до поры до времени переговоры делегатов с будущими спасителями оставались покрытыми тайной. Никто не знал, что будет с ними дальше и сколько еще они смогут продержаться за счет добрых людей и местных благотворительных организаций.

Спасение пришло в образе людей в необычной форме, говоривших на плохом русском языке. Это были представители Американского Красного Креста.

Штаб-квартира Американского Красного Креста (АКК) располагалась в это время во Владивостоке как часть Американской Сибирской Миссии, руководимой генералом Вильямом Гревсом. Начальником АКК был молодой журналист из Гонолулу Райли Аллен (Riley Allen). Узнав о том, что где-то на Урале были обнаружены группы плохо одетых и не слишком цветущих на вид детей, явно не местных жителей, он отправил туда своих эмиссаров, чтобы выяснить ситуацию и принять какие-то меры. В конце концов, это было одной из задач Красного Креста — оказывать помощь всем пострадавшим в ходе войн и вооруженных конфликтов. Кому же помогать в первую очередь, как не детям?

Так в колониях появились американцы, а вместе с ними и русские, сотрудничавшие с АКК. Среди последних оказался российский подданный британского происхождения Альфред Альфредович Сван с молодой женой Екатериной (урожденной Резвой). Впоследствии А. Сван стал Альфредом Джулиусом Сваном (Alfred J. Swan) — известным американским музыковедом, композитором и педагогом⁶.

⁵ См. Селиверстова Е. В., Удалова Е. Г. Семья Альбрехт и Детская питательная колония (1918–1921 годы) // История Петербурга. №2 (66) 2012. С. 35.

⁶ См. Молкина О. И. Лебедь, перелетевший через океан. Памяти американского музыковеда — петербуржца Альфреда Свана (1890–1970) // История Петербурга №3 (55) 2010. С. 48.

С тех пор жизнь колонистов переменилась. Американцы взяли на себя многие заботы, сняв непосильную тяжесть ответственности с измотанных воспитателей, в основном женщин, которые уже с трудом справлялись со своими обязанностями. Некоторые к тому времени по разным причинам покинули колонию, но таких было мало. В основном сотрудники колонии были верны своему долгу, но мало что могли сделать.

Американцы приехали не с пустыми руками. Они привезли материю для пошива одежды, предметы гигиены, медикаменты, тетради и карандаши, игрушки для малышей. Жизнь стала легче, хотя ради этого пришлось пожертвовать некоторой свободой, которая для многих колонистов, особенно мальчишек, стала уже явно опасно излишней. Американцы наладили дисциплину и строго следили за порядком.

Прошел год. Летом 1919 г. всех ребят собрали на одной станции и тремя составами под охраной американских солдат отправили по Транссибирской магистрали и КВЖД во Владивосток⁷ (рис. 3, 4).

Еще год ребятам предстояло прожить в этом городе — на станции Вторая Речка и на знаменитом сегодня острове Русский, где до сих пор сохранились стены бывших казарм, в которых разместили тогда ребят.

Целый год прожили на полном обеспечении АКК несколько сотен детей и их воспитатели. Даже по тем временам это стоило огромных денег. Но не только материально поддерживали колонистов американцы. Райли Аллен и его сотрудники стали по-настоящему близкими людьми и добрыми друзьями для детей, которые уже столько месяцев ничего не знали о своих родных в Петрограде.

Когда в апреле 1920 г. во Владивосток вошли японские войска, Американская Миссия и АКК начали срочно сворачивать дела и готовиться к возвращению домой, в США. Перед Райли Алленом встала, казалось, неразрешимая задача. Еще недавно он был почти уверен, что сумеет, наконец, выполнить свое обещание, которое взяли с него дети, и отправить их домой, к родителям тем же путем, что они прибыли сюда — по железной дороге. По некоторым сведениям были уже даже готовы составы и была договоренность о сопровождении и охране детей во время долгого пути. Но все рухнуло в один миг. Просто погрузиться на корабль и отправиться домой означало бросить этих ребят, безоговорочно доверявших ему, на произвол судьбы. Русские воспитатели не справились бы с ними, оставшись без средств к существованию и поддержки. Будущее этих детей могло бы быть очень печальным.

После нескольких бессонных ночей и переговоров со многими людьми, облеченными властью, Аллен понял, что рассчитывать не на что.

⁷ Ю. Н. Заводчиков. Неопубликованные воспоминания. Семейный архив автора.

Надо было принимать решение. И он объявил своим сотрудникам, что везет петроградских колонистов в Петроград морским путем. Эта идея показалась всем фантастической и невыполнимой. Обстановка в тихоокеанских портах России была такая, что даже мечтать о предоставлении какой-то страной подходящего для перевозки детей судна было невозможно. Ни американцы, ни англичане, ни русские слушать не хотели о каких-то детях, потому что толпы народу рвались любым путем покинуть Россию, понимая, что у них нет больше будущего в этой стране.

Как ни странно, на помощь пришли японцы. Отношения с Японией отнюдь не были хорошими ни у США, ни, тем более, у России даже до вторжения японских войск во Владивосток. Но случилось так, что бывший начальник Красного Креста, передавший Аллену в 1919 г. свои полномочия, доктор Тьюслер в это время работал в Японии. Ему удалось договориться с японской компанией «Катцуда» о фрахте сухогруза с красивым названием «Йомей Мару»⁸. На нем колонистам вместе с сотрудниками Красного Креста предстояло отправиться в удивительное путешествие через два океана, чтобы, в конце концов, вернуться через Европу в родной Петроград (рис. 5).

Переоборудование судна, чтобы оно могло отвечать хотя бы минимальным требованиям для перевозки пассажиров, удалось сделать в рекордно короткий срок. 13 июля 1920 г. «Йомей Мару» с юными пассажирами на борту покинула Владивосток под громкие проклятья толпы, давно уже тщетно пытавшейся уехать из страны⁹. Японский и американский флаги, а также огромный красный крест на трубе были отличительными знаками этого удивительного судна.

Несмотря на политические разногласия и недобрые воспоминания о событиях 1905 г., японцы не стали распространять свою неприязнь к русским на детей. Когда судно зашло в порт Муроран (о. Хоккайдо) для решения некоторых технических задач, всем детям разрешили сойти на берег. Для них была организована встреча в местной школе. Маленькие японцы подготовили концерт для гостей из России, а русские девочки в ответ с удовольствием спели несколько народных песен. Гостинцы и сувениры, открытки с видами Хоккайдо, местные сладости — чего только не надарили колонистам японцы, которые сами в те времена жили далеко не богато. Уже в наше время, в 2011 г., одна из местных жительниц вспомнила рассказ своей бабушки, которая была среди тех японских детей, которые встречали колонистов в Муроране¹⁰. Бабушка

⁸ Katsuda steamship Co.LTD / Kobe, Japan. Time charter 01.06.1920. American National Archives.

⁹ Ю. Н. Заводчиков. Неопубликованные воспоминания. Семейный архив автора.

¹⁰ Местная жительница сама позвонила организаторам выступлений автора в школе «Nanzan» в г. Нагоя и рассказала эту историю.

рассказывала, что узнав о встрече с русскими детьми, которые целых два года не видели своих родителей, все захотели им что-то подарить или чем-то угостить. Но у их семьи совсем ничего не было, кроме нескольких печеных картофелин. И бабушка долго думала, прилично ли преподнести кому-то такой простой гостинец...

Можно много рассказывать, основываясь на воспоминаниях и дневниках участников событий, а также на записях в судовом журнале, о том, как проходило морское путешествие этого «ковчега детей». Впечатлений хватило этим детям на всю оставшуюся жизнь.

Наконец, судно прибыло в Сан-Франциско, где ребят встречали как самых дорогих гостей. Больше недели провели они в форте Скотт (Scott). Встречи с местными жителями, в основном русскими и украинцами по происхождению, концерты, экскурсии, масса впечатлений и горы гостинцев и подарков. Обо всем этом всегда с восторгом и благодарностью вспоминали бывшие колонисты.

Покинув гостеприимный Сан-Франциско, судно взяло курс на Панаму. Панамский канал с его шлюзами и жители Панамы, завалившие детей фруктами, мороженым и подарками, все это тоже навсегда врезалось в память и осталось запечатленным на сохранившихся фотографиях.

И вот они уже в Атлантическом океане и не по глобусу и картинкам в учебниках изучают географию мира, а на собственном опыте убеждаются в огромности мира и мощи стихии.

Нью-Йорк встречал детский корабль с не меньшим восторгом, чем Сан-Франциско и Панама (рис. 6). В казармах форта Водсворт (Wadsworth) прошли еще несколько насыщенных встречами и впечатлениями дней. Газеты, особенно русскоязычные, пестрели заметками и фотографиями, рассказывающими об удивительных путешественниках и их приключениях и проблемах. Сам президент Вудро Вильсон написал приветственное письмо в их адрес, и каждый ребенок получил его копию вместе с фотографией президента, подписанной им самим и его женой¹¹. Поток подарков и гостинцев не прекращался и здесь вместе с искренними и совершенно серьезными приглашениями остаться в Америке в качестве усыновленных детей. Как бы заманчивы ни были все эти предложения, практически никто не откликнулся на них — все жили мечтой о возвращении на родину, домой, к родным. Нам известно по многим воспоминаниям и документам, что это стремление было обусловлено не только естественной детской тоской по дому и родителям, но и вполне искренними патриотическими чувствами и убеждениями,

¹¹ Письмо было найдено автором в Американском Национальном Архиве (American National Archives).

что создало немало проблем и привело к ряду серьезных конфликтов как внутри колонии, так и в политических кругах.

Но все хорошо, что хорошо кончается. Подходило к концу и это удивительное путешествие. В сентябре 1920 г. корабль «Йомей Мару», ставший уже почти родным домом для колонистов, бросил якорь у берегов Балтики, в финском порту Койвисто (сейчас г. Приморск Ленинградской области). В последний раз собрались на палубе колонисты и вся японская команда, члены которой, в основном молодые люди, часто конфликтовали с этими непонятными русскими, но сейчас искренне грустили при прощании. Капитан «Йомей Мару» Мотодзи Каяхара, которому тоже нелегко было справляться с оравой непослушных подростков, произнес прочувствованную речь. В последний раз колонисты сошли на берег в обычном порядке номеров, с начала путешествия присвоенных каждому колонисту, что позволило не потеряться ни одному ребенку. В последний раз смотрели они на волшебный корабль, который, как в сказке, приплыл два месяца назад для их спасения.

Но, хотя земля, на которой они теперь находились, была еще два года назад частью России, да и нынешняя — уже Советская Россия была совсем рядом, до встречи с родным городом было еще далеко.

Финляндия встречала путешественников совсем не так приветливо, как это было в Японии и США. Финны, хотя и получившие столь желанную самостоятельность, все еще жили старыми счётами с Российской империей, распространяя свои неприязненные чувства и на граждан новой России, не делая скидок на их возраст и обстоятельства, приведшие их на финскую землю. Однако долгие переговоры и дипломатические способности представителей Красного Креста, в конце концов, привели к тому, что в распоряжение колонии был предоставлен бывший Императорский санаторий в Халила (теперь это санаторий «Сосновый Бор»). Помещения санатория пустовали, но сохранялись аккуратными финнами в идеальном состоянии. От греха подальше администрация санатория распорядилась убрать всю дорогую мебель из помещений, которые срочно оборудовали койками для колонистов — им предстояло прожить здесь еще какое-то время, пока Райли Аллен не получит письма от каждой семьи, из которых узнает, что ребенка встретят в Петрограде и он не окажется без крыши над головой и присмотра родных. Все письма туда и обратно шли в то время через Ревель (Таллинн) — с Эстонией у США были дипломатические отношения. Вся эта переписка и подготовка к переправке детей через границу заняла много времени. Отправляли ребят группами по мере получения уведомлений от родителей. Последняя группа пересекла пограничную реку Сестру в районе нынешнего Белоострова в первых числах января 1921 г. (рис. 7).

Из Белоострова поезд привозил колонистов на тот же самый Финляндский вокзал, с которого они отправились почти два с половиной года назад на летние каникулы и не могли даже представить себе, какие приключения ожидали их. Отправившись на восток и проехав более 10 тысяч километров через всю огромную страну, преодолев более 20 тысяч километров по морю, они вернулись с запада, и это было самое настоящее кругосветное путешествие.

В Петрограде началась новая жизнь. Многие продолжили учебу, некоторые вынуждены были пойти зарабатывать деньги. Пригодились навыки, полученные в мастерских и на курсах, организованных во Владивостоке Американским Красным Крестом. В первое время часто встречались с друзьями-колонистами. Были и романтические отношения. Несколько пар создали семьи. Произошло это и с колонистами Юрием Заводчиковым и Ольгой Копосовой. В 1929 г. у них родилась дочь Валерия, а в 1954 г. — внучка Ольга — автор этих строк. Потом жизнь разбросала многих по разным местам, в том числе и тем самым «отдаленным», а кого-то и вовсе судьба не пощадила и они пали жертвами собственной неосторожности, упомянув где не следовало о своих детских приключениях. Тем не менее, даже после ужасной войны, тоже унесшей жизни колонистов, часть из них получили возможность вновь встретиться уже через полвека после возвращения на родину. В начале семидесятых один из сотрудников АКК Бёрл Брэмхолл (Burl Bramhall), бывший в колонии менеджером, приехал в Ленинград и решил найти своих подопечных. Он выбрал подходящий момент, так как именно в это время на волне разрядки напряженности в отношениях между СССР и США история спасения русских детей недавним врагом — Америкой прозвучала очень символично. С помощью газет и радио удалось собрать старых друзей, которые уже сами были бабушками и дедушками. Встречи бывших колонистов стали происходить регулярно. Музей Истории города и Музей Революции (сейчас ГМПИР) предоставляли свои помещения для этих собраний. А однажды всех своих друзей пригласил встретиться в зале Оперной студии Ленинградской Консерватории самый известный колонист — Леонид Яковсон. Маленький Лёня Яковсон, которого любили все девочки и называли «красавчиком», и который уже в колонии очень любил танцевать, стал одним из великих балетмейстеров XX в.

Именно в этот период удалось собрать многие материалы из семейных архивов, получить некоторые документы из американских архивов. Многие бывшие колонисты согласились написать свои воспоминания или обнародовать дневники. Новый этап колонистской жизни продолжался до начала XXI в., когда ушли последние из колонистов. Но вместе

с ними не исчезла память. Дети и внуки многих участников событий стараются сберечь эту память, находят все новые свидетельства, документы, фотографии.

В последнее десятилетие стихийно возник семейный проект «Над нами Красный Крест», в рамках которого была издана книга, создана передвижная выставка, которая уже проехала по многим пунктам маршрута колонистов. Происходят встречи потомков. Один из них, Г. В. Драпкин создал специальный сайт¹², на котором собираются все основные новости о проекте и о новых находках. К проекту присоединились главы и сотрудники Генеральных консульств США и Японии в Петербурге, Комитет внешних связей правительства Санкт-Петербурга, Петербургское отделение Российского Красного Креста, петербургские музеи, в частности Центральный музей железнодорожного транспорта МПС России, журнал «История Петербурга». Основная деятельность происходит в постоянном партнерстве с детской библиотекой истории и культуры Петербурга (филиал № 2 ЦГДБ им. А. С. Пушкина).

Японские коллеги проявили большой интерес к теме, о которой они раньше практически ничего не знали. Благодаря энтузиазму японской художницы Китамура Нан-Ен, удалось найти следы капитана Каяхары, его родных и его могилу. Оказалось, что капитан еще до путешествия с Русскими детьми был волонтером Красного Креста, а вернувшись из путешествия, написал воспоминания, в которых тепло отзывался о русских детях, несмотря на то, что они сумели испортить ему много нервов своими опасными шалостями на борту.

Проект международной солидарности «Над нами Красный Крест» живет благодаря многим равнодушным людям в разных странах. Мы продолжаем исследования, стремясь заполнить «белые пятна», которых еще много в этой непростой истории.

Все описанные события — часть истории семьи автора, но случились они на фоне и в контексте драматических событий, происходивших в нашей стране и повлиявших на судьбы всего мира. Сегодня особенно актуально вспомнить об отношении к русским детям, попавшим в беду, людей самых разных национальностей, вероисповеданий и убеждений, в особенности американцев, для которых гуманитарные задачи и судьбы конкретных детей стояли выше всех политических разногласий и которые всегда оставались в памяти колонистов спасителями и друзьями. Периодически насаждаемые в обществе антиамериканские настроения связаны в том числе и с тем, что мы так мало знаем об истории взаимоотношений наших стран на гуманитарном фронте, о том, как

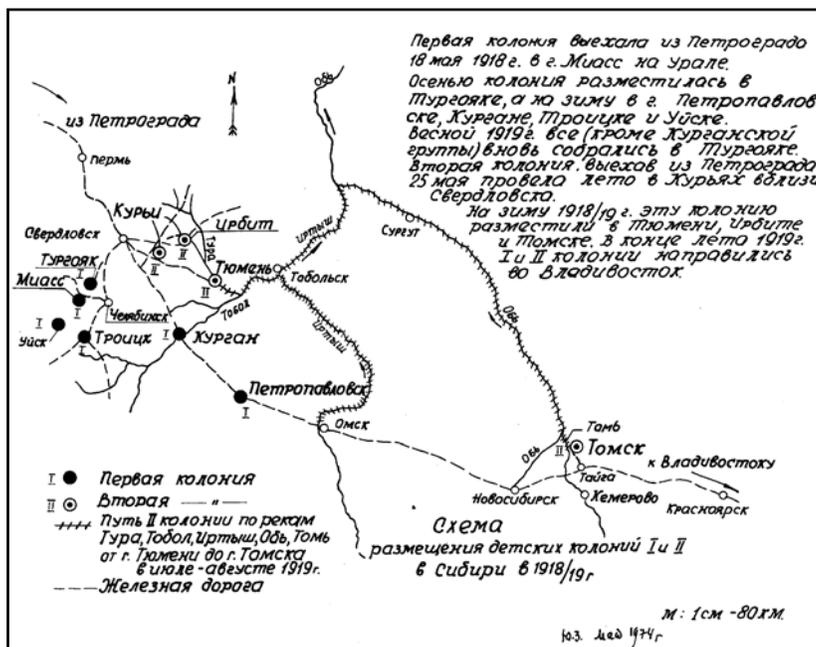
¹² Кругосветное путешествие петроградских детей в 1918–1920 гг. URL: <http://www.colonia.spb.ru> (дата обращения: 01.07.2013).

подвижническая деятельность отдельных американских граждан и организаций отражалась и отражается на судьбах наших людей, и особенно детей. Цель нашего проекта — сделать эту историю достоянием как можно большего числа людей во всем мире.

* Иллюстрации из коллекции Библиотеки Конгресса США и из семейных архивов колонистов и сотрудников Петроградской детской питательной колонии.

1. Группа колонистов в г. Троицке Челябинской области. Зима 1919 г.

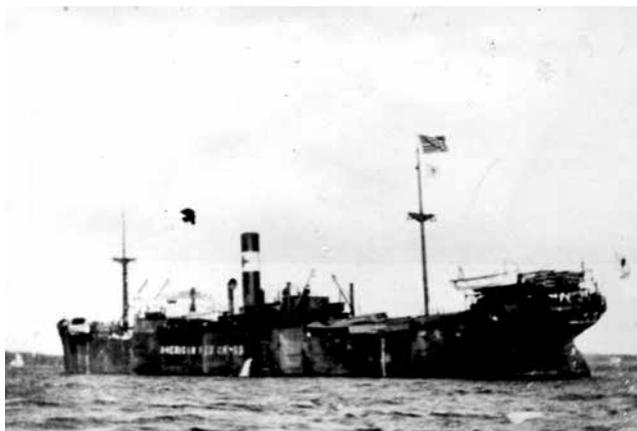
2. Карта расположения колоний, составленная Ю. Н. Заводчиковым на основе собственных воспоминаний и воспоминаний других колонистов.

3. По Великому сибирскому пути — во Владивосток. Август 1920 г.

4. Начальник Петроградской детской колонии Райли Аллен (справа) и менеджер Американского Красного Креста Бёрл Бремхолл с русскими детьми в Сибири. 1920(?) г.

5. Японский сухогруз «Йомей Мару» в порту Владивостока. Июль 1920 г.

6. «Йомей Мару» в порту Нью-Йорка. Сентябрь 1920 г.

*7. Очередная группа колонистов переходит Советско-Финскую границу.
Зима 1920 г.*

Художник С. С. Соломко — паж двора великого князя Константина Николаевича и великого князя Константина Константиновича

Во второй половине XIX – начале XX столетий в России работало несколько издательств, в основу книгоиздательской политики которых был положен принцип выпуска роскошно оформленных книг. Среди них — такие известные предприятия как издательства А. Ф. Маркса, М. О. Вольфа и А. Ф. Девриена, Экспедиция заготовления государственных бумаг, издательство картографического заведения А. Ильина. Именно они создавали изысканно оформленные, ярко, интересно и нестандартно иллюстрированные книги. По своей тематике, прежде всего, это были произведения русской классики, разнообразная детская литература, сочинения по истории и учебные пособия. Подарочные и дорогие подносные издания выпускали и сторонники дешевой доступной книги И. Д. Сытин и А. С. Суворин.

В это время в области книжной графики с издательствами сотрудничали выдающиеся исторические живописцы: В. М. и А. М. Васнецовы, М. В. Нестеров, А. П. Рябушкин, И. Е. Репин, Ф. А. Рубо, К. В. Лебедев, Н. С. Самокиш и Е. П. Самокиш-Судковская, Н. К. Рерих, Д. С. Стеллецкий, А. Н. Бенуа, Е. Е. Лансере, В. А. Серов, Е. М. Бём, Б. В. Зворыкин¹.

Листая томики со стихами и поэмами А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, с прозой Н. В. Гоголя, нельзя не прийти к мысли о том, что практически все самые известные русские художники сочли необходимым проиллюстрировать их произведения: сказки, поэмы, повести, пьесы.

¹ О творчестве некоторых, малоизвестных широкой публике, художников «Московский журнал» рассказывал на своих страницах. Например, см.: Аксенова Г. В. «Такой русский талант». О художнике Андрее Петровиче Рябушкине (1861–1904) // Московский журнал, 2011. № 9. – С. 84–97; Аксенова Г. В. «Черныши» Елизаветы Бём // Московский журнал, 2006. № 4. С. 59–64; Аксенова Г. В. «Приверженец и творец русского стиля»: О художнике Борисе Васильевиче Зворыкине (1872 – после 1935) // Московский журнал, 2012. № 8. С. 76–86; Аксенова Г. В. Зворыкин-охотник: Новые данные о художнике Борисе Васильевиче Зворыкине (1872–1945) // Московский журнал, 2012. № 9. С. 90–97. О К. В. Лебедеве см.: Аксенова Г. В. «Непревзойденный рассказчик» // Московский журнал, 2004. № 6. С. 29–32.

Самыми известными иллюстраторами сказок Пушкина стали В. М. Васнецов, И. Я. Билибин и Б. В. Зворыкин. Лермонтовскую «Песнь о купце Калашникове» украсили своими рисунками И. Я. Билибин и М. В. Нестеров. Благодаря иллюстрациям к «Ревизору» и «Мертвым душам» прославились такие художники-графики как А. А. Агин и П. М. Боклевский.

К сказкам А. С. Пушкина, к «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова и «Мертвым душам» Н. В. Гоголя, обратился и один из интереснейших русских графиков — Сергей Сергеевич Соломко, работавший на рубеже XIX–XX вв. Его, мыслившего просто и неординарно, не раз обвиняли в «салонном изяществе», в «галантерейном реализме», «в потрафлении вкусам толпы», в «пошлости и вульгарности»². Более снисходительным в своих оценках творчества С. С. Соломко оказался художник и искусствовед И. Э. Грабарь. Он назвал его «генералом от символистики, декадентства и мистицизма»³. (рис. 1)

Увидев хотя бы однажды иллюстрации С. С. Соломко к произведениям русских классиков или к мифам народов мира, невольно задаешься вопросом, кто этот художник, откуда родом?

Все имеющиеся очерки жизни и деятельности художника Сергея Соломко похожи друг на друга. В них чаще всего дается только общая, довольно краткая, характеристика его графического наследия и рассказывается о заслугах в области создания художественной почтовой открытки⁴. Из биографических данных приводятся только самые общие сведения о родителях и о его последних днях жизни в эмиграции. О поисках, а тем более разысканиях в архивах речь не идет⁵. А ведь представители семьи, членом которой был художник С. С. Соломко, сыграли заметную роль в истории России, став участниками важных событий. И это не могло не сказаться на формировании взглядов художника, ставшего, по мнению исследователей, ярким представителем журнальной графики, оригинальным создателем исторических аллегорий и историческим стилизатором, «представившим мир грез, фантастических поверий и преданий русской старины»⁶.

Сергей Сергеевич Соломко (1867–1928) — замечательный рисовальщик и мастер акварельной живописи. Он родился в Санкт-Петербурге 10 августа 1867 г. в семье «православных и первообранных» полковника

² См.: Шестимиров А. Сергей Соломко, генерал от декадентства // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. М., 2003. № 1–2 (5). С. 120–125.

³ Цит. по: Шестимиров А. Указ. соч.

⁴ Каталог почтовых карточек. Сергей Соломко / Под общей редакцией В. Б. Загорского. СПб., 2005.

⁵ Лейкинц О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я. Художники Русского Зарубежья 1917–1939: (Биографический словарь). СПб., 1999. С. 533–534.

⁶ Медведев Ю. М. О художнике Соломко // Киевские ведьмы: Т. 4: Фантастические повести первой трети XIX века. М., 1996. С. 553; Шестимиров А. Указ. соч.

Сергея Афанасьевича Соломко, дослужившегося в последствии до чина генерал-майора, и Ольги Фавстовны (урожд. Занадворовой). Крестили младенца 12 сентября в Исаакиевском соборе Санкт-Петербурга, а в числе восприемников были: «тайный советник Иван Демьянов Булычев и жена губернского секретаря Екатерина Александровна Занадворова, генерал-вагенмейстер Главного штаба его Императорского Величества генерал-лейтенант Афанасий Данилович Соломко и дочь губернского секретаря Анна Фавстовна Занадворова»⁷, т.е. его дед, бабушка и сестра матери.

О родителях Сергея Соломко известно не так много, но в результате уже самых первых поисков в библиотеках, музеях и архивах удалось уточнить ряд фактов, связанных как с историей рода и членов семьи Соломко, так и некоторые факты биографии художника.

Сергей Сергеевич Соломко по мужской линии происходил из потомственных дворян Черниговской губернии, имевших родовое имение в Кролевецком уезде. Он был представителем семьи потомственных военных. Его дед Афанасий Данилович Соломко (1788–1872), начав военную карьеру подпоручиком артиллерии⁸, завершил ее в чине генерал-вагенмейстера Главного штаба⁹. Как специалист по крепостным и полевым орудиям он в 1807 г. был командирован в распоряжение Дюка-де-Ришелье, командовавшего войсками, расположенными в Крыму. Главная задача командирования заключалась в обучении артиллеристов Константиновской и Александровской батарей, проведении съемки южного берега Крыма, начиная от Балаклавы до города Феодосии, и «предоставлении соображений об укреплении этой части полуострова против возможной высадки неприятельских войск». С чем молодой офицер успешно справился¹⁰. (рис. 2)

Взлет в служебной карьере А. Д. Соломко начался в годы Заграничного похода русской армии 1813–1815 гг. Его востребовали «в 1814 г. 17 сентября по высочайшему повелению» в Вену во время конгресса, и он «находился там до 13 мая 1815 г.»¹¹ в должности обер-квартирмей-

⁷ См.: Дело Канцелярии Императорской Академии художеств: Соломко Сергей Сергеевич // РГИА. Ф.789 (Императорская Академия художеств). Оп.11: 1887. Ед.158. Л.2.

⁸ См.: Краткий очерк деятельности вагенмейстера Главного штаба императора Александра Павловича Афанасия Даниловича Соломко // Документы, относящиеся к последним месяцам жизни и кончине в Бозе почивающего государя императора Александра Павловича, оставшиеся после смерти генерал-вагенмейстера Главного штаба Афанасия Даниловича Соломко, состоявшего при особе государя безотлучно 11 лет — с 1814 по 1825 гг., и несколько писем, относящихся к похоронам в Бозе почивающей императрицы Елизаветы Алексеевны. СПб., 1910. С. 6.

⁹ Генерал-вагенмейстер (от нем. Wagen — повозка и нем. Meister — мастер, специалист) — должность и звание в 1716–1864 гг., начальник обозов армии. Имел ранг подполковника (VII кл. «Табели о рангах» 1722 г. и Устава о службе гражданской 1832 г.). Об этом воинском звании подробно см.: Устав воинский о должности генералов-фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов. М., 1804; Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1891. Т. 5; *Кирилов И. К.* Цветущее состояние всероссийского государства. М., 1977.

¹⁰ Краткий очерк деятельности вагенмейстера... С. 6.

стера главной квартиры, подчиняясь флигель-адъютанту полковнику П. И. Брозину. Среди первых венских поручений, позволивших оценить профессиональные достоинства молодого военного, было «составление разных проектов для передвижения войск, маршрутов для их следования и черчение планов для представления государю». Затем — присутствие у императора «при докладах о передвижении войск вообще»¹². После завершения работы Венского конгресса в ведение А. Д. Соломко передали «все вояжные экипажи» государя. С последнего названного события начинается «неотлучная» служба при Александре I. Афанасий Соломко, «осчастливленный особым доверием»¹³, сопровождал императора Александра I во всех его поездках с 1815 до 1825 гг. «Порядок следования государя Александра Павловича и лиц его свиты во всех путешествиях его по Европе и внутри империи был следующий: № I коляска императора, № II коляска полк. Соломко, № III коляска метр-д-Отель, № IV коляска лейб-медика Вилие, № V коляска князя П. М. Волконского и № VI запасная коляска»¹⁴.

С 1 сентября 1825 г. А. Д. Соломко неотлучно «находился в путешествии с его величеством в Таганрог, оттуда в Новочеркасск и через Мариуполь, Нагайск, Перекоп и Симферополь, по южному берегу Крымского полуострова в Севастополь, Бахчисарай, Козлов и Орехов, из которого 5 ноября прибыл обратно в Таганрог, а с 28 декабря того года по 17 марта 1826 г., по высочайшему повелению, находился при сопровождении тела в Бозе почивающего императора Александра I из Таганрога в С.-Петербург»¹⁵.

Знаменитый русский историк и генерал Н. К. Шильдер, будучи «лучшим знатоком в ученном мире эпохи императора Александра I», в своем большом монографическом исследовании не обошел вниманием деятельность А. Д. Соломко. Как историк он считал необходимым заметить следующее: «Афанасий Данилович Соломко был одним из наиболее приближенных и доверенных лиц императора Александра I, называвшего его “моя золотая солонка”. По окончании артиллерийской школы он был выпущен в офицеры в 1807 г., а затем в 1814 г. по особой рекомендации графа Аракчеева, принимавшего в нем участие, был назначен на должность вагенмейстера.

С тех пор он был неразлучным спутником императора Александра I-го во всех его многочисленных путешествиях и проявлял редкую

¹¹ Справка из формулярного списка о службе и достоинстве генерал-вагенмейстера Главного штаба его императорского величества, состоящего по артиллерии генерал-лейтенанта Соломко // Документы, относящиеся к последним месяцам жизни... С. 13.

¹² Краткий очерк деятельности... С. 7.

¹³ Там же. С. 9.

¹⁴ Там же. С. 10.

¹⁵ Справка из формулярного списка... С. 14.

заботливость о сохранении здоровья государя и предохранении его от различных опасностей, возможных в пути. А. Д. Соломко сопровождал Александра Павловича и в Таганрог, а после его кончины, во время перевозки тела почившего государя в Петербург, был одним из главных распорядителей печального кортежа»¹⁶.

На долю деда художника выпали еще две ответственные миссии: «сопровождать тело в Бозе почивающей государыни императрицы Елизаветы Алексеевны» от г. Белева до Санкт-Петербурга в мае 1826 г.¹⁷ и сопровождать «тело в Бозе почивающего государя цесаревича и великого князя Константина Павловича» из Витебска в Санкт-Петербург в июне 1831 г.¹⁸ «За заботливость и особенное усердие по высочайше возложенному на него поручению содействовать к устройению наилучшим образом всех приготовлений, касавшихся до печального шествия с телом в Бозе почивающего цесаревича и великого князя Константина Павловича и за аккуратнейшую отчетность» А. Д. Соломко 19 ноября 1832 г. особо отметил государь император Николай I⁹.

Афанасий Данилович Соломко продолжил службу при Николае Павловиче, занимаясь устройством походных полковых обозов и сопровождая государя в походах и поездках по стране. Он «отлично усердно и ревностно служил» более 45 лет, и его служба не раз отмечалась высокими государственными наградами²⁰, в том числе орденами. Его пожаловали кавалером ордена св. Анны 2 степени, кавалером ордена св. Владимира 3 степени, кавалером ордена св. Станислава 1 степени и кавалером ордена Белого Орла²¹.

А. Д. Соломко счастливо прожил в браке с Марией Николаевной Колюбакиной, родившей ему девять детей: троих сыновей и шестерых дочерей²².

Отец художника Сергей Афанасьевич Соломко (ум. до 1896 г.) в 1854 г. окончил Пажеский корпус, начал службу корнетом лейб-гвардии Гусарского его величества полка и дослужился до чина генерал-майора²³.

¹⁶ Шильдер Н. К. Император Александр I, его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. IV. Цит. по: Краткий очерк деятельности... С. 5–6.

¹⁷ Справка из формулярного списка... С. 15.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 18.

²⁰ См.: Справка из формулярного списка... С. 13–18.

²¹ Там же.

²² О детях А. Д. Соломко, к сожалению, известно немного. Одна из дочерей — Агния Афанасьевна Соломко вышла замуж за князя Ширинского-Шихматова, другая — Серафима Афанасьевна Соломко умерла в возрасте шести лет; сыновья — Иван Афанасьевич Соломко, окончивший Пажеский корпус в 1851 г., и Никифор Афанасьевич Соломко прожили долгую жизнь и были похоронены рядом со своим отцом на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга.

²³ См.: Фрейман О. Р. Пажи за 184 года: Биографии и портреты бывших пажей с 1711 по 1896 г. Фридрихсгамн, 1895. Вып. 5. С. 491.

О смерти С. А. Соломко ошибочно сообщено автором в данных о С. С. Соломко.

В известных на настоящее время документах можно найти сведения только о том, где проживал генерал вместе с членами своей семьи. Это следующие петербургские адреса: его родители проживали на Большой Московской улице, временный адрес проживания — на Шпалерной улице и постоянный — «здание Дворцового правления Стрельнинского дворца в мызе Стрельне»²⁴.

Мать Сергея Соломко Ольга Фавстовна была внучкой отставного горного чиновника Петра Егоровича Занадворова, в чьем доме в Петровском заводе снимала квартиру жена декабриста княгиня Е. И. Трубецкая. В этом же доме родился сын декабриста А. Е. Розена Кондратий. Отец Ольги, губернский секретарь Фавст Петрович Занадворов (1811–1888), владелец Мачинской резиденции в Олекминском округе, живя в Иркутске, женился на племяннице известного золотопромышленника Е. А. Кузнецова Екатерине Александровне (урожд. Малеевой). После смерти золотопромышленника стал его душеприказчиком, унаследовал большую часть его состояния и разбогател на золотодобыче. Имя Фавста Петровича Занадворова оказалось тесно связанным с делом о сокрытии наследства и «подкупом» чиновников, так называемая «Занадворовская история», подробно описанная в мемуарах декабриста А. Е. Розена²⁵. Следствие и разбирательства по делу тянулись до 1855 г. После вынесения оправдательного приговора дед будущего художника уехал из Иркутска и нашел свое последнее пристанище в Рязани²⁶.

²⁴ Личное дело С. С. Соломко // РГИА. Ф.789 (Императорская Академия художеств). Оп.11: 1887. Ед.158. Л.1, 3, 8 об.

²⁵ Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 260.

Комплекс документов, раскрывающих историю тяжбы, хранится в Государственном архиве Рязанской области. См.: ГАРО. Ф.1340 (Занадворов Ф. П.).

²⁶ На одном из Рязанских сайтов (История, культура и традиции Рязанского края. URL: <http://www.history-ryazan.ru>) имеется достаточно интересная информация о Занадворовых. Например, имеется сообщение о месте захоронения деда художника С. С. Соломко. Он был похоронен на кладбище Спасского монастыря, что в рязанском кремле. Там можно было найти памятник с надписью «Только здесь нашел себе покой Фавст Петрович Занадворов (1811–1888)».

О рязанском периоде жизни Ф. П. Занадворова известно слишком мало. Весьма скромным источником служат отрывочные воспоминания художника Н. О. Фреймана (1885–1975) о сыне Ф. П. Занадворова, Петре, дяде художника:

«Петр Фавстович был сыном золотопромышленника, сибиряка, миллионера. В Рязани на Скоморошинской горе у Занадворовых был большой участок земли с одноэтажным домом, каменным. Дом был прекрасно и дорого обставлен. Мебель, зеркала, люстры и бра по стенам. Все это было привезено из Петербурга и заграницы. Петр Фавстович и его жена всегда жили в Петербурге, где у них был абонирован великолепный особняк (с миллионами чего не сделаешь!) <...> Человек он был совершенно тупой, малограмотный, голова полна залихватских выходок. И очень скоро эти золотые миллионы растаяли от безумных кутежей <...> Дом в Петербурге становится приютом пьяниц, людей с нечистой совестью, помогающих П. Ф. расточать скопленное отцом состояние.

Занадворов-младший совершенно опустился и обнищал; его оставила жена. В один прекрасный день он явился к бабушке Фреймана, М. А. Палицыной в рваной одежде со словами: «Мамаша, я гол, как сокол, покормите меня!» Чем он закончил, нам неизвестно. Была ли плачевная судьба сына платой за отцовские грехи? Морализаторство для историка не очень уместно, но иногда оно напрашивается само собой. В любом случае, не так-то просто в этом мире заслужить покой». См.: Никитин А. «Антонист» // URL: http://www.mebel-tec.ru/pag/Antagonist_sredi_lydei_proslogo.html (дата обращения: 01.07.2013)

Екатерина Александровна Занадворова, бабушка будущего художника по материнской линии, узнав нелицеприятную правду о неправомерном вступлении в наследственные права и о «подкупе» чиновника, и перетерпев все долгие тяготы судебных разбирательств, в июле 1855 г. забрала своих детей и, покинув мужа, уехала в Петербург. Здесь, в столице, ее дочь Ольга познакомилась с молодым офицером, выпускником пажеского корпуса С. А. Соломко.

Отвечая на поставленный вопрос о происхождении художника С. С. Соломко и об истоках его творчества, укажем следующее. Многочисленные семейные предания, рассказы деда и бабушки, в которых перемешались события Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии, русско-турецкой и русско-персидской войн, рассказы о поездках с императорами Александром I и Николаем I по Европе и России, размышления о «загадочной» кончине императора Александра I и повествования о старце Федоре Кузьмиче, жившем в Сибири в XIX веке и упокоившемся в 1864 г., рассказы о декабристах и их судьбах, о золотодобыче и печальных судьбах золотодобытчиков — вот та атмосфера, в которой рос Сергей, та самая атмосфера, в которой подлинная история переплеталась с мифами и легендами, и воспитывала в любви к Отечеству.

С особым трепетом в семье относились к памяти государя императора Александра Павловича. При подготовке к изданию писем и записок А. Д. Соломко и его жены Марии Николаевны брат художника Николай Сергеевич написал об атмосфере, царившей в доме: «В нашей семье, как святыня, хранится память незабвенного императора. Как драгоценная реликвия сохраняется прядь волос императора, отрезанная по его кончине, и бювар, которым он пользовался в последние дни. Дед мой всегда с благоговением говорил об Александре I»²⁷.

К сожалению, данных о детских и юношеских годах жизни и о формировании профессиональных интересов и пристрастий будущего художника сохранилось совсем немного. Имеющиеся в личном деле Императорской Академии художеств материалы — справки, заявления и свидетельства — дали возможность сделать некоторые предположения об этапах обучения Сергея Соломко (которые в последствии были подкреплены и другими находками). Так, например, в свидетельстве, выданном «Двором Его императорского высочества государя великого князя Константина Николаевича по Стрельнинскому правлению 15 августа 1887 г.» и подписанных смотрителем Стрельнинского Дворца полковником Сергеем Сухомлиным указывается, что Сергей Солом-

²⁷ Соломко Н. С. В виде предисловия // Документы, относящиеся к последним месяцам жизни и кончине... С. 3.

ко является пажом, «благонадежным в политическом отношении»²⁸. В «Свидетельстве о приписке к призывному участку» от 19 августа 1887 г. отмечено, что Сергей Сергеевич Соломко, «сын генерал-майора», «состоит пажом Двора его императорского величества»²⁹. На рамке отсутствующей в личном деле фотографии также имеется подпись «Паж Двора Его Императорского Величества Сергей Сергеевич Соломко»³⁰. Пажом Двора Его Императорского Величества Сергей Соломко оставался и после окончания Московского училища живописи, ваяния и зодчества (далее МУЖВЗ) и в годы обучения в Императорской Академии художеств. В документах за 1887 г. С. С. Соломко числится на службе в Стрельнинском дворце великого князя Константина Николаевича.

Именно эти указания на пажескую службу С. С. Соломко, бывшего внуком генерал-вагенмейстера и сыном генерал-майора, которые принимали участие в военных действиях (что давало автоматическое право на поступление в Пажеский корпус), дали направление поиску информации и заставили обратиться к истории Пажеского корпуса.

В справочнике «Пажи за 184 года» Сергей Сергеевич Соломко идет в списке выпускников 1880 г. и числится под № 2696. До отъезда в Москву и поступления в Училище живописи, ваяния и зодчества Московского художественного общества он окончил Пажеский корпус и 7 ноября распределен «из пажей младшего специального класса в корнеты 13 гусарского Нарвского Е.И.В. великого князя Константина Николаевича полка»³¹. (рис. 3)

Невелико по объему и содержит мало полезной информации Личное дело ученика МУЖВЗ. В нем сохранилось обращение в Совет его отца от 27 августа 1883 г. с просьбой допустить сына Сергея к вступительным испытаниям. Из этих бумаг следует, что в сентябре 1883 г. Сергей Соломко уехал в Москву. После прохождения «установленных испытаний» его «приняли в число учеников училища»³², где он обучался с 1883 по 1887 гг.

В Личном деле также имеется несколько объяснительных записок по поводу пропусков занятий и справок о болезни от врача. Ни перечня выполненных работ, ни указаний на преподавателей, у которых мог бы учиться будущий художник, в Личном деле, увы, нет. Только в одном из документов присутствует подпись художника Е. С. Сорокина, пре-

²⁸ Личное дело С.С. Соломко // РГИА. Ф.789 (Императорская Академия художеств). Оп.11: 1887. Ед.158. Л.3.

²⁹ Там же. Л.4.

³⁰ Там же. Л.6.

³¹ Фрейман О. Р. Пажи за 184 года: Биографии и портреты бывших пажей с 1711 по 1896 г. Фридрихсгамн, 1896. Вып.7. С.702.

³² Личное дело С. С. Соломко // РГАЛИ. Ф.680 (Училище живописи, ваяния и зодчества). Оп.2. Ед.378. Л.1.

подававшего в Училище рисунков³³. Из последнего документа Дела, датированного 1 июня 1888 г., а именно Свидетельства, следует, что «бывший ученик Училища Живописи, Ваяния и Зодчества Московского Художественного Общества Сергей Соломко в 1886/87 учебном году состоял в числе учеников вышеуказанного училища, по искусству находился в фигурном классе, а по наукам курс окончил, что удостоверяется подписью и приложением казенной печати»³⁴. Т.е. из имеющихся образовательных документов следует, что в училище Сергей Соломко прошел полный «научный курс» и курс обучения в гипсовом и натурном классах.

В 1887–1888 г. он был вольнослушателем Академии художеств в Петербурге, обучаясь в фигурном классе, затем в натурном классе и классе композиции³⁵. Характеристика профессиональных качеств художника-графика С. С. Соломко содержится в более позднем документе. В 1894 г., отвечая на запрос Главного Морского штаба по поводу «художественных способностей г. Соломко», Кабинет Императорской Академии художеств ответил следующее: «...произведения г. Соломко принимались на выставки Общества акварелистов в Санкт-Петербурге, а часть художественных работ Соломко имеется на художественной выставке текущего года. И принятие его картин на выставку надо считать как признание за г. Соломко его художественных способностей»³⁶.

По выходе из Академии Сергей Соломко начал активно заниматься живописью, рисунком и акварелью и до 1917 г. принимал участие в проходивших акварельных выставках³⁷.

Предания, истории и легенды, связанные с родной семьей, с представителями рода Соломко и рода Занадворовых, увлечение отечественной историей и мифологией народов мира сформировали художественные пристрастия Сергея Соломко. К тому же начало творческой биографии С. С. Соломко пало на интересную эпоху, время, когда умы живописцев, писателей, философов, поэтов были заняты осмыслением больших исторических и культурных открытий, связанных, с одной стороны с повседневной жизнью русского народа, с другой стороны, с древней культурой Дальнего и Ближнего Востока, Китая, Индии. Завершение русской морской экспедиции в Японию, Опиумные войны в Китае, строительство Транссиба, археологические находки в Египте и Пале-

³³ В это время в Училище преподавал живопись И. М. Прянишников, лекции по истории читал В. О. Ключевский.

³⁴ Личное дело С. С. Соломко // РГАЛИ. Ф.680 (Училище живописи, ваяния и зодчества). Оп.2. Ед.378. Л.6.

³⁵ Личное дело С.С. Соломко // РГАИ. Ф.789 (Императорская Академия художеств). Оп.11: 1887. Ед.158. Л.12–13.

³⁶ Там же. Л.15 об.

³⁷ Там же. Л.12.

стине, восстания сипаев, перевод сначала на французский, а затем и на русский язык произведений древнеиндийской литературы, в числе которых были «Махабхарата» и «Рамаяна» — все это привлекло внимание молодого художника и стало сюжетами его произведений.

Огромный интерес в русском обществе вызвала история Индии, представленная в большом цикле полотен и эскизов В. В. Верещагина.

Сергей Соломко задумал «серию картин из индийских сказаний». Для сбора материала он решил отправиться в путешествие по Индии. Но имеющихся у него денежных средств было недостаточно и в начале 1894 г. он обратился за помощью в Морское министерство, Главный морской штаб, испросив разрешение «совершить на одном из военных судов, отправляющихся в южные страны, плавание»³⁸. Жизнь и служба его при Стрельнинском Константиновском дворце, сначала при генерал-адмирале Константине Николаевиче, а затем при Константине Константиновиче, позволяли обратиться с подобной просьбой напрямую в морское министерство. Но это путешествие в Индию для сбора материалов по каким-то причинам не состоялось.

Сергей Соломко также не смог в 1898 г. получить согласие Академии художеств на «завершение художественного образования в Мюнхене»³⁹.

В разные годы (1890-е, 1900-е гг.) С. С. Соломко путешествовал по Европе, побывав во Франции и Италии. Во время одной из первых поездок как заядлый театрал, знаток всех новых ярких театральных постановок, художник посетил театр Сары Бернар, подружился с актерами этого театра⁴⁰. Он создал и несколько портретов выдающейся актрисы, два из которых хранятся в личных архивах. (рис. 4)

Отношение художника к театру ярко характеризует один из его рассказов о постановке «Юлия Цезаря» в Одеоне. Он писал о спектакле, режиссерской работе и игре актеров следующее: «На днях в театре Одеон, где директором знаменитый “Antoine” поставлен, и нужно отдать справедливость, превосходно — Юлий Цезарь. Но все же наш Станиславский куда выше. Я даже хочу послать телеграмму в Москву. Один лишь актер de Max, игравший Марка Антония, поразил всех своей блестящей игрой. Такого Антония я не мог себе представить. В первой из картин он вышел даже слегка карикатурен. Напомаженный, завитой, изнеженный, с розой в руке, он производил впечатление развратного юноши, что еще усиливалось ярким костюмом, украшенном драгоценностями. Говор был небрежный и вид усталый. Зато, когда он появился в Сена-

³⁸ Там же. Л.14, 15–15 об.

³⁹ Там же. Л.17.

⁴⁰ В одном из писем С. С. Соломко содержится рассказ о том, что во время его пребывания в Париже дома у него в гостях бывали актеры театра Сары Бернар. См.: РГАЛИ. Ф.98 (Волконские). Оп.1. Ед.б1. Л.6 об.

те после убийства Цезаря, гром рукоплесканий встретил его выход. Он появляется на площадке высокой лестницы в амбразуре двери — силуэтом. На нем коричневый плащ, с ног до головы окутывающий его. Он быстро подходит к ступенькам и наталкивается на Брута, тогда он сбрасывает с головы свой плащ, концы которого скатываются на несколько ступенек ниже. Кажется, что такое кусок материи. А в нем был огромный сценический жест. Появившаяся фигура Антония сразу дала понять зрителю, какой перед ними стоит человек. С этого момента он уже держит публику. <...> Сцена на форуме просто изумительна. Игра оратора с толпой просто превосходна. Ни одного завывания; ни классической игры нет в нем. Словом, я дрожал все время»⁴¹.

Как заядлый театрал Сергей Соломко любил придумывать и сочинять костюмы и прически для театральных персонажей и героев пьес, для исторических героев, стараясь через одежду и различные атрибуты дать характеристику той или иной исторической эпохе. Он очень любил играть эпоху через костюм.

Ярким примером тому является его работа над костюмами к драме А. С. Суворина «Царь Дмитрий Самозванец и царевна Ксения», в которой раскрывались трагические события Смутного времени, и главными действующими лицами которой были реальные исторические персонажи: Лжедмитрий I, Мария Нагая, Василий Шуйский, Ксения Годунова и др. (рис. 5)

Размышляя о театральности композиций графических работ С. С. Соломко, проработанности и продуманности своеобразных мизансцен, А. Шестимиров совершенно справедливо заметил, что тот «не был театральным художником, но он “ставил” собственные мини-спектакли и “одевал” персонажи в костюмы, “сшитые” по его рисункам»⁴². (рис. 6)

Любовь к театрализации и моделированию исторического костюма привела художника к работе над модным костюмом. «Талант Соломко-модельера был высоко оценен знатью. Одно время светские дамы для балов признавали только платья, сшитые по эскизам Соломко», — отмечали исследователи, указывая на особенности творчества этого достаточно многогранного художника⁴³. Сохранившиеся эскизы и тиражированные открытки, представляющие героинь различных эпох в нарядах дают возможность прочувствовать и понять, почему он пользовался таким успехом. «Не заимствуя костюмы в музеях», он на базе древнего кроя и старого фасона разрабатывал новый, эксклюзивный, не имеющий аналогов, оригинальной расцветки и неповторимого рисунка.

⁴¹ Соломко С.С. Письмо Н.В. и М.Н. Волконским // РГАЛИ. Ф.98 (Волконские). Оп.1. Ед.61. Л. 7-7 об.

⁴² Шестимиров А. Указ. соч.

⁴³ Там же.

Былинная тема отмечена особой изобретательностью С. С. Соломко. Отсутствие жесткого канона и ограничительных требований позволили включать фантазию и создавать точные костюмные характеристики. Прочувствованность образов былинных героинь — Василисы Микулишны, Апраксии Королевичны, Марьи-Лебеди белой, царицы Азаяковны — создают и головной убор, и мелкие детали и, собственно, костюм, придуманный С. С. Соломко.

Сергей Соломко в настоящее время хорошо известен среди филокартистов. Почтовые открытки, выполненные по его рисункам, пользуются большим спросом, служат украшением многих частных коллекций и собраний. Но начинал он как журнальный и книжный график, отдававший предпочтение иллюстрированию сказок, мифов, легенд, произведений детской литературы и русской классики.

С начала 1890-х гг. С. С. Соломко стал сотрудничать со многими московскими и петербургскими издательствами. Он создавал рисунки для популярных «лучших иллюстрированных современных»⁴⁴ журналов «Нива» и «Шут», выпускаемых соответственно в издательстве А. Ф. Маркса и в издательстве Р. Р. Голике, исполнял рисунки для афиш и рекламы.

В «Ниве» состоялось знакомство Сергея Соломко с писателем и драматургом М. Н. Волконским, бывшим в то время редактором журнала. Это знакомство переросло в большую долгую дружбу художника с семьей Волконских, о чем свидетельствует сохранившаяся переписка и доверительный обмен информацией обо всем, что происходило в их личной и творческой жизни. Все письма и открытки, адресованные Волконским, начинались словами: «Дорогие мои Наталья Викторовна и Михаил Николаевич!» или «Дорогие мои князь и княгиня: Наталья Викторовна и Михаил Николаевич! Не могу не писать Вам, ни на минуту не перестаю думать о Вас»⁴⁵. С ними художник делился своими творческими планами, рассказывал о ходе работы над той или иной картиной.

Сотрудничество с журналом «Нива», выходившим в издательстве А. Ф. Маркса, поспособствовало привлечению художника в состав большого творческого коллектива, работавшего над созданием подарочного тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. Н. Н. Бажин, Н. Н. Хохряков, В. И. Быстренин, В. А. Андреев, М. М. Далькевич, О. С. Козачинский, А. Ф. Афанасьев, И. Маньковский, Н. В. Пирогов, Е. П. Самокиш-Судковская, Н. С. Самокиш и С. Соломко — вот те художники-графики, стараниями которых в 1901 г. увидела свет изысканно, с большим вку-

⁴⁴ Личное дело С. С. Соломко // РГИА. Ф.789 (Императорская Академия художеств). Оп.11: 1887. Ед.158. Л.11.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф.98 (Волконские). Оп.1. Ед.61.

сом оформленная книга. На титульном листе помимо выходных данных и перечня специалистов, готовивших издание, было также указано следующее: «С портретом Н. В. Гоголя, гравированным на стали, 10 гелиографюрами и 355 иллюстрациями»⁴⁶. Из 355 иллюстраций 10 были созданы С. С. Соломко. (рис. 7)

Работа С. С. Соломко как книжного графика началась с издательства А. С. Суворина, задумавшего к юбилею А. С. Пушкина издать иллюстрированную библиотеку великого поэта. В 1892 г. с иллюстрациями художника вышла отдельной книгой поэма «Бахчисарайский фонтан». В 1895 г. увидели свет трагедия «Каменный гость» и стихотворение «Утопленник». В 1896 г. дивным подарком читателям стала «Сказка о царе Салтане». А вот «Сказка о золотом петушке» издавалась уже в 1920-е гг. в Париже⁴⁷. (рис. 8, 9)

В 1899 г. Сергей Соломко «решил на свой риск иллюстрировать “Мертвую царевну” А. С. Пушкина», которую предложил также А. С. Суворину «в виду предстоящего юбилея»⁴⁸. Художник, живший в то время в г. Козлове Тамбовской губернии, предложил издателю выслать ему готовые рисунки. Но судьба этого предприятия неизвестна.

Сотрудничество с издательством А. С. Суворина продолжалось еще несколько лет. От иллюстрирования произведений А. С. Пушкина художник обратился к созданию цикла иллюстраций к «Песне про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова⁴⁹ и к повести Д. В. Григоровича «Бедный мальчик»⁵⁰, увидевших свет соответственно в 1897 и 1899 гг.

В издательстве А. Ф. Девриена Сергей Соломко трудился над иллюстрированием произведений Веры Петровны Желиховской (1835–1896), замечательной «даровитой» писательницы. Она писала много и для взрослых и для детей, но долгой популярностью пользовались именно ее детские повести. Большая часть их взята из кавказской жизни и кавказских легенд, и это не случайно, ведь ее юность прошла на Кавказе⁵¹.

К лучшим произведениям Веры Желиховской относят ее автобиографические повести «Как я была маленькая» и «Мое отрочество», содержавшие яркую характеристику быта аристократических кругов про-

⁴⁶ Гоголь Н. В. Похождения Чичикова, или Мертвые души / С портретом Н. В. Гоголя, гравированным на стали, 10 гелиографюрами и 355 иллюстрациями. СПб., 1901.

⁴⁷ Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан. СПб., 1892; Пушкин А. С. Каменный гость. СПб., 1895; Пушкин А. С. Утопленник. СПб., 1895; Пушкин А. С. Сказка о царе Салтане, сыне его, славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче, и о прекрасной царевне Лебеди. СПб., 1896; Пушкин А. С. Сказка о золотом петушке. Париж, [192-].

⁴⁸ Соломко С. С. Письмо А. С. Суворину // РГАЛИ. Ф.459 (А. С. Суворин). Оп. 1. Ед.4045. Л.1, 2.

⁴⁹ Лермонтов М. Ю. Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова. СПб., 1897.

⁵⁰ Григорович Д. В. Бедный мальчик. СПб., 1899.

⁵¹ Желиховская В. П. Кавказские легенды / [Соч.] В. П. Желиховской; С 22 рис. С. С. Соломко. СПб., 1901.

винциального общества 1840-х и 1850-х гг. Графические композиции, созданные С. С. Соломко блестяще дополнили добрые тексты⁵².

Доказательством вышесказанному о том, что огромную роль в творчестве художника занимал мировой фольклор и художественная литература, обращенная к фольклору, мифам и преданиям, служат издание «Бабушкиных сказок» Жорж Санд⁵³ и книги Л. Ф. Черского «Былое на Руси»⁵⁴. (рис. 10)

Нельзя не отметить участие С. С. Соломко в работе над подарочным изданием исследования Н. К. Шильдера «Император Александр I, его жизнь и царствование». Художник создал две акварели: портреты Екатерины Великой и великих князей Александра и Константина Павловичей. (рис. 11)

В 1910 г. Сергей Сергеевич Соломко получил богатое наследство и поселился в Париже, о котором так часто в своих письмах бурчал: «Здесь гадко. Погода скверная. Люди гадкие. Словом, пакость. Хотелось бы куда-нибудь удрать подальше... <...> Господи, до чего здесь все люди продажные. Только и слышишь: деньги, деньги!»⁵⁵.

Живя в Париже, он продолжил писать акварели, иллюстрировать книги. Продолжил свою работу над сериями открыток на темы русской старины, мифологические и библейские сюжеты для издательства И. Лапина. В его рисунках к открыткам нашли отражение события Первой мировой войны (1914–1918)⁵⁶. Так, например, художник в символах представил страны, участвовавшие в военных действиях: Бельгию, Румынию, Польшу, Черногорию, Сербию. Символически он представил исторические области Франции: Артуа, Шампань, Лотарингию, Фландрию, Пикардию, Эльзас⁵⁷. В открытках, посвященных русскому экспедиционному корпусу, Сергей Соломко предстал как замечательный художник-портретист. На двух изданных И. Лапиным открытках мы можем увидеть начальника 1-ой особой пехотной бригады генерал-майора Н. А. Лохвицкого и командира 1-го особого полка полковника М. Д. Нечволодова.

После революции, в начале 1920-х гг., С. С. Соломко вступил в Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже. Члены этого Общества в мае и сентябре 1927 г. провели

⁵² Желиховская В. П. Мое отрочество: [Повесть] / В. П. Желиховская; С рис. С. С. Соломко. СПб., 1903.
⁵³ Санд Ж. Бабушкины сказки / Жорж-Санд; Пер. с фр. А. Н. Толиверовой; С рис. худож. С. С. Соломко, бар. М. Клодта и др., и с портр. авт. СПб., 1913.

⁵⁴ Черский Л. Ф. Былое на Руси: Ист. рассказы / Л. Черский; С рис. худож. Б. Чирикова, Я. Сизова, Н. Захарова и снимками с картин: К. Маковского, М. Пескова, С. Соломко [и др.]; Гравировали: В. Адт, Ю. Шюблер [и др.]. СПб., 1912.

⁵⁵ Соломко С. С. Письмо Н. В. Волконской // РГАЛИ. Ф.98 (Волконские). Оп.1. Ед.61. Л.1, 2.

⁵⁶ См.: Каталог почтовых карточек. Сергей Соломко / Под общей ред. В. Б. Загорского. СПб., 2005.

⁵⁷ См.: Каталог почтовых карточек. Сергей Соломко... №№ 67–78.

несколько благотворительных вечеров в его пользу. На страницах эмигрантской газеты «Последние новости» был обращен призывный рассказ: «Известного художника С. С. Соломко постигла тяжелая болезнь. Одна рука его парализована, и он на определенное время лишен трудоспособности. Материальное же его положение безотрадное.

Организуя общественную помощь своему любимому сочлену, русское Артистическое Тургеневское Общество, между прочим, устраивает 31 мая в своем помещении (77, ул. Пигалль) интимный художественный вечер. Выдающиеся артисты, имена которых будут своевременно опубликованы, выразили желание принять участие в этом вечере. В виду крайней ограниченности мест вход на этот вечер будет исключительно по именованным пригласительным билетам для друзей и почитателей С. С. Соломко. Приглашения можно получить в Тургеневском обществе (77, ул. Пигалль) ежедневно от 12 ч. дня, а также по средам, субботам и воскресеньям от 9 вечера и в книжном магазине Сяльской (рю Пьер ле Гран)»⁵⁸.

В конце лета члены редакции газеты «Последние новости» опять поместили небольшую заметку «Помогите художнику С. С. Соломко», в которой говорилось: «В виду затянувшейся болезни С. С. Соломко и необходимости специального ухода за ним (сиделка и проч.), собранные Комитетом Тургеневского Общества суммы иссякли в момент обозначившегося некоторого улучшения здоровья, и положение художника, прикованного параличом к постели, становится угрожающим. Неужели столь отзывчивое русское общество не придет ему на помощь? Надо помочь и помочь немедленно!

Комитет Тургеневского Общества»⁵⁹.

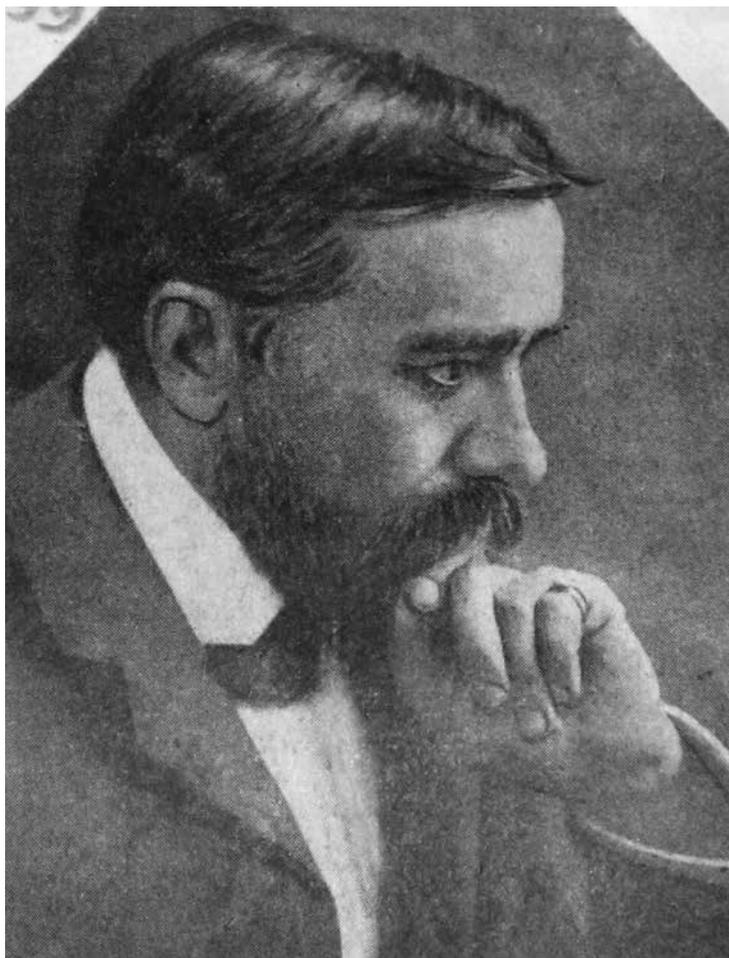
Скончался Сергей Сергеевич Соломко «2 февраля в 6 часов утра, в “Русском Доме” в Сен-Женевьев-де-Буа после продолжительной и тяжелой болезни. <...> Умирая на чужбине, он до последних своих минут был окружен теплым вниманием и заботами всего персонала “Русского Дома”»⁶⁰.

Сергея Сергеевича Соломко похоронили после отпевания в церкви Русского Дома на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

⁵⁸ Ред. Художнику С. С. Соломко // Последние новости. 1927. № 2248. 19 мая. С. 4.

⁵⁹ Ред. Помогите художнику С. С. Соломко // Последние новости. 1927. № 2508. 27 августа. С. 3.

⁶⁰ Соломко С. С.: Некролог // Возрождение. Париж, 1928. № 976. 3 февраля. С. 3.

1. Сергей Сергеевич Соломко. Фото. Вырезка из журнала, наклеенная в альбом. Альбом с фотографиями писателей, художников, музыкантов, общественных и государственных деятелей: [1877–1911] // РГАЛИ. Ф.1188 (Коллекция О. И. Фельдмана). Оп.1. Ед. хр.5. Л.120.

2. *Афанасий Данилович Соломко, генерал-вагенмейстер Главного штаба, дед художника С. С. Соломко. Портрет. Миниатюра. Первая четверть XIX в.*

3. *Обложка книги: Фрейман О. Р. Пажи за 184 года: Биографии и портреты бывших пажей с 1711 по 1896 г. Фридрихсгамн, 1896. Вып. 7.*

4. С. С. Соломко. Актриса Сара Бернар. 1892 г. Рисунок. Бумага, черни-
ла, перо. РГАЛИ. Ф.197 (Желиховские). Оп.1. Ед.66. Л.1.

5. С. С. Соломко. Князь Василий Шуйский (Д. V, к. 1) — актер
К. Н. Яковлев. Эскизы костюма и образа к постановке пьесы «Царь
Дмитрий Самозванец и царевна Ксения» в Театре литературно-
художественного общества. Суворин А. С. Царь Дмитрий Самозванец
и царевна Ксения: Драма в 5 д. и 8 карт. [С акварел. набросками
С. Соломко]. Санкт-Петербург: тип. А. С. Суворина, 1904

б. С. С. Соломко. Боярыня. Открытка издания Общины св. Евгении.

7. С. С. Соломко. Разговор двух дам. Гоголь Н. В. Похождения Чичикова, или Мертвые души / С портретом Н. В. Гоголя, 10 гелиогравюрами и 355 иллюстрациями. СПб., 1901. С. 269.

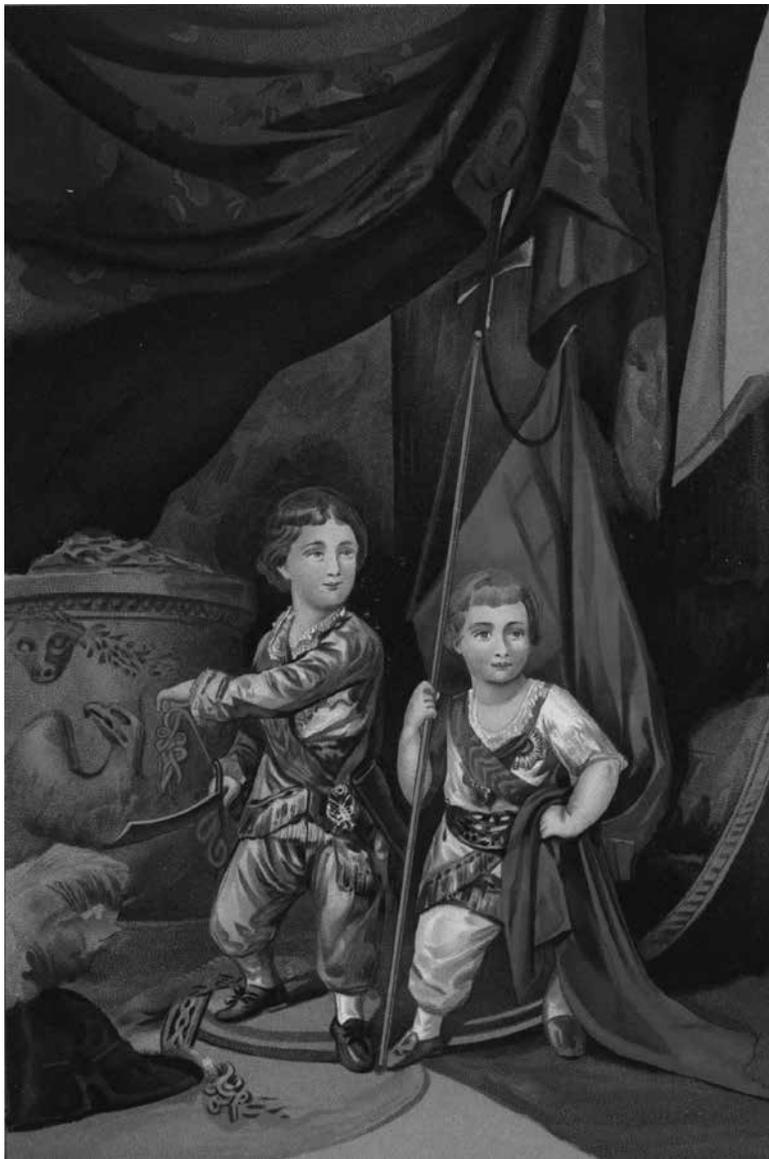
8. С. С. Соломко. Титульный лист книги. Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан. СПб., 1892

9. С. С. Соломко. Обложка к изданию. Пушкин А. С. Каменный гость. СПб., 1895

10. С. С. Соломко. Царица лугов. Иллюстрация к сказке Жорж Санд «Как Грибуль бросился в воду». Из книги: Санд Ж. Бабушкины сказки. Пер. с фр. А. Н. Толиверовой СПб., 1901.

11. С. С. Соломко. Великие князья Александр и Константин Павловичи. Шильдер Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 1.

В лучших традициях. О благотворительной деятельности греческой королевы Ольги

Известно, что российская императорская семья много внимания уделяла благотворительной деятельности, и Константиновичи были всегда в первых рядах. Маленькая великая княжна Ольга Константиновна могла наблюдать, как ее мать, великая княгиня Александра Иосифовна ухаживала за ранеными солдатами в госпитале во время Польского восстания 1863 г.¹ (И, неважно, каково было его содержание). Добрая душа девочки немедленно отозвалась — и вызвала сильное чувство сострадания, которое Ольга запомнила на всю жизнь. Став в юные годы королевой эллинов, Ольга² почти сразу занялась делами благотворительности в своем маленьком греческом королевстве. Позже, говоря о своих жизненных принципах, она подчеркивала: «Я на политику никогда влияния не имела, не сумела бы иметь и не хочу, у женщины — другие задачи в жизни»³. Одной из таких задач была ее филантропическая и просветительская деятельность.

Еще в 1873 г. (Ольге 22 года) она написала отцу, великому князю Константину Николаевичу о своих первых шагах в благотворительности: «...Я устроила маленький приют для бедных маленьких детей; М. Theochary⁴ с дочерью, и бедная М. Funch⁵ мне помогают. Это так приятно, иметь свою собственную школу и самой о ней заботиться»⁶. Юная королева откликнулась и на просьбы о помощи, благо любимый отец был не последним человеком в Российской империи и мог поспособствовать

¹ Великий князь Константин Николаевич был наместником Царства Польского с 27 мая 1862 г. по 19 октября 1863 г.

² Ольга Константиновна (1851–1926), великая княжна, дочь великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны, с 1876 г. супруга короля Греции Георга I.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ) Ф.686. Оп.1. Д.94. Письмо Ольги Константиновны М. С. Рощаковскому. 11 октября 1917.

⁴ Фрейлина греческой королевы Ольги.

⁵ Личность не установлена.

⁶ ГАРФ. Ф.722. Д.809. Афины. 30 Декабря 1872 (11 января 1873).

первым шагам Ольги в качестве покровительницы греков. Был такой замечательный случай. В том же 1873 г. Ольга обращается к отцу: «Милейший мой Папа! Этот раз я начинаю просьбой, извини, пожалуйста, что я стану Тебе надоедать, но ко мне ужасно пристают, чтоб я написала Тебе и попросила за одного старика, который очень нуждается в помощи. Его зовут «Гини» и он ужасно болен и не знает, как существовать со своим семейством. Во время Крымской войны он составил батальон из греческих волонтеров, 600 человек, вооружил их и кормил в продолжение трех месяцев, что ему стоило 15 000 рублей (и сверх того, он потерял все свое имение). После войны он оставался в Петербурге и, ожидая и стараясь, чтобы ему заплатили эти 15 000 рублей, но добился он только 1000 рублей. Отсюда, из посольства также писали в Питер, но ему все же ничего не дают. Наконец, он обратился ко мне, не могу ли я попросить Государя за него. Он чуть с ума не сходит, несчастный. Но, конечно, нельзя ему дать эти 15 000, которые он ожидает, но, может быть, если Ты велишь сказать что-нибудь военному министру, то они ему помогут, потому что бедный старик решительно не может существовать так, и, не имея средств, возвращаться к своему семейству на юг России... Он мне приносил целый пакет документов, которые посылали в посольство, но это не помогло. Я сама не знаю, что им там ответили, из министерства. Так будь Ты так добр, милый Папа и сделай, чтоб ему помогли»⁷. Уже в мае вопрос был решен. «Я Тебе ужасно благодарна, милый душа Папа, — писала Ольга Константиновна, — что Ты исполнил мою просьбу и позаботился о старике «Гини», который также очень благодарен Государю за полученную от Него милость»⁸.

В годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда Греция после долгих размышлений в последнюю минуту также вступила в войну, молодой 27-летней королеве пришлось много времени проводить вне дворца и семьи, «усердно работая по утрам с дамами на Красный Крест»: они шили простыни, заготавливали корпию и бинты для раненых. «Я ведь все время только и думала, как бы быть как можно полезней в это роковое время...» — писала она брату, великому князю Константину Константиновичу⁹ из Афин¹⁰. Именно в 1878 г. Ольга сначала робко, а потом всерьез занялась работой с ранеными и больными и на всю жизнь увлеклась медициной¹¹. Она с трепетом описывала близкому ей по духу

⁷ ГАРФ. Там же. Афины. 20 января (1 февраля) 1873.

⁸ ГАРФ. Там же. Татой. 18 (30) мая 1873.

⁹ Константин Константинович (1858–1915), великий князь, генерал от инфантерии, президент Академии наук (с 1899 г.), поэт-романтик, писавший под псевдонимом К.Р., младший брат греческой королевы Ольги.

¹⁰ ГАРФ. Ф.660. Оп.2. Д. 206. Л. 280. Афины. 17 февраля (29 марта) 1878.

¹¹ См.: Соколовская О.В. Греческая королева Ольга Константиновна. «Под молотом судьбы». М., 2011.

брату Константину свои первые впечатления от посещения госпиталей в Афинах. В апреле 1878 г. она пишет: «Сегодня я видела первых раненых! ...Я усердно молилась Богу помочь мне и, когда я вошла в залу (их только 20 человек), то я вдруг стала покойна и все другие глупые чувства исчезли, и осталось только неожиданное чувство жалости и любви. Я подходила к каждому и говорила с ними, и они так были милы: рассказывали, шутили и гляделись такими благодарными»¹². С этого дня на протяжении тридцати восьми лет усердной переписки с Константином Константиновичем каждое письмо Ольги Константиновны, (бережно сохраненное для истории ее мудрым братом), содержало подробное описание ее посещений госпиталей, (она позже назовет свои письма «лазаретной хроникой»). В этих исповедях особенно заметна постепенно возникающая духовная связь греческой королевы с ее подопечными, как правило, простыми греками. Так в апреле 1878 г. из Афин она пишет брату: «Вот уже я три раза была у моих милых раненых. Они такие славные, простые, я так люблю простой народ. Ты бы видел, как они со мной разговаривают! Один из них подарил мне на память свою пуговку, скривленную пулей, я обещала ему сохранить ее... и храню свято». Другой раненый кандиот¹³ завещал ей после смерти пулю, вынутую из груди, которую она отослала его родным на Крит. Ольга ходила через день в госпиталь пешком, стесняясь огласки в афинской прессе¹⁴. Ольга описывала брату многочисленные истории ее больных, сохраняя их имена и образы. Она читала им молитвы, стараясь облегчить боль. Одним из ярких впечатлений была ее первая попытка смягчить страдание молитвой раненому юноше Влахосу в июле 1878 г.: «Мне пришла мысль, что, может быть, его обрадует услышать мою молитву, и я сказала ему: «Хочешь, я прочту тебе какую-нибудь молитву?» — и, встав на колени, я начала читать «Отче наш», держа его руку. Голос у меня дрожал и прерывался от волнения, но я старалась отчетливо произносить слова, которым сам Христос научил нас и в которых так много утешения. Кончив, я перекрестила его, а он, собрав все силы, отчетливо и внятно произнес: «Благодарю и да здравствует наследник!». «Две недели назад, после его смерти, сюда пришла его бабушка, старуха-крестьянка, я ее видела и говорила с ней; и больно было видеть, как она грустила и плакала, и я начала плакать»¹⁵. О своей искренней любви к простым людям королева Ольга осмеливалась писать только брату Константину, который питал к простым людям те же чувства, прося никому больше

¹² ГАРФ. Ф. 660. Оп.2. Д. 206. Л. 34-35. Афины. 24 марта (5 апреля) 1878.

¹³ Кандиот – житель острова Крит.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2 Д. 206. Л. 37-38. Афины. 1(13) апреля 1878.

¹⁵ Там же. Л. 79. Пирей. 30 июня (12 июля) 1878.

об этом не говорить. Она подолгу беседовала с ранеными греческими солдатами в госпиталях, сидела возле умирающих, стремясь облегчить им страдания, читая молитвы. Однако такое рвение в ее госпитальной работе не всегда понимала и поддерживала ее греческая семья.

Ольга всегда интересовалась жизнью простых греков, а во время многочисленных разъездов по Греции она открывала для себя многие, не известные ей ранее, стороны жизни народа, очень ему сочувствовала и пыталась всеми силами помочь. Она писала брату Константину после его посещения Америки, что «простые греки — это ее Америка». Греки, видя, как их королева Ольга, очаровательная внешне, любезная, верующая христианка и многодетная мать, быстро выучившаяся говорить по-гречески, увлеченно занимается всеми видами филантропической деятельности (причем без всякого налета саморекламы), несмотря на свою нелюбовь к монархии, начали испытывать чувство уважения и преданности к этой чужестранке, постепенно ставшей для многих любимой королевой.

С годами Ольга Константиновна возглавила в Греции «госпитальное движение», т.е. движение в поддержку раненых, руководила всеми делами греческого Красного Креста¹⁶. В письмах Ольги Константиновны, особенно к брату Константину, подробно описывается ее филантропическая деятельность по строительству больниц, церквей, детской и женской тюрем, приютов для сирот-младенцев, дома для инвалидов и многое другое. Свою общественную деятельность Ольга начала с создания Женского собрания, куда вошли девушки и женщины из лучших греческих семей, — Элени Папаригопулу, Смагда Викела, Элени Скузе, Каллиоппи Кехайя. Королева взяла под свое покровительство процесс женского воспитания и образования, создание школ сестер милосердия в Греции. На свои деньги она давала образование малоимущим гречанкам, а молодых людей посылала в лучшие военные и морские учебные заведения России. По ее инициативе были возведены также новые православные храмы и многочисленные часовни; уже существующие храмы были украшены превосходными иконами и иконостасами, присланными из России; многие священнослужители получали образование в российских духовных семинариях.

Ольге Константиновне принадлежит идея постройки в Афинах крупной, хорошо оснащенной больницы «Евангелизмос» («Благовещение» — О. С.), расположенной неподалеку от королевского дворца. Открывшаяся в марте 1884 г. больница была возведена на деньги рус-

¹⁶ Соколовская О. В. Роль греческой королевы Ольги в переводе Евангелия на новогреческий язык в 1901 г. // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений века. СПб., 2002. С. 213.

ского царя и богатых греков — Сингру, Маразлиса, Раллиса и др., стала крупнейшей в те годы больницей на всем Ближнем Востоке и действует до сегодняшнего дня, а адресом ее является проспект королевы Ольги. «Чистота, тишина, простор, воздух и повсюду неслышно ступающие сестры в белых косынках и передниках, т.е. прелесть — именно то, о чем я мечтала, — с восторгом писала Ольга брату. — Но это, конечно, внешний вид. Однако старшая сестра оказалась хорошей особой и уходом вообще все довольны, но ... сестер еще очень мало (10), многих пришлось отпустить, новых находить ужасно трудно (Восток!!!)»¹⁷. В те времена гречанкам было запрещено ухаживать за больными мужчинами. Ольга Константиновна приложила немало стараний для поиска сестер-милосердия среди гречанок для ее подопечных госпиталей. Казалось, писала она, «что из гречанок невозможно сделать сестру милосердия... Может быть, греческие женщины когда-нибудь почувствуют, что они способны любить христианской любовью и жертвовать собой для блага ближнего! До сих пор в них большей частью говорит расчет и собственная выгода»¹⁸.

По инициативе греческой королевы были приведены в порядок памятники и кладбища. Так, Ольга, глубоко верующая, часто сидевшая у постели умирающих, пришла к решению о необходимости устроить кладбище для греческих солдат. Она говорила, что делает это для их бедных матерей, которые смогут найти своего сыночка и поплакать на его могиле¹⁹. Это заняло немало времени, но в конце XIX в. она уже могла спокойно написать брату. Что «кладбище для солдат устроено — я сама это потребовала от мэра — с военным министром я говорила о непристойном погребении солдат — и это дело улажено и их хоронят теперь как следует»²⁰.

Но особую любовь Ольга Константиновна питала к российскому флоту и русским морякам, которую она пронесла через всю жизнь и заслужила на флоте любовное имя «королева-мать русского флота», а в Греции порой недовольство и некую ревность. Попав в Грецию почти ребенком, Ольга очень рано ощутила тоску по родине. Поэтому русские корабли и моряки, посещавшие Грецию, были для нее частицей ее горячо любимой России, ее неповторимой родной языковой стихией. Это было связано также с её детскими воспоминаниями, ведь отец Ольги был морским министром и генерал-адмиралом флота, и она была окружена моряками и разговорами о них. Кроме того, ее любимый брат Ко-

¹⁷ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 212. Л. 139-140. №27. Татой. 29 сентября (11 октября) 1884.

¹⁸ ГАРФ. Ф.660. Оп. 2. Д. 215. №36. 13(25) октября 1887.

¹⁹ Karolou I. N. Ολγα, η Βασιλισσα των Ελλήνων. Αθήνα. 1934. Σ. С. 94.

²⁰ ГАРФ. Ф.660. Оп. 2. Д. № 9. Татой. 9(21) февраля 1899.

стя, окончив Морской корпус, служил во флоте на Средиземном море. Его первый незабываемый визит в Грецию в качестве гардемарина на винтовом фрегате «Светлана» в 1875 г. также оставил след на всю жизнь. Ольга писала брату, что «гардемаринский якорь...зацепился навсегда за мое сердце»²¹. Ольга Константиновна не упускала случая, чтобы посетить часто приходившие и подолгу стоявшие в то время в греческом порту Пирей русские военные корабли.

Заболевшие русские моряки помещались в небольшой греческий военный госпиталь в Пирее, где возникали постоянные трудности из-за незнания ими языка, и матросы чувствовали себя заброшенными. Королева часто навещала больных и умирающих моряков, лежавших в госпитале в Пирее. Так, в ноябре 1882 г. она писала брату: «Сегодня скончался бедный офицер (черноморский) в госпитале; я его видела в понедельник; довольно старый, но такой симпатичный... Он оставляет жену и двух маленьких сыновей, Господи, как это грустно! На той неделе скончался матросик с «Джигита» от тифа, а теперь предвидится смерть другого матросика с «Азии» ...от скоротечной чахотки. Я с ним долго болтала; бедный, у него жена дома и сын маленький. Знаешь ли, все эти больные, умирающие в чужбине матросики, «муки детищ родной стороны» — это все сюжеты для Некрасовских стихов. Одно хорошо, что они умирают в православной стране, вообрази, их преобщает даже греческий священник, хотя они могут послать и за русским. Этот чахоточный матросик назвал меня матушкой и сам он, голубчик не знает, как он меня этим обрадовал»²². Постепенно Ольга Константиновна задумала создать в Пирее новое кладбище для русских моряков.

Приведем ряд ранее никогда не публиковавшихся писем Ольги Константиновны к брату Константину Константиновичу за 1885 г., когда королева вплотную занялась устройством нового русского кладбища в Пирее. Они показывают ее крайнее равнодушие к судьбам больных, их душе и упокоению, дают представление о том, как создавалось новое Русское пирейское кладбище, ставшее затем Пирейским некрополем²³.

В начале 1885 г. стало известно, что через год все пирейское кладбище будет перенесено на другое отдаленное место, а теперь им занимаемое место уйдет под расширяющуюся гавань. Городское управление обещало Ольге Константиновне отвести «особое место для русских матросов, конечно не отдельно, так как кладбище обще-православное, но ...довольно

²¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 204. Афины. 24 января (5 февраля). 1876.

²² ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 210. № 30. 30 ноября (12 декабря) 1882.

²³ «Домом русского зарубежья» в 2013 г. была издана книга И. Василькиоти «Пирейский некрополь», где собраны имена большинства захороненных там людей. К сожалению, книга пестрит ошибками, как языкового, так и исторического характера. Она не дает представления о роли не только греческой королевы, но, что еще важнее — русских моряков в создании Некрополя.

обширное, чтоб всех хоронить вместе». «А мы уже обнесем его решеткой, — писала Ольга. — Среди этого места, обнесенного решеткой, надо поставить памятник». Королева вместе с адмиралом²⁴ решили открыть подписку для памятника всем скончавшимся здесь матросам. Ольга обращалась к брату в феврале 1885 г. с просьбой открыть подписку на памятник сначала в России, для чего он должен был заказать специальную подписную книгу. По совету ее личного секретаря Николая Николаевича Философова переплет книги был сделан так, чтобы его не испортили — толстым и прочным, так как книга эта должна была переходить из рук в руки. На ней напечатали золотыми буквами «Подписка на памятник в Греции умершим матросам» и стоял крест. Ольга просила брата: «Пока эта книга не будет готова, Ты ничего не говори, а когда Ты ее получишь, то ступай к Папа и попроси его начать подписку. Не знаю, захочет ли Мама в ней принять участие. Но после Папа обратись к Алексею²⁵, к Тебе самому, а если захочешь и к другим, но не вмешивай в это дело таких, кот[орые] ничего не имеют общего с флотом и, главное, с эскадрами, находящимися и находившимися в греческих водах. Сколько вы дадите? Я думала дать 300 фр[анков], но, может быть, это много, так как многие примут в этом участие, денег соберется достаточно, а памятник надо сделать хороший, но простой — крест мраморный на скале, а у подножия его якорь, в скале доска с именами скончавшихся здесь матросов. Здесь уж, наверное, каждый матросик примет в этом участие и принесет свою посильную лепту. Так согласен ли Ты, прелесть моя, помочь мне в этом деле? Приступи к нему сейчас, а главное тихонько, нечего об этом трубить. Когда наберется несколько подписей в этой книге, а, главное, Папа, Алексея и Твоя, то пришли Ты мне ее и здесь мы продолжим эту подписку и, даст Бог, деньги соберутся, памятник и решетка будут заказаны и готовы к тому времени, когда все кладбище перенесется на новое место. Не могу сказать Тебе, до чего я буду Тебе благодарна за помощь в этом деле, которое обратилось в любимую мечту»²⁶. Очень скоро Ольга писала: «Очень, очень благодарна Тебе, что Ты взялся помочь мне в деле подписки на памятник и что Палиголик²⁷ уже заказал книгу; с вашей легкой руки дело пойдет на славу»²⁸, и в другом письме: «Я в восторге

²⁴ Имеется в виду адмирал Степан Осипович Макаров (1848–1904), который в 1894–1995 гг. был командующим эскадрой в Средиземном море.

²⁵ Алексей Александрович (1850–1905), великий князь, сын императора Александра II, генерал-адмирал, главнокомандующий флотом и морским ведомством в 1880–1905 гг.

²⁶ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 218. № 10. Афины. 20 февраля (4 марта) 1885. Там же. № 14. Афины, 16 (28) марта 1885.

²⁷ Так называли Павла Егоровича Кепшена (1846–1911), генерал от инфантерии, с 1879 г. в течение 23 лет был управляющим двора великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны, пользовался большим авторитетом, особенно благодаря своей благотворительности.

²⁸ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 218. Там же. № 16. Афины. 30 марта (11 апреля) 1885.

и страшно благодарна Тебе, что Ты так энергично проводишь подписку на памятник, — деньги Ты оставь пока у себя и пришли только книгу, хотя теперь моряков здесь нет и вряд ли скоро будут»²⁹.

Одновременно Ольга просила брата: «Вели мне нарисовать проект кем-нибудь, не разглашая, однако, еще моего намерения. Я думала, что всего лучше было бы необтесанная скала, а на ней осьмиконечный крест, а у подножия его — якорь...». К письму прилагался рисунок памятника³⁰. Она раздумывала, делать ли памятник мраморным (тогда заказать в Греции) или бронзовым («тогда, конечно, в Питере»).

В июне 1885 г. великий князь переслал книгу подписки в Грецию, и Ольге пришлось даже упрекнуть брата за его легкомысленность. Она писала: «Получила книгу подписки на памятник. А Ты все-таки довольно глупая сеledка, постоянно парящая в областях заочных, какая неблагодарная у Тебя сестра, не правда ли? Да я Тебя уж много раз и письменно, и изустно благодарила за помощь в этом деле, но, но, но... Ты, кроме Шестачка³¹ и Зеленаго³², никому из моряков, побывавших здесь, книги этой не показал, а я уверена, что многие приняли бы участие в этом деле, начиная с В. В. Бутаковой и Гв[ардейского] Экипажа.... но я Тебе очень и очень и очень благодарна и за это начало, — можно считать что собрано 1000 руб., если прибавить Павла, кот[орый] не откажется, и меня грешную. Это, во всяком случае, хороший фундамент; но теперь надо чтоб все здешние Русские, и масса моряков приняли бы участие, хотя только по несколько копеек, чтоб это было общее морское дело. Я так, так рада этому началу!»³³ В середине сентября Ольга Константиновна сообщала брату Константину: «Подписка на памятник пущена в ход, с вашей легкой руки... Так как явился Шестаков, да фрегат «Минин», то я не хотела пропустить этот случай и дала книгу Шестакову; мне ее отдали вчера с двумя исписанными страницами, но это все были только офицеры; тогда я попросила ст[аршего] офицера объяснить дело и дать эту книжку матросам, чтоб каждый из них дал бы одну или две лепты, не более, но чтоб каждый написал свое имя, а неграмотные поставили бы крестики. Три судна примут участие в этом деле: «Минин», «Пластун» и «Эльбрус». Пожалуй, наберется даже больше денег, чем нужно... Ст[арший] офицер на «Минине» — Молаc; его младшая дочка — моя крестница, и по фотографиям ужасно миленькая. Когда он здесь был и другие запи-

²⁹ ГАРФ. Там же.

³⁰ ГАРФ. Там же. № 6. Афины. 31 января (6 февраля) 1885; Там же. № 10. Афины. 20 февраля (4 марта) 1885.

³¹ Шестаков Иван Алексеевич (1820–1888), российский флотоводец, с 1882 — вице адмирал и управляющий Морским министерством.

³² Зеленой Александр Ильич (1809–1892), адмирал, член Адмиралтейств-совета.

³³ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д.218. № 23. Тагой. 8 (20) июня 1885.

сывались в мою книжку»³⁴. Ольга с радостью сообщала вскоре брату: «Подумай, вышло, как я ожидала; наши чудные матросики так сочувственно отнеслись к подписке, что многие, несмотря на то, что им говорили давать только по несколько лепт, подписались на все свое жалование последних месяцев — вот наш народ!... Хочу сказать спасибо вам, русские люди!...»³⁵ Подписка шла очень бодро. Кто же мог отказать королеве. Да в таком благородном деле! В ноябре того же года Ольга писала брату: «Утром был у меня Казнаков, сидел целый час и страшно интересно рассказывал, особенно про все, касающееся флота, что меня так занимает всегда. Он принес мне книгу обратно, кот[орую] я дала ему чуть ли не два месяца тому назад для подписки на памятник. Он говорил мне, что сам удивился до чего сочувственно команда «Дм[итрия] Донского» отнеслась к этому делу, так как Дм[итрий] Донской в первый раз приходит сюда и даже еще не заходил в Пирей, а останавливался в Саламинке. Теперь в этой книге записана кроме членов нашей семьи да здешней русс[кой] колонии, офицеры и команды пяти судов — «Минин», «Пластун», «Дм[итрий] Донской», «Забяйка» и «Сивуч»; денег набралось порядочно; не знаю сколько именно, но наверное около 4000 фр., если не больше; на такую сумму можно поставить хороший памятник, окруженный железной решеткой; надо было бы сейчас заняться им, чтоб у нас все было готово ко времени перенесения кладбища на новое место. Но как взяться за это дело? Сама-то я ничего путного придумать не сумею; думаю обратиться к Палиголику, всеобщему нашему помощнику; он наверное придумает, что-нибудь весьма удачное; я только буду настаивать на том, чтоб где-нибудь на этом памятнике приспособили сломанный якорь и чтоб надпись была хорошая и короткая, н[а] пр[имер] «Русским матросам от земляков». Что касается надписи, то Ты лучше всех ее придумаешь. Ответь только!»³⁶ Ни одно из задуманных Ольгой Константиновной проектов (как теперь говорят) не оставалось незавершенным. Так и с русским кладбищем. Вскоре Ольга писала брату: «На той неделе было перенесение гробов со старого пирейского и Афинского кладбищ, на новое кладбище Пирея; матери Полевого и Волкова изъявили на то свое согласие; кроме этих двух офицеров перенесли еще одного умершего до моего рождения, одного судового священника и певчего здешней церкви. К сожалению, я там не была, чтоб не давать повода к пересудам. Все произошло в высшей степени торжественно, там присутствовал Адмирал, масса офицеров, целый батальон из матросов эскадры и много посторонних. Все косточки были переложены

³⁴ ГАРФ. Там же. № 36. Татой. 2 (14) сентября 1885.

³⁵ ГАРФ. Там же. № 37. Татой. 7 (14) сентября 1885.

³⁶ ГАРФ. Там же. № 48. Афины. 23 ноября (5 декабря) 1885.

в новые белевские гробы, кот[орые] несли матросики на руках; погода была дивная и общее зрелище было замечательно красиво, как мне рассказывали, и трогательно. Для меня офицеры снимали массу фотографий...»³⁷ Хорошо известен факт посещения кладбища цесаревичем Николаем и членами русской эскадры, направлявшейся в плавание на Дальний Восток. Во время стоянки русской эскадры в Греции Ольга Константиновна очень часто посещала эскадру; перед уходом кораблей из греческого порта в 1890 г. королева эллинов с великими князьями посетила Русское кладбище в Пирее, где они слушали панихиду.

Ольга Константиновна, будучи в Греции, всегда следила за порядком на кладбище и на свои средства ставила всем мраморные плиты и кресты. За это деяние ее называли в русском флоте «неусыпной печальницей и радетьницей». Об одном из ее посещений русского пирейского кладбища она писала брату: «Вчера я была на нашем рус[ском] кладбище в Пирее, кот[орое] производит самое отрадное впечатление — надо, чтоб любовь и забота провожала людей до их последнего жилища. Чугунная ограда кругом на мраморной стенке, над каждым матросиком мраморная плита, там и сям над какой-нибудь могилкой, стоячий крест, а в середине памятник с надписью «русским морякам от земляков»; так мирно, просто, хорошо и даже приветливо, если можно так выразиться о кладбище; к тому еще было безоблачное небо и солнце все золотило...»³⁸ На русском кладбище в Пирее после революции в России 1917 г. были похоронены многие русские иммигранты из армии генерала Врангеля, казаки и другие³⁹, которые оказались в Греции не по своей воле. Пирейское русское кладбище, существует и поныне.

В 1891 г. в России неожиданно скончалась от вторых родов старшая 21-летняя дочь Ольги, греческая принцесса, великая княгиня Александра Георгиевна⁴⁰. С этой невозполнимой утраты начинается вторая половина жизни королевы, которую она в основном посвятила госпиталям, где, по ее словам, она отвлекалась от своих горестей и чувствовала себя в своей стихии. Несмотря на возмущение и непонимание семьи, несмотря на опасность заразиться, Ольга проводила там по три дня в неделю и по многу часов, часто оставалась в больнице до часу ночи. Про себя писала брату, что она «род юродивой», и уже в шутку, что она «подает в отставку и идет в сестры милосердия»⁴¹. «Вероятно, — писала

³⁷ ГАРФ. Там же.

³⁸ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 229. № 3. Афины. 12 (24) января 1899.

³⁹ *Гаршин М. Ю.* Королева эллинов Ольга Константиновна // Русская морская зарубежная библиотека. Прага, 1937. С. 25, 39.

⁴⁰ Александра Георгиевна (1870–1891), греческая принцесса, супруга великого князя Павла Александровича.

⁴¹ Ольга была православной и пыталась привить это своим сыновьями См.: ГАРФ. Ф.660. Оп.2. Д.225. Л. 15-16. №4. Афины. 11 (23) января 1897.

Ольга, — это естественно, что ласковые, радостные лица, с которыми встречают меня мои больные, согревают мою душу. Я все более сознаю, что моя стихия — госпиталь...!»⁴² Позже она также писала брату о тяжелой атмосфере в семье, где не понимали ее искренности в отношении к больным, все чаще с ней просто не разговаривали. Об этом она могла написать только брату: «Вот я и погружаюсь всецело в дела благотворительности, кот[орые] стали моею страстью — я чувствую в себе все большую энергию, но мысль, что я б[ыть] м[ожет] своему влечению, как бы полезно оно ни было, жертвую обязанности еще важнее, меня мучает, но право, я всеми силами стараюсь исполнять все обязанности — вероятно я часто ошибаюсь, но Бог видит намерение...»⁴³

Следующим крупным делом Ольги Константиновны стала постройка в Пирее Русского морского госпиталя в память о ее дочери Александре. «Эта мысль мне очень улыбается и я в тот-же день поручила сестре поискать в окрестностях госпиталя нет-ли подходящего для этого помещения», — сообщала Ольга брату⁴⁴. «Сижа⁴⁵ страшно сочувственно отозвался на мое желание построить здесь русс[кий] Морской госпиталь в память Аликс и обещается помочь мне — он даже составил уже какие-то проекты для этого! Я намерена написать О. Иоанну⁴⁶ и попросить помолиться за успех этого дела...»⁴⁷

Горячее участие в ее мечте о госпитале приняла ее подруга О. Н. Каткова⁴⁸, увлеченная в это время просветительскими идеями С. А. Рачинского⁴⁹, советовала ей не ограничиваться постройкой госпиталя, но открыть при нем чайную, библиотеку и читальню «для матросиков, чтоб отвлекать их от разврата и пьянства». Причем О. Н. Каткова советовала ей, «не дожидаясь постройки госпиталя, тотчас же открыть чайную и читальню».

⁴² ГАРФ. Там же. Л. 17–18. № 4. Афины. 11 (23) января 1897.

⁴³ ГАРФ. Там же. № 9. Татой. 9 (21) февраля 1899.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 222. № 12. Афины. 7 (19) марта 1894.

⁴⁵ Так звали в семье великого князя Сергея Александровича (1857–1905), сына императора Александра II, московского генерал-губернатора.

⁴⁶ Иоанн Кронштадтский (1829–1908), священник Православной Русской Церкви, настоятель Андреевского собора в Кронштадте.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 222. №12. Афины. 7 (19) марта 1894. Сама королева в конце века получила диплом сестры милосердия, часто присутствовала на самых тяжелых операциях, делала перевязки больным и всю жизнь принимала хинин, который в то время считался панацеей от всех заразных болезней (ведь ей не раз приходилось находить у постели умирающих от чахотки).

⁴⁸ Каткова О. Н., вдова второго секретаря российской миссии в Афинах, сына известного публициста и издателя М. Н. Каткова (1818–1887). В описываемый нами период О. Н. Каткова была женой английского посланника в Афинах сэра Эдвина Эджертона. Если король Георг I благоволил Эджертону, будучи по своим убеждениям англоманом, то греческая королева Ольга, знавшая О. Н. многие годы принимала ее по-прежнему за русскую и весьма ей симпатизировала. «Леди Эджертон пользовалась, — как вспоминал посланник в Афинах Ю. Я. Соловьев, — «полным доверием королевы» // *Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. М., 1959. С. 122.*

⁴⁹ Рачинский Сергей Александрович (1883–1902), ученый, педагог, член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук. Бросив профессорство, уехал в деревню, где занимался просвещением крестьян, создал церковно-приходские школы, знакомый Л. Н. Толстого.

О. Н. Каткова советовала Ольге Константиновне написать Рачинскому, чтоб спросить, «как обставить дело так, чтоб оно было привлекательно для матросов, а то они, пожалуй, не станут ходить, и прежние дурные места будут иметь исправно больше прелести для них». Ольга в письме к брату рассуждала и сомневалась: «Чем их занять — сумеют-ли они сами заниматься чтением или-же им читать вслух, или лекцию о чем-нибудь; здесь, далеко от России, конечно все гораздо труднее, пот[ому] людей нет, кому мне поручить такое дело, кто сумеет в него душу вложить? А все-же так хочется пользу принести нашим матросам, оторванным от родных сел и деревень и проводящих свободное время на берегу в ущерб самим себе... Но как это сделать? Одного чаепития не довольно! Я подумаю хорошенько и пришлю Тебе письмо для С. А. Рачинского»⁵⁰. Однако письмо к Рачинскому не выходило, и сомнения стали все больше изводить королеву. Она писала в очередном письме к великому князю: «...Не могу же я делать излишние в моих чувствах к народу — а это чувство именно и есть то, что меня заставляет любить и уважать Рачинского, и умиляться, читая его книгу; О. Н. говорила, чтоб я спросила его совет касательно устройства читальни, я это и написала в черновом (глупейшем) письме, спрашивала, какие книги следует завести; но это глупый вопрос, пот[ому] я это сама знаю, только что прочла в его-же книге, что именно нравится народу; эти книги я и выпишу; кроме того я получаю для матросов «Досуг и дело» и «Сельский Вест[ник]». Я выпишу много экземпляров Троицких листков и вообще книги, писанные для народа, житие Святых, оборона Севастополя и много других заглавий, кот[орые] у меня есть. Видишь ли, выходит, что я сама знаю, что нужно для народной библиотеки, так что нечего его беспокоить вопросами.

Есть два важных вопроса, но вряд ли он будет в состоянии дать ответ, пот[отому], что здесь совсем другие условия, чем в деревне. Один вопрос: как сделать чайную и читальню привлекательными для матросов?

Второй вопрос: как их отвлечь от кабаков и пьянства?

Чай они, пожалуй, охотно будут пить, а потом? Многие читают с таким трудом, что им чтение не может служить ни отдохновением, ни удовольствием, если Рачинский это услышит, то мне кажется, что он ответит следующее: читайте им вслух, или рассказывайте заранее прочитанное. Не правда ли? Опять-таки что же его беспокоить вопросами! Пожалуй здесь найдутся люди, кот[орые] с удовольствием постараются занять матросов, хотя русс[кая] колония немногочисленная и не у всех б[ыть] м[ожет] хватит терпения и последовательности в этом деле, средства у нас весьма ограниченные, ведь мы не в России, увы.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 222. №13. Афины. 8 (20) марта 1894.

Главный вопрос это пьянство. Общество трезвости можно ли здесь учредить среди сотен матросов, приходящих и уходящих. Кто с ними об этом заговорит? Конечно, начальство им постоянно внушает и убеждениями и наказаниями, что нехорошо пить, но это не то! Вот если б благой пример был подан офицерами, как Рачинский первый подает пример трезвости, то было-бы другое дело может быть! Я боюсь, что наша чайная, да читальня никогда не будут иметь той притягательной силы, что кабаки. Все же, несмотря на это, я непременно хочу, чтоб к Святой чайная была бы открыта; попробовать не мешает, авось хоть малая толика добра выйдет из этого — лучше работать понемногу как крот, чем сидеть, сложа руки...»⁵¹

Ольга тут же начала переговоры о чайной для матросов, но хозяин кофейни, которую они присмотрели для чайной, не хотел уступать свой бизнес и даже «презренный металл» не смог убедить его «отказаться от своих прав». В апреле королева писала, что «дело чайной все еще не улажено». Ольга всерьез начала сомневаться, «что чайная могла-бы вылечить «ангелов» от их любимого времяпровождения»⁵². Секретарь Ольги Константиновны Н. Н. Философов беспокоился также о беспорядках, какие могли бы учинить пьяные матросы и считал, что нужно там поставить патруль. Ольга возражала (слова из ее письма к брату): «Я с этим не согласилась, матросики, кот[орые] будут пить чай, сами сумеют справиться с пьяными, если такие и зайдут в чайную; вообще я убеждена, что они будут вести себя примерно, зная, что эта чайная устроена для их же пользы. Сколько лет уже они ходят во дворец и как одни себя прелестно ведут — их можно всяким господам в пример поставить. ...Я думаю, что Ты со мной согласен!? Страшно меня занимает мысль, удастся ли моя затея — или выйдет только сентиментальной попыткой, премилой в теории и неприменимой в действительности»⁵³. В марте отец Иоанн Кронштадтский благословил греческую королеву на ее «предприятие». Она тут же задумалась о сборе средств на госпиталь и все остальное⁵⁴. Семья Романовых помогала Ольге, как могла, не только средствами, но и присылкой литературы для матросов. Уже весной Ольга получила ящики с книгами.

Большие трудности возникли у королевы с местными властями по поводу выделения участка под строительство морского русского госпиталя. «У меня еще ни копейки не собрано на морской госпиталь. Я хотела просить пирейскую думу дать мне землю для постройки

⁵¹ ГАРФ. Ф.660. Оп. 2. Д. 222. №14. Афины. 15 (27) марта 1894.

⁵² ГАРФ. Там же. № 20. Афины. 6 (18) апреля 1894.

⁵³ ГАРФ. Там же. №15. Афины. 21 марта (2 апреля) 1894.

⁵⁴ ГАРФ. Там же. №16. Афины. 23 марта (4 апреля) 1894.

госпиталя, но не решаюсь этого сделать, пот[ому] что предвижу не только затруднения, но даже оппозицию, так как больные матросы, это единственный доход пирейского городского госпиталя; и новый госпиталь явится нежелательной конкуренцией, так что мне не хочется обращаться к городскому голове и к думе; кстати, на берегу моря, недалеко от существующего госпиталя, есть великолепный дом, кот[орый] продают за бесценок, т.е. за 120 000 драхм, что по теперешнему дурному курсу составляет 24 000 рублей; я просила Ник[олай] Ник[олаевича] пригласить с собой русс[ких] морских докторов и с ними осмотреть дом, чтоб удостовериться, пригоден ли он для госпиталя; местоположение его право идеально. Мама получила только что 400 000 рублей на консерваторию — если б мне дали 50 000!!!»⁵⁵ Многие в России обещали Ольге Константиновне свое содействие и материальную помощь — молодой, только ставший императором Николай II, Сижа, Алексей, купец Протопопов в Москве, генерал Богданович⁵⁶ и др.⁵⁷ «Именно 30 т[ысяч] мне нужны для покупки дома под госпиталь!!! После этого можно было бы... открыть подписку для образования капитала и войти в сношение с морским ведомством об обозначении известного числа кроватей!!!! ...Скажи об этом Ники, если это только можно!!! Он мне обещал помочь, когда услышал о моей мечте — я его не просила, он сам вызвался самым милым, ласковым образом! И покойный, дорогой наш Царь обещал помочь! Когда сестры, Марии Ник[олаевны] и меня не станет, то кто будет заботиться об «ангелах» здесь? Конечно никто!!! Б[ыть] м[ожет] к тому времени и эскадры здесь больше не будет, но все же так было бы хорошо иметь здесь русский госпиталь с сестрами, кот[орые] ходили бы за бедными и больными греками и имя которых благословлялось бы бедными! Французы, своей благотворительностью, через разных сестер, в большой мере поддерживают свой престиж на Востоке!»⁵⁸

Одной из серьезных причин, по которой она мечтала о постройке своего госпиталя, были неприемлемые для Ольги порядки, которые установили в госпитале греческие местные власти. Ольга писала брату: «...В госпитале в Пирее, с новым городским головою, переменили всех, сверху донизу, мне только удалось отстоять хирурга; разве может благотворительное заведение существовать при таких условиях?! Я нахожу, что это всеобщая, все захватывающая деморализация — сами принципы такие! Например: на кладбище, где участок уступлен горо-

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 223. №5. Афины. 17 (29) января 1895.

⁵⁶ Богданович Евгений Васильевич (1829–1914), генерал от инфантерии, писатель.

⁵⁷ ГАРФ. Там же. №9. Афины. 6 (18) февраля 1895.

⁵⁸ ГАРФ. Там же. №21. Афины. 28 марта (9 апреля) 1895.

дом под русс[кое] кладбище, кот. все более и более принимает благообразный вид, есть сторож с семьей; этого совсем простого человека тоже сменили, как он ни просил и ни плакал — мэр, нисколько не стеснясь, ответил на ходатайство Messala: “вы знаете наши порядки — я уже давно обещал это место другому, а на каждое место есть 10 кандидатов; впрочем этот сторож пользовался этим местом уже столько времени, пусть поживится и другой!...” Прелестные справедливые воззрения; как тут не возмущаться! Помог бы мне Господь собрать достаточно денег, чтоб открыть русс[кий] госпиталь поскорее и отделаться от всех этих господ»⁵⁹.

Об активности Ольги говорят ее письма. Так в январе 1895 г. она пишет: «Я усердно исполняю свою службу — принимаю массу дам через день; все утро на это уходит; разъезжаю по госпиталям и другим заведениям; вообще дела достаточно; на днях тоже была на русс[ком] кладбище, чтоб удостовериться, так ли оно устроено, как следует; нашла, что довольно хорошо»⁶⁰. Разве могло случиться так, что идея госпиталя осталась бы на бумаге? Конечно, нет! К 1897 г. госпиталь начал свою работу, а окончательно был открыт в 1902 г. Особой заботой там были окружены заболевшие русские моряки. В русской больнице теперь весь персонал говорил по-русски, при больнице была построена крохотная церковь св. Ольги и был русский священник. Одно время им был Крахмалев — известный священник и духовник Ольги Константиновны. У входа в больницу стояла копия статуи Иисуса Христа работы датского скульптора Торвальдсена. В Русском госпитале могли бесплатно лечиться и греки, проживавшие в беднейшем районе — Пирее.

Средства на постройку госпиталя были получены из Петербурга, причём, большая часть представляли собой доход от таможенных сборов от торговли греческой коринкой в России, которые в виде знака особого благоволения к Греции и к королеве было решено переводить целиком на ее благотворительные нужды. На содержание госпиталя тратились также большие суммы из личных средств Ольги. Уже в январе 1897 г., Ольга писала брату 7 (19) июля 1897 г. из Афин: «Как мне отрадно и утешительно видеть, что наши доктора и сестры сумели внушить раненым такую любовь и такое доверие!»⁶¹ Одним из самых любимых ее пациентов Русского госпиталя в эти годы стал юный греческий эвзон (гвардеец) Павлос, участник греко-турецкой войны 1897 г., которого Ольга не только окружила материнской заботой, но построила для него, к неудовольствию короля, маленький домик в Татое. Затем она вызвала туда

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 223. №52. Афины. 2 (14) декабря 1895.

⁶⁰ ГАРФ. Там же. №6. Афины. 23 января (4 февраля) 1895.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 225. Л. 26-28. Афины. 7 (19) июля 1897.

его сироту-племянника и мать, и обучила Павлоса искусству звонаря, выписав учителя из России⁶².

Ольга настолько искренне занималась делами благотворительности, что ее мало волновало мнение окружающих и даже членов семьи, которые ее рвение не одобряли. «Я даже не знаю, что об этом думают, одобряют ли мои старания, или нет, б[ыть] м[ожет] находят, что это совсем не мое дело, я положительно не знаю; прежде я все боялась, вмешиваться не в мое дело, но видя, что никто своего дела не делает, то я вмешалась и весьма легко добилась, чего хотела. ...Офицеры и солдаты очень довольны — всегда отраднo чувствовать, что кто-нибудь о вас заботится»⁶³.

По распоряжению императора Николая II греческой королеве каждый год, начиная с 1896 г. возвращались деньги от налога на ввозимую в Россию коринку, не менее 100 тысяч рублей. Ольга с радостью писала брату, что «Теперь, по крайней мере, можно быть спокойным, что эта сумма не попадет в бездонные пропасти греческих финансов. Теперь я буду употреблять их на то, что мне кажется необходимым для народа»⁶⁴. На российские деньги Ольге Константиновне удалось сделать еще немало. В том числе она окончила строительство церкви Святого Константина в Афинах, построила женскую тюрьму, часть денег пошла на помощь неизлечимым больным, на постройку купален для солдат, («кот[орые] никогда не моются, пот[ому что] негде, что противно и анти-гигиенично»); Также, писала сама Ольга Константиновна, несколько тысяч драхм она употребила на улучшение условий в афинском госпитале, и, «наконец, можно было открыть и русский госпиталь в Пирее на 50 000 в год и понемногу составлять ему капитал»⁶⁵.

Ольга Константиновна за свою жизнь сделала так много добрых дел, что перечислить все в одной статье было бы невозможно. Ее жизнь, полная искреннего стремления помогать окружающим, не жалуясь ни на какие собственные потери, может быть примером для многих. Ее доброе имя уже вошло в историю.

⁶² ГАРФ. Там же. №4. Афины. 11 (3) января 1897.

⁶³ Там же.

⁶⁴ ГАРФ. Ф.660. Оп. 2. Д. 229. №32. Татой. 5 (17) июля 1899.

⁶⁵ Ольга Константиновна так распределяла полученные из России деньги: «100 т[ысяч] на церковь Св[ятого] Конст[антина], 200 т[ысяч] на женскую тюрьму или 100 т[ысяч] на составления капитала хрон[ическим] больным, 50 т. на русс[кий] госпиталь; 30 т. на полы в госпитале, 30 т. солд[атские] ванны, остается около 100 т[ысяч] на многое другое». ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д.229. № 32. Татой. 5 (17) июля 1899.

Д. Н. Копелев
Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена, Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова Российской академии наук

Великий князь Константин Николаевич и назначение Ф. П. Литке президентом Академии наук в 1864 г.

В истории институтов власти особое место занимают сложные и малоизученные вопросы, касающиеся изучения кадровых назначений. Лаконичные формулировки об увольнениях и перестановках — не более чем бюрократически формальные записи, своего рода вехи в послужных списках, проливающие мало света на механизмы принятия тех или иных решений. На основании их изучения почти невозможно вычлениить и проанализировать многочисленные факторы, характеризующие сложную социальную игру, сопровождавшую кадровые решения. Это тем более актуально при изучении реалий Российской империи с ее специфическими властными традициями, когда большинство вопросов административного характера решались келейно и не попадали на «суд» широкой общественности. Как осуществлялся доступ к власти, и какие интриги скрыты за формальными приказами о назначениях, возможно ли проникнуть в бюрократическую «лабораторию» и проследить за процессами назначения на государственные посты.

Как нам представляется, при анализе подобных сюжетов следует отталкиваться, в первую очередь, от источникового массива документов вневедомственного характера, привлекая по возможности личные дневники, мемуары и переписку участников событий, отразившую содержание происходивших между ними частных бесед, распространяемые слухи, собственные рассуждения по поводу возможных назначений. Это позволит не только прикоснуться к «теневым» сторонам подобных сюжетов и глубже понять специфику тогдашней общественной атмосферы, но и при условии достаточной откровенности авторов разглядеть в лабиринтах придворных и ведомственных интриг многообразные родственные «подоплеки» и протекционистские стратегии, что приблизит исследователя к более глубокому пониманию специфи-

ческих особенностей правительственной политики. Некоторые аспекты затронутой проблемы демонстрирует история назначения адмирала Федора Петровича Литке президентом императорской Академии наук, развернувшаяся в 1864 г. на фоне ожесточенного противостояния либеральных и консервативных тенденций русской общественной жизни в период Великих реформ.

Кулуарное обсуждение кандидатуры будущего президента было вызвано тяжелой болезнью тогдашнего президента Академии наук, графа Дмитрия Николаевича Блудова. Умудренный жизнью сановник, в молодости склонный к «немалому свободомыслию»¹, за долгие годы пребывания на вершине бюрократической пирамиды приобрел огромный административный опыт и влияние в высших сферах и мог, по словам хорошо осведомленного неперменного секретаря Академии Константина Степановича Веселовского, «езде отстаивать достоинство и честь Академии»². В частности, и это особо отмечалось многими по большей части консервативно настроенными академиками — защищать интересы Академии наук и «заслонять» ее от активно вмешивавшегося в ее внутреннюю жизнь министра народного просвещения Александра Васильевича Головнина³. Взятый им на вооружение курс преобразований в министерстве народного просвещения, в чьем ведомстве находилась Академия, рассматривался в качестве составного звена либеральных реформ, общепризнанным проводником которых считался патрон Головнина, великий князь Константин Николаевич⁴.

К началу 1864 г. великий князь, незадолго до этого лишившийся поста наместника Царства Польского, находился в Германии⁵, однако благодаря Головнину, поддерживавшему с ним активную переписку, был в курсе всего, происходившего в Петербурге, и, в частности, располагал точными сведения о состоянии здоровья президента Академии. «Граф Блудов

¹ Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 118.

² СПФ РАН. Ф.24. Оп.1. Д.42. Л.66 об.

³ О Головнине см. подробнее: Гальперина Б. Д. Александр Васильевич Головнин и его «Записки для немногих» // Головнин А. В. Записки для немногих. СПб., 2004. С. 15–24.

⁴ Головнин А. В. Записки для немногих... С. 215. Тесно связанный с великим князем, Головнин долгое время был его личным секретарем, а также являлся первым секретарем патронируемого Константином Николаевичем Русского географического общества. Кроме того, Головнин руководил либеральным «Морским сборником», печатным органом морского ведомства, управляемого великим князем (О взаимоотношениях великого князя Константина Николаевича и Головнина см.: Шевырев А. П. «Вы» и «ты»: великий князь Константин Николаевич и А. В. Головнин в переписке // Вісник Чернігівського університету імені Т. Г. Шевченка. Випуск 87. Серія: Історичні науки. № 8. Чернігів, 2011. С. 201–206; Он же. Во главе «константиновцев»: великий князь Константин Николаевич и А.В.Головнин // Александр П. Трагедия реформ: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: Сб. статей. СПб.: Издательство Европейского университета, 2012. С. 51–69. О деятельности Головнина на посту министра см.: Стаферова Е. Л. А. В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 годов). М., 2007.

⁵ Завьялова Л. В., Орлов К. В. Великий князь Константин Николаевич и великие князья Константиновичи. СПб., 2009. С. 163.

видимо слабеет и теперь несколько дней не выезжает, — писал 16 января 1864 г. великому князю Головнин. — Я видел его сегодня, и он рассказал много интересного»⁶. Министр просвещения был обеспокоен растущим интересом к графу со стороны «клерикальной партии», и специально подчеркнул, что его посетил митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор, склонявший умирающего к поддержке своих планов по реорганизации народных школ. Настаивая на усилении роли духовенства в образовании, представители церкви, к неудовольствию Головнина, хотели воспользоваться глубокой религиозностью и «старческой дряхлостью» Блудова и в глазах императора выставить его сторонником создания особого комитета под руководством митрополита, призванного заведовать народным образованием во всей империи⁷.

К началу февраля здоровье Блудова резко ухудшилось — по мнению Головнина он «может протянуть только несколько недель». 5 февраля графу стало очень дурно: «он простился со своими близкими и с государем, причем он просил государя быть добрым, не смущаясь тем, что его будут называть слабым. Надобно сказать правду, — комментировал Головнин, — что он попал очень метко, ибо немало этим средством обыкновенно стараются склонить государя к мерам, которым дают название энергических, твердых и которые в сущности составляют политику Муравьева»⁸.

Как раз в это время великий князь сообщил Головнину, что собирается приехать в Петербург и получил в ответ предупреждение проявлять при приезде особую осторожность. «Столица, — писал Головнин, — более чем когда-либо сделалась сплетницей». Возвращение Константина Николаевича вызовет всеобщий интерес, и «Вы будете здесь несколько времени *le lion du jour*». По мнению министра, великий князь должен вести себя крайне осмотрительно, не выказывая своей осведомленности в столичных делах и не демонстрируя своих взглядов. Лучше всего, советует Головнин, «сделать вид, что Вы ничего не знаете о происходящем... ибо иначе мне припишут роль шпиона». Предостерегая Константина Николаевича от излишних комментариев, он рекомендует ему «быть со всеми добрым и не вдаваться в объяснения»⁹.

⁶ РГА ВМФ. Ф.224. Оп.1. Д.338. Л.6 об.

⁷ Среди посетителей Блудова были также товарищ обер-прокурора Святейшего Синода и статс-секретарь императора князь С. Н. Урусов, а через близкого к нему историка М. О. Кояловича с ним хотели встретиться митрополит Киевский и Литовский. Немалое влияние оказывал на графа и его духовный отец, Василий Борисович Бажанов, духовник императоров Николая I, Александра II и Александра III (Блудова А. Д. Последние дни жизни графа Дмитрий Николаевича Блудова // Блудов Д. Н. Мысли и замечания. С приложениями. СПб.: Типография II отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1866. С. 57, 58).

⁸ РГА ВМФ. Ф.224. Оп.1. Д.338. Л.22 об. Имеется в виду генерал-губернатор Северо-Западного края граф Михаил Николаевич Муравьев-Виленский («Муравьев-Вешатель»), сторонник «твердой руки», подавивший польское восстание.

⁹ Там же. Л.26.

Развязка наступила 19 февраля 1864 г. — граф Блудов скончался. Головнин немедленно отправил Константину Николаевичу извещение о случившемся, в котором сообщил, что смерть графа «произвела большое движение между лицами, которые рассчитывают на получение его служебного наследства, и явились разные толки о том, кто будет его преемником». Ситуация, по мнению Головнина, оказалась очень сложной. Дело в том, что покойный граф занимал две ответственные должности: он председательствовал в Государственном Совете и был президентом Академии наук. Кто теперь займет освободившиеся посты? События накатывались с молниеносной быстротой, решение должно было быть принято в считанные дни!

По столице распространились слухи о том, что пост председателя Государственного Совета займет великий князь Константин Николаевич. «Говорят, будто с Вашим Высочеством происходили телеграфические переговоры о назначении Вас председателем и будто Вы отказались, не знаю, есть ли в том сколько-нибудь правды», — писал Головнин великому князю. В отношении этого назначения он опять-таки предпочитал занять выжидательную позицию: «Копошится бездна интриг, чтоб помешать назначению Вашего Высочества председателем Совета, и это весьма вероятно, но, находясь совершенно в стороне от этого мира придворных интриг, не имея связей и доверенных лиц, я не могу следить за тем, кто и что делает»¹⁰. Не лучше ли смириться с назначением председателем князя Павла Павловича Гагарина, который, как иронизирует Головнин, «этому очень рад», и вернуться к обсуждению вопроса осенью. Совет Головнина, по-видимому, был принят: уже в январе 1865 г. великий князь Константин Николаевич возглавил Государственный Совет, на посту председателя которого он будет находиться до своей отставки в июле 1881 г.

Вопрос же о назначении президента Академии наук также был прерогативой высших властей и по срокам был решен столь же стремительно, как и в случае с Гагариным. Все решилось в три дня — 23 февраля вышел императорский указ о назначении новым президентом адмирала Федора Петровича Литке, с оставлением ему всех занимаемых должностей и в звании генерал-адъютанта¹¹.

Для многих в Академии наук известие об этом прозвучало как «гром среди ясного неба». Веселовский, например, узнал о новом назначении во время отпевания Блудова в Александро-Невской лавре: «При этом

¹⁰ Там же. Л.28.

¹¹ СПФ РАН. Ф.34. Оп.1. Д.9. Л.31, 31 об. Назначение преемника Литке, графа Блудова, заняло более длительный срок: граф С. С. Уваров скончался 4 сентября 1855 г., Блудов же стал президентом Академии лишь спустя два с лишним месяца — 26 ноября 1855 г.

известии у меня так и ёкнуло сердце»¹². Во-первых, Литке, хотя и был членом-корреспондентом Академии, в силу военно-морской профессии считался «человеком со стороны», чужаком в академических кругах, что, разумеется, повлекло за собой специфическое, подчас негативное отношение к его назначению. «Он известен как хороший моряк и как очень неуживчивый человек», — раздраженно прокомментировал в дневнике академик А. В. Никитенко. — Право, можно бы сделать выбор поумнее и сообразнее с настоящими обстоятельствами. Отчего, например, не Корф? Отчего не Строганов?»¹³ По-видимому, смущал академика, не столько авторитарный стиль управления, присущий военно-морскому офицеру. В большей степени его волновали другие вопросы: новый курс президента и «патриотическая» подоплека событий, связанная, по замечанию историка Академии наук С. И. Романовского, с «несоответствием между ... национальным достоинством и “вне-национальным” составом Академии наук»¹⁴. Видя в новом президенте «большого покровителя своих немцев-соотечественников», Никитенко усмотрел за назначением явную правительственную тенденцию: «Очевидно, это выбор Головнина. В полунемецкую Академию немца, видно по всему, что Головнин большой патриот»¹⁵.

В своих воспоминаниях Веселовский проливает свет на некоторые детали, сопровождавшие назначение Литке. Незадолго до смерти Блудова Головнин пригласил его к себе и провел первую «рекогносцировку». «Кого бы Академия желала себе президентом», — спросил он своего бывшего лицейского товарища. Константин Степанович уклонился от прямого ответа, заявив, что подобный вопрос академики не обсуждали (! — Д. К.), и «он ни о чем подобном не слышал». Тогда Головнин перебрал несколько имен, не останавливаясь, впрочем, ни на одном, тем самым давая понять, что «сам еще не имеет подходящего кандидата». Веселовский, впрочем, решил прозондировать почву и осторожно заметил, что «возможна еще другая комбинация, соединяющая звание президента с должностью министра просвещения». Головнин, однако, не счел нужным пускаться в обсуждение этой скользкой темы, наводящей на воспоминания об опыте графа Сергея Семеновича Уварова, совместившего посты министра народного просвещения и президента Академии наук, и горячо возразил: «О нет, это теперь было бы неудобно!» «На этом, — продолжает Веселовский, — кончилась наша беседа, в течение которой ни разу не было упомянуто

¹² Веселовский К. С. Время президентства графа Д. Н. Блудова в Академии наук, 1855–1864 // Русская старина. 1901. Т. 108. № 12. С. 528.

¹³ Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. М., 1955. С. 413.

¹⁴ Романовский С. И. Наука под гнетом российской империи. СПб., 1999. С. 134.

¹⁵ Никитенко А. В. Дневник ... С. 413.

имя того, кто пять-шесть дней после был посажен на президентское кресло»¹⁶.

История, однако, на том не закончилась и вскоре получила продолжение. «Тотчас по смерти Блудова, я был призван к Головнину», — рассказывал Веселовский в своих неопубликованных записках. Разговор этот произошел, по-видимому, 20 февраля и внезапно принял новый оборот. «Самым лучшим президентом был бы конечно великий князь Константин Николаевич, — заявил Головнин, — но президентство его нужно было бы обставить большим блеском, умножить число членов, снабдить академию большими средствами для ученых предприятий и пр., но для всего этого нужно много денег, а их теперь не дадут»¹⁷. В дальнейшем беседа протекала в привычном русле и не внесла никакой ясности. «Казалось, что перебор разных имен был делаем Головниным лишь для вида, как бы неискренне, а что собственные мысли им не высказывались». Веселовский, впрочем, признавался, что не мог избавиться от ощущения, что Головнин ждет от него возвращения к теме о совмещении должностей министра и президента, «но я был умышленно недогадлив»¹⁸.

Насколько искренен был «сухой, холодный, умный, изворотливый»¹⁹ министр и мог ли он доверять своему собеседнику, крепко державшему в своих руках нити академических интриг? Головнин находился в сложном положении, и, возможно, знал далеко не все о намерениях великого князя. Возможно, как и в случае с предполагаемым председательством Константина Николаевича в Государственном совете, он получал запоздалую информацию из вторых рук. Однако, в том, что касалось назначения президента Академии наук, ему, как министру народного просвещения, следовало держать события под контролем. Питаясь слухами, он, возможно, вынуждено ставил перед собой такую дилемму. Удовлетворит ли подобный пост амбициям великого князя Константина Николаевича, крупнейшего политика Российской империи, генерал-адмирала флота и фактического руководителя Морского ведомства. А если это не так, то возможно ли было выпускать императорскую Академию наук из орбиты влияния «константиновцев», либерального лагеря европеизированной бюрократии?

Оказавшись в цейтноте, Головнин должен был решать вопрос немедленно. В подобной ситуации, неожиданное выдвижение им «темной лошадки» в лице Литке, старинного друга своего отца, много сделавшего

¹⁶ Веселовский К. С. Время президентства графа Д. Н. Блудова в Академии наук ... С. 528.

¹⁷ ПФА РАН. Ф.24. Оп.1. Д.42. Л.60.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Никитенко А. В. Дневник. Т.2. С. 256.

для самого Головнина, следует рассматривать, разумеется, не только как дань признательности адмиралу. Было ли решение о кандидатуре Литке согласовано с великим князем? Информации на этот счет найти не удалось, хотя, в качестве догадки можно предположить, что подобные договоренности между ними существовали. Поставленный в жесткие временные рамки и не представляя доподлинно всех маневров, происходивших в лагере великого князя, Головнин вынужден был вести собственную игру. Тем более что он помнил об обстоятельствах собственного назначения: «Великий князь вовсе не участвовал в назначении его министром. Мысль эта принадлежала самому государю, который действовал самостоятельно. Государь решился на это осенью 1861 г., когда великий князь был на острове Вайте, и сообщил ему только по возвращении в Петербург и как о намерении окончательно принято. Вообще в то время многие ошибочно приписывали великому князю стремление заместить должности всех министров преданными ему лицами и ошибочно воображали, будто государь находится под влиянием своего брата. Великий князь вовсе не имел помянутого стремления, и государь всегда действовал самостоятельно»²⁰.

«Я давно уже думал, — писал Головнин великому князю 21 февраля 1864 г., — кто был бы всех получше в этой должности, и мне казалось, что лучшим президентом Академии по своей любви к науке, сочувствию к деятельности Академии, близкому знакомству с ее членами был бы Ф. П. Литке. Поэтому и желая, чтобы другие не предупредили меня, я писал государю вскоре по кончине графа Блудова о назначении Федора Петровича президентом Академии, изложив вкратце его права и ожидаемую пользу. Государь на это назначение согласился и приказал представить к подписанию бумаги после похорон Блудова»²¹. Таким образом, заручившись поддержкой Александра II, Головнин ставил своего патрона перед свершившимся фактом.

Впрочем, выбор Литке в глазах великого князя, по-видимому, был беспроигрышным — слишком многое связывало Константина Николаевича со старым моряком. Федор Петрович с 1832 до 1848 гг. неотлучно состоял при великом князе, после чего до 1852 г. был его попечителем и тот сохранял со своим бывшим наставником доверительные отношения²². «Благодаря Федору Петровичу Литке, — признавался великий князь государственному секретарю Е. А. Перетцу, — я с молодых лет

²⁰ Головнин А. В. Записки для немногих... С. 215.

²¹ РГА ВМФ. Ф.224. Оп.1. Д.338. Л.27.

²² Об отношениях великого князя и Литке см.: *Житков К. Г.* Светлой памяти великого князя Константина Николаевича, генерал-адмирала Русского флота. СПб., 1912; *Воронин В. Е.* Великий князь Константин Николаевич: становление государственного деятеля. М., 2002; *Копелев Д. Н.* На службе Империи: Немцы и Российский флот в первой половине XIX века. СПб., 2010.

питал уважение к наукам и верил в необходимость поступательного движения на пути просвещения» и сблизился с людьми «самых разнообразных слоев общества и потому узнал многое, о чем мы, великие князья, вообще не имеем понятия»²³. О большом влиянии Литке на великого князя сохранились свидетельства и ближайших родственников Константина Николаевича²⁴.

Впрочем, в истории с назначением Литке, незримо присутствовал еще один важный момент. Дело происходило в разгар Великих реформ, и вопросы преобразования академических институтов неминуемо выходили на первый план²⁵, привлекая к Академии наук широкий общественный интерес²⁶. В связи с этим, назначение нового президента, тем более, такого как Литке, сдержанного, внешне холодного, рационального ученого-географа, напрямую не связанного с Академией наук, не могло расцениваться иначе, как отголосок противостояния различных политических лагерей и попытка установления контроля над этим важным научным учреждением.

Академия наук настороженно приняла новое назначение, увидев в новом президенте симптомы грядущих перемен, происходивших в министерстве народного просвещения. Литке, по мнению многих академиков, не являлся самостоятельной фигурой — за ним стояли великий князь Константин Николаевич и «честолюбивый эгоист» Головнин. «Более неудачного выбора нельзя было сделать, — язвительно записывал в воспоминаниях Веселовский. — Теперь Головнин достиг своей цели и мог распоряжаться Академией на свой манер. Он помыкал старым адмиралом безо всякой церемонии, а тот был в экстазе от ума Головнина»²⁷. На место влиятельного светски любезного сановника и добродушного графа Блудова пришел человек, совершенно другого круга — требовательный приверженец военной дисциплины с сухими угловатыми манерами, чужак, «матрос», как прозвали его академики. Многие из них, в особенности из числа ученых, занимавшихся гуманитарными науками, видели в нем не только креатуру Головнина, но и пристрастного «заступника и ходатая по Балтийским интересам пред высшими сферами», опиравшегося внутри Академии на узкий кружок своих старых остзейских знакомых из Русского географического общества.

Литке прекрасно отдавал себе в этом отчет и понимал, что приход

²³ Цит. по: *Воронин В. Е.* Великий князь Константин Николаевич... С. 43.

²⁴ См., например: Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Мемуары. М., 2001.

²⁵ *Соболева Е. В.* Борьба за реорганизацию Петербургской Академии наук в середине XIX в. Л., 1971.

²⁶ *Копелев Д. Н.* Деятельность Императорской Академии наук в восприятии российского общества (1864–1866 гг.) // В печати.

²⁷ ПФА РАН. Ф.24. О.1. Д.42. Л.60.

в Академию станет для него серьезным испытанием. Выступая с краткой речью на заседании общего собрания Академии наук 24 февраля 1864 г., Литке проявил осторожность и заявил: «Не без смущения проходя мысленно ряд знаменитостей, предшествовавших мне в этом звании, я спрашиваю себя: Чему же я обязан этой честью? — Я простой моряк, ни первоначальным образованием, ни последовавшею общественной деятельностью не подготовленный к столь высокому призванию? На этот вопрос нахожу я один только ответ. Без сомнения, я обязан этим ничему иному, как любви и уважению к науке, которые я питал в продолжении всей моей жизни, и движимый которыми когда-то и я принес мою лепту, лепту вдовицы, на алтарь науки. Достаточно ли одного этого условия, чтобы дать право председательствовать в кругу знаменитейших представителей науки в нашем отечестве, — об этом судить не мне. Но его было достаточно, чтобы обратить на меня внимание Академии, когда она 35 лет тому назад удостоила меня звания своего члена-корреспондента; его достаточно было, чтобы положить основание давнишним более или менее близким отношениям моим к многим, к большей части из вас, милостивые государи. Таким образом, я не совсем чужим являюсь между вами, и вы найдете во мне то же уважение в науке и ту же ревностную готовность служить ей, какие одушевляли мою молодость и не оставляют меня в старости»²⁸. Вслед за новым президентом выступил академик Никитенко, в своей речи давший высокую оценку деятельности предшественника Литке — графа Блудова, представленного им в роли крупнейшего преобразователя академической науки²⁹. Акценты были расставлены, наступал новый период в истории Академии наук.

Подведем краткие итоги. В ситуации, сложившейся вокруг назначения Ф. П. Литке президентом Академии наук обнаруживаются рычаги усиливавшегося давления «константиновцев», стремившихся расширить орбиты своего влияния в обществе. Располагая достаточно прочными позициями в Русском географическом обществе, окружение великого князя Константина Николаевича, и, в первую очередь, министр народного просвещения А. В. Головнин, путем назначения Литке на пост президента Академии наук предприняли важный шаг по подготовке реформирования академической науки и укреплению своих позиций в интеллектуальных сферах Российской империи. Речь в конечном ито-

²⁸ ПФА РАН. Ф.1. Оп.1а. Д.110. Л.8, 9. Черновой карандашный набросок, собственноручно сделанный Литке см.: ПФА РАН. Ф.34. Оп.1. Д.9. Л.33, 33 об. Речь Литке была процитирована: *Алексеев А. И.* Федор Петрович Литке. М., 1970. С. 243.

²⁹ Следует заметить, что оценки роли Блудова в реформировании Академии наук были неоднозначны, и среди академиков высказывались совершенно противоположные мнения на этот счет. См.: *Веселовский К. С.* Время президентства графа Д. Н. Блудова в Академии наук ... С. 499, 500.

ге не сводилась к упрощенно понимаемой политической борьбе, а концентрировалась вокруг самых широких проблем культурной и научной жизни страны, полномасштабный анализ которых невозможен без изучения истории императорской Академии наук, ведущего научного учреждения Российской империи.

Константиновичи и Красный крест

Великий князь Константин Николаевич, назначенный в 1853 году управляющим Морским министерством, обратил, прежде всего, внимание на состояние здоровья своих подчиненных. Особенно это касалось рядового состава. Его Указами были отменены телесные наказания на флоте, гораздо раньше, чем это случилось в армии. Были устроены кровати с постельным бельем в матросских казармах, вместо нар, на которых матросы лежали вповалку. Казармы стали сухими, чистыми, теплыми. Улучшилось питание офицеров и матросов. Медики разработали новые нормы судовой гигиены. Все это отражалось на страницах ведомственного журнала «Морской сборник»¹. В Кронштадте был реорганизован Морской Николаевский военный госпиталь. В Ораниенбауме построены госпитальные помещения для моряков. Для сбережения здоровья матросов Великий князь Константин Николаевич ввел нормы питания для здоровых и больных, приказом ввел в рацион горячий сбитень. В результате этих мер смертность на флоте снизилась вдвое².

Великая княгиня Александра Иосифовна, как и ее супруг, великий князь Константин Николаевич заложила основы деятельности общин сестер милосердия Российского Красного Креста. Правду о Крымской войне Россия узнавала именно благодаря Константину Николаевичу: «Один

---

¹ Морской сборник: 1851, № 379, «О болезни на русском флоте в 1714 г.

1855, № 8, отд. 1, л.229-245. В. Шульц «Русские сочинения о морской гигиене»; 1855, № 10, отд.1, прав. Распоряжения, CXL IV, «О ежемесечной доставлении в медицинский департамент сведений из портов о состоянии здоровья морских чинов».

² Морской сборник: 1855, № 1, прав. распоряжения XXV. Постановление «Об увеличении числа штатных учеников фельдшерской школы Кронштадтского морского госпиталя»; 1854, № 7, прав. Распоряжения «О введении употребления в морских госпиталях сладкого миндаля и хлопчатой бумаги»; 1854, № 8, прав. Распоряжения «О порциях для больных воинских чинов»; 1855, № 4, прав. Распоряжения «Об утверждении образцов госпитального постельного белья»; 1859, № 3, прав. Распоряжения. «Об уплате денег гражданским больницам России за лечение больных нижних чинов Морского ведомства»; 1859, № 9 прав. Распоряжение «О количестве дров для Кронштадтского морского госпиталя».

только морской сборник идет с нами душа в душу и братски делится всем» (В. И. Даль)³. Морской сборник был единственным изданием подробно и правдиво говорившем об обороне Севастополя, о деятельности врачей, сестер милосердия, о реальных потерях на фронте. Здесь публиковались списки убитых и раненых, письма сестер Крестовоздвиженской общины к августейшей попечительнице — великой княгине Елене Павловне. Много материалов выходило за подписью Н. И. Пирогова⁴.

Константин Николаевич превратил этот журнал в один из самых популярных в России. Объем его доходил до 40–100 листов. Морской сборник цензурировался только Константином Николаевичем. Многие вопросы организации будущего Российского Красного Креста обсуждались военными врачами, администраторами, военачальниками. Не будем забывать, что в России еще не существовало системы национального и военного здравоохранения. Разработанные в рамках Морского ведомства нормы обеспечения воинов, моряков питанием, обмундированием, предметами гигиены, лекарствами послужили основанием для организаций Российского Общества Красного Креста (РОКК). Российский Красный Крест — это склады, предприятия по заготовлению, лечебные учреждения, передвижные лазареты, санитарные поезда и баржи, учреждения восстановительной медицины, протезирования⁵.

Участие великокняжеской четы Константина Николаевича и Александры Иосифовны в деле попечения о раненых и больных воинах началось с первых лет их супружеской жизни. Русско-турецкая война 1853–1854 гг. стала испытанием не только для армии, но и для системы здравоохранения. Сестры милосердия Крестовоздвиженской общины, под августейшим покровительством великой княгини Елены Павловны отправились на поле брани в Крым, организовав под руководством Н. И. Пирогова прифронтовые лазареты, тыловые госпитали, склады необходимого оборудования. Деятельность милосердных сестер была встречена недружелюбно многими интендантскими и медицинскими службами, недобросовестно выполнявшими свои обязанности.

³ Морской сборник: 1855, № 1,2,7,10. Списки Крестовоздвиженской общины сестер милосердия направленных на Крымскую войну. Выписки из писем сестер милосердия; 1856, № 2, оф.69–71. Именные списки нижних чинов Морского ведомства убитых и раненых. Списки женщин и детей Морского ведомства убитых и раненых во время бомбежки Севастополя. Морские врачи в Севастополе (доктор Гаурович).

⁴ Морской сборник: 1855, № 2,4,7,9,10. Извлечения из отчета профессора Николая Ивановича Пирогова о деятельности сестер Крестовоздвиженской общины и врачей прикомандированных в общине. 1855, № 5, отд.2, аф.150–156. Исторический обзор действия Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных в военных госпиталях в Крыму Херсонской губернии. Академик Н. И. Пирогов.

⁵ Морской сборник: 1860, № 6, оф.13–20. Медицинские наставления для руководства командирам судов, в плаваниях, 1865, № 12, 3, м.хр., 51–56. Постановления для оказания помощи раненым в морских сражениях.

Великий князь Константин Николаевич, пользуясь возможностями издаваемого под его редакцией «Морского Сборника», опубликовал на его страницах не только письма сестер милосердия, раскрывающие всю панораму трагедии и героизма, но и обличающие недостатки снабжения армии. Разнообразна тематика статей: «О болезни на русском флоте» (1851, № 5, С. 379), «О ежемесячном доставлении в медицинский департамент сведений из портов о состоянии здоровья морских чинов» (1855, № 10). С развитием военных действий, увеличением числа раненых, содержание «Морского Сборника» стало еще более насыщено волновавшими все население темами: «Обзор медицинской деятельности за первые три месяца осады Севастополя» (1855, № 5), «Об учреждении в Санкт-Петербурге больницы кн. Барятинской для раненых офицеров и юнкеров» (1854, № 7) «Извлечения из отчета проф. Н. И. Пирогова о деятельности сестер Крестовоздвиженской общины и врачей, командированных к общине» (1855, № 5).

Позиция таких энергичных и заинтересованных людей, как Константин Николаевич, Александра Иосифовна и Елена Павловна помогли воплотить инициативу врачей, деятельных женщин, получивших медицинское образование, сердобольных вдов и жертвователей на дело попечения о раненых и больных воинах. Великая княгиня Александра Иосифовна из своих личных средств на протяжении всей жизни помогала бывшим сестрам милосердия и раненым⁶. Не забывала Александра Иосифовна и Кронштадт, где была организована община сестер милосердия в 1877 г. В том же году она стала Августейшей покровительницей Кронштадтской общины сестер милосердия, одной из самых деятельных общин России⁷.

Великий князь Константин Николаевич и его супруга стояли у истоков Российского общества Красного Креста (далее РОКК). Как только был принят Устав РОКК, он тут же был опубликован в «Морском Сборнике» (1868 г, № 1, Приложение). В делах Придворной конторы великого князя Константина Николаевича и Александры Иосифовны сохранились документы «Об избрании их членами общества Попечения о раненых и больных воинах»⁸.

С июня до конца 1877 г., как говорится в Отчете о деятельности учреждений Красного Креста⁹, великая княгиня Александра Иосифовна участвовала в устройстве складов для приема пожертвований, в организации работ добровольных тружениц, в составлении санитарного

⁶ РГИА. Ф.537. Оп.1. Д.5776. «Переписка о назначении сестре милосердия Е. Беликовой, санитарке в Крымскую кампанию, пенсии»; Приложение 2, Приложение 4.

⁷ РГИА. Ф.537. Оп.1. Д.778. «Отчет Кронштадтской Александровской больницы за 1891 год».

⁸ РГИА. Ф.537. Оп.1. Д.375. 1876 г.

⁹ Отчет о деятельности учреждений «Красного Креста», состоящих в распоряжении Государыни Великой Княгини Александры Иосифовны с июня по 31 декабря 1877 года.

поезда, в открытии отделений для раненых в Евангелической больнице и казармах лейб-гвардии Финляндского полка, в устройстве санитарных повозок и в других мероприятиях на пользу раненых и больных воинов. Три склада были организованы в Павловском дворце, Стрельнинском дворце и в Мраморном дворце.

Благодаря постоянной заботе и преданности делу помощниц из числа дам приближенных к великой княгине Александре Иосифовне, порядок на складе обеспечивали успешный ход работ и простоту контроля. Всеми тремя складами изготовлено вещей 34 646 штук. Кроме того, на склад Мраморного дворца поступило от Кронштадтского Комитета Общества попечения о раненых и больных воинах более 12 000 различных предметов теплой одежды и белья, затюкованных и назначенных к отправлению в действующую армию.

Отчет за этот период денежных пожертвований, поступивших в распоряжение великой княгини Александры Иосифовны, на дело помощи раненым и больным воинам составлял:

1) От Ея Императорского Величества Государыни Императрицы, от Государя Великого Князя Константина Николаевича, Ея Императорского Высочества с Августейшими Дочерьми и от некоторых лиц, вручивших Государыни Великой Княгини свои приношения	10 788 р. 55 к.
2) По всем трем складам от разных лиц и учреждений	16 233 р. 92 к.
3) Выручено от устроенных под покровительством Ея Императорского Высочества концертов, спектаклей и лотерей	19 653 р. 54 к.
Всего состояло в приход	46 677 р. 01 к.

Санитарный поезд был полностью экипирован великой княгиней Александрой Иосифовной на базе ее собственного великокняжеского поезда. В августе 1877 г. состав поступает в распоряжение Ясской эвакуационной комиссии. 31 августа 1877 г. у перрона Стрельнинского вокзала состоялось освящение военно-санитарного поезда имени великой княгини Александры Иосифовны. За шесть недель поезд перевез более 3000 раненых. После заключения мира в 1878 г. Александра Иосифовна не оставляет деятельности в Красном Кресте. Оставшиеся средства в виде капиталов, собранных медикаментов и оборудования, белья и одежды поступили для помощи калек, пострадавших в войну.

В Евангелической больнице, где также была община сестер милосердия под покровительством Александры Иосифовны, на собранные великой княгиней средства было открыто отделение для раненых на 400 кроватей (заведующий больницей — Доктор медицины Мейер). С 28 сентября 1877 г. по 23 мая 1878 г. за 237 дней лечения было израсходовано 10 603 рубля.

В помещении лейб-гвардии Финляндского полка, подшефного великому князю Константину Николаевичу, под Горным Дубняком был создан лазарет для раненых. Предназначенный для размещения 15 офицеров, он обслуживался сестрами Покровской общины. Великая княгиня Александра Иосифовна, организовав этот лазарет, поддерживала его до своей кончины. По ее завещанию с 1911 по 1917 гг. усиленный лазарет лейб-гвардии Финляндского полка опекали ее дети. В Стрельнинском Приемном Покое, расход на который составлял 5769 рублей, содержались 31 человек. Усиленный лазарет лейб-гвардии Конного полка был освящен 21 сентября 1877 г. архимандритом Троице-Сергиевой пустыни Игнатием (Малышевым). Средства в количестве 4557 рублей были израсходованы и на лазарет, и на амбулаторию. Средства пошли и на два лазарета в Александро-Невской лавре, в Троице-Сергиевой пустыни, в Калининском Морском госпитале¹⁰.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. при российском Министерстве иностранных дел был образован Комитет Общества Красного Креста, в задачи которого входило снабжение фронтовых лазаретов одеждой, бельем, обувью, перевязочными материалами и различным «лазаретным имуществом». По окончании военных действий было решено использовать денежные средства, оставшиеся после закрытия склада Комитета, с целью «учреждения и содержания отдела для подготовки сестер Красного Креста, путем теоретического обучения в мирное время и уходом за больными в госпиталях, больницах и частных домах, к деятельности их на театре войны».

В 1879 г. был создан Отдел попечения о раненых и больных воинах, получивших увечья во время русско-турецкой войны, для содержания которого использовались оставшиеся средства 14 496 рублей и 3450 штук белья. С первых дней работы отдела, который был торжественно открыт 5 августа 1879 г., большое внимание ему уделяла великая княгиня Александра Иосифовна.

Первые 19 сестер отдела приступили к своим обязанностям 21 сентября 1880 г. В 1881 г. Отдел переименован в Александровскую общину сестер милосердия Красного Креста. Великая княгиня Александра Ио-

¹⁰ Отчет о деятельности учреждений «Красного Креста», состоящих в распоряжении Государыни Великой Княгини Александры Иосифовны с июня по 31 декабря 1877 года.

сифовна приняла Общину под свое покровительство. В Уставе говорилось, что «Община имеет целью христианское служение страждущим, подготовку сестер для подаяния помощи больным и раненым в военное время в госпиталях, войсковых лазаретах и на перевязочных пунктах, а в мирное время уход за больными в госпиталях, больницах, лечебницах и в частных домах». Однако для подготовки сестер к работе в военных условиях требовалась практика. Была организована больница на 12 мест «исключительно для хирургических больных» и хирургической амбулаторной лечебницы. Открытие больницы состоялось 29 ноября 1881 г. 5 мест из 12 были бесплатными, так же как и прием в амбулатории, и некоторые лекарства в аптеке¹¹.

В 1881 г. Александра Иосифовна берет под свое покровительство Бесплатную лечебницу для бедных больных в Москве «В память 25-летия царствования Императора Александра Николаевича», учрежденную военными врачами. В лечебном учреждении ежедневно работали 42 врача. Только за 1881 г. было принято более 25 000 больных, выдано бесплатно лекарств на 11 000 рецептов. В 1886 г. эту бесплатную лечебницу военных врачей в Москве присоединяют к числу клинических установлений Императорского университета, так как «...лечебница, помимо своей прямой обязанности — облегчать страдания бедных больных, призвана будет служить великой цели — посылить способствовать молодому поколению медиков в приобретении и расширении научных медицинских познаний»¹². Новое здание для бесплатной лечебницы было заложено 19 июля 1891 г., и Александра Иосифовна пожаловала деньги «из собственных сумм на устройство в лечебнице библиотеки». Она постоянно следила за всеми успехами, помогала преодолевать трудности роста, представляла к заслуженным наградам безмездных тружеников-врачей. И хотя эта лечебница не входила в РОКК, она имела громадное значение в подготовке лечебных кадров на случай военных действий.

Александровская община сестер милосердия также расширяла свою деятельность, используя как лечебную базу находившуюся по соседству Обуховскую больницу (ныне — отдельные клиники Военно-медицинской Академии им. С. М. Кирова). В 1901 г. построили новое терапевтическое отделение при больнице Александровской общины сестер милосердия Красного Креста¹³. Освещение больницы последовало 14 января 1902 г. в присутствии Императрицы Марии Федоровны, Августейшей

¹¹ Отчет о деятельности Комитета Александровской общины сестер Красного Креста за 1883 год.

¹² Отчет бесплатной лечебницы военных врачей в Москве. М., 1887 г.

¹³ Отчет Состоящей под Августейшим покровительством Ея Императорского Высочества Великой Княгини Александры Иосифовны Александровской Общины сестер милосердия Общества Красного Креста за 1901 г.

Покровительницы РОКК. Великий князь Константин Константинович по поручению находившейся за границей Покровительницы Александровской Общины Великой Княгини Александры Иосифовны заменял в этом торжестве свою августейшую родительницу.

Участие всей семьи сказалось:

- в помощи в сборе средств на покупку земли (Бронницкая ул. д. 9., д. 11) под строительство;
- в привлечении к строительству придворного архитектора великокняжеской семьи Д. Зайцева;
- в трудоустройстве сестер, работавших во многих опекаемых Константиновичами: приютах, богадельнях, лечебных учреждениях «Синего Креста», приемного покоя в Стрельне, Павловского лазарета им. Елизаветы Маврикиевны;
- и в других ежегодных пожертвованиях (Приложение 1).

Десятки девочек из приютов по рекомендации Августейшей Попечительницы Александры Иосифовны, поступали на курсы и приобретали квалификацию сестер милосердия.

Сбор средств на нужды армии был возобновлен в 1905 г.¹⁴ На боранные средства была оборудована госпитальная баржа Мраморного Дворца.

Великий князь Константин Константинович был Почётным членом РОКК, как и его брат, Дмитрий Константинович. По смерти матери, выполняя ее завещание, они не только перечисляли завещанные ею суммы из ее капитала, но и помогали из своих средств и Александровской общине, и Бесплатной лечебнице военных врачей в Москве, и лазарету при Императорском Женском педагогическом институте, создававшемся при активном участии всей семьи, помогали организовать лазареты и в русско-японскую, и в Первую мировую войны.

В сентябре 1914 г. в бою был ранен и скончался князь императорской крови Олег Константинович, сын великого князя Константина Константиновича. В его память в Стрельне учредили Лазарет для выздоравливающих воинов. Общество отозвалось на гибель молодого Романова учреждением ряда лазаретов, лечебниц. Существовал даже санитарный поезд РОКК имени князя Олега Константиновича. Были открыты на частные средства лазареты в память князя Олега по адресам: Б. Пушкинская ул., д. 50, Лиговский пр., д. 87, 2-ая Рождественская ул., д. 4 (последний содержало второе общество взаимного кредита)¹⁵.

¹⁴ РГИА, Ф.537. Оп.1. Д.1086. Л.151. «Отправка вещей из Склада Мраморного Дворца в Харбин и в Манчжурскую армию».

¹⁵ Лечебные заведения и иные санитарные учреждения Российского Общества Красного Креста и состоящих под его флагом прочих общественных организаций и частных лиц. Петроград. Государственная типография, 1915 год.

В мае 1915 г. был открыт Стрельнинский лазарет в память убиенного князя Константина Александровича Багратиона. Также великая княгиня Елизавета Маврикиевна отрыла лазарет в Павловске в казармах своего казачьего полка. Здесь же при финансировании общества «Мазут» существовал лазарет им. королевы эллинов, где трудилась сестрой милосердия сама королева Ольга Константиновна.

Младший брат Ольги, великий князь Дмитрий Константинович опекал не только Подшефный 16 Мингрельский полк, посылая им теплое белье, гостинцы, но и санитарный поезд своего имени, экипированный на средства Государственного Коннозаводства. Много средств вложил Дмитрий Константинович в заботу о больных и раненых во время Первой мировой войны. В Стрельне было открыто три лазарета. На средства великого князя шилось солдатское белье и комплектовались продуктовые наборы для фронта. Сам Дмитрий Константинович не мог отправиться в действующую армию из-за резкого ухудшения здоровья.

Его племянник, сын великого князя Константина Константиновича, князь императорской крови Иоанн Константинович был женат на Елене Петровне, урожденной королевне Сербской, которая внесла свою лепту в деятельность РОКК и Сербского Красного Креста. Во время первой Балканской войны 1911–1912 гг. был организован лазарет Её королевского высочества княгини Елены Петровны, финансировавшийся на средства княгини и её супруга. Прибывший из России в Сербию 5 (28) октября 1912 г., он располагался во Вранье и действовал во время первой и второй Балканских войн. В Белграде по инициативе супруги русского посланника Александры Павловны Гартвиг был открыт приют-ясли, который позднее был преобразован в приют военных сирот. К марту 1914 г. там на полном обеспечении находилось 80 сирот. Средства выделяли Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество, Совет детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии, Священный синод, частные благотворители. Приют находился под покровительством княгини Елены Петровны. В годы Первой мировой войны Елена Петровна организовала на свои средства санитарный поезд и по примеру женщин из царской семьи отправилась на фронт.

В рядах РОКК трудились и дочери великого князя Константина Константиновича: урожденные княжны императорской крови Татьяна (позже игумения Тамара) и Вера. Муж Татьяны Константиновны — князь Константин Багратион-Мухранский и пятеро ее братьев отправились на фронт в 1914 г. Татьяна Константиновна включилась в помощь фронту. Вместе с тетушкой, королевой эллинов Ольгой Константиновной, она организовала в Мраморном и Стрельнинском дворцах склады белья для раненых воинов, а также пошив и ремонт белья, сбор вещей, продуктов,

подарков к праздникам. В Павловске она работала в госпитале, также организованном греческой королевой и ее матерью, великой княгиней Елизаветой Маврикиевной, средства для которого дал Э. Л. Нобель. Весной 1915 г. Багратион-Мухранский в последний раз приехал в Павловск. В своих «комнатах под куполом» в Павловском дворце супруги устроили вечер для раненых офицеров Эриванского гренадерского полка, которые лечились в госпиталях в Царском Селе. Вскоре он уехал на фронт, приняв решение перейти из кавалерии в пехоту, где были большие потери, и был убит. Вдова Татьяна была награждена Георгиевской медалью за поездку в действующую Армию, где в зоне боев вручала подарки воинам лейб-гвардии Эриванского полка, в рядах которого пал смертью храбрых ее супруг. Участвуя в деле сестричества Крестовоздвиженского Храма в Женеве, она продолжала традиции РОКК. Община помогала не только своим членам, но и тем, кто жил в других городах, и даже тем, кто не был православным.

Княжна Вера Константиновна Романова была младшим ребёнком в обширной семье великого князя Константина Константиновича и продолжала традиции семьи в изгнании. Она работала в рядах Международного Красного Креста с перемещенными лицами (ДИПИ) в Германии. После войны от Красного Креста ходила по госпиталям и лагерям, оказывая помощь больным и незнающим языка русским. Проживая в США, возглавляла при Синоде зарубежной церкви Общество попечения о бедных и больных детях.

Приложение 1.

РГИА. Ф.537. Оп.1. Д.149

Придворная контора в.кн. А.И. Пожертвования на благотворительность:

В пользу Кронштадского благотворительного общества и основанного им приюта им. Вел.кн. Александры Иосифовны – 100 рублей (ежегодно).

Елизаветинской общине сестер милосердия Красного Креста с амбулаторией в память графине Тизенгаузен – 150 рублей (ежегодно).

Покровской общине сестер милосердия – 120 рублей (ежегодно).

Общество для снабжения бедных одеждою:

В Кронштадте – 12 рублей 50 копеек

В Колпино – 12 рублей

Больницам: Евангелической в СПб – 50 рублей

Хирургической лечебнице под покровительством в. кн. А. И. при Александровской общине сестер милосердия Красного Креста – 600 рублей

Надзирательнице Кронштадской Александровской богадельни – 150 рублей (ежегодно).

В этом же деле лист 3 и лист 4 Пожертвования в. кн. Константина и Дмитрия Константиновичей, включающие список в десятки благотворительных организаций.

Приложение 2.

РГИА. Ф.537. Оп.1. Д.99. Л.16. (1892 год)

Прошение

бывшей сестры милосердия Красного Креста

Вдовы учителя Августины Блюменталь.

Бывшая сестра милосердия трудившаяся в Военно-Морской госпитале на отделении офицерском, основанном Вашим Императорским Высочеством нуждаюсь в помощи, будучи 68 лет.

Прошу помочь определить меня на покой во Вдовый Дом под Смольным. Вы однажды уже отличали меня за усердие жалованием в 1879 году. После смерти мужа 40 лет я провела в трудах на пользу ближнего.

Августины Блюменталь

Невский 104, кв.15.

Приложение 3.

«Петербургская газета» № 129. от 11.05.1904 года.

В Стрельне

1-ый гвардейский летучий артиллерийский парк отметил вчера свой праздник, отменив традиционный праздничный обед. Все сэкономленные деньги пожертвованы в СКЛАД МРАМОРНОГО ДВОРЦА, для армии на Дальнем Востоке. Нижние чины артиллерийского парка в этот день отказались от чарки, передав эти деньги также в МРАМОРНЫЙ ДВОРЕЦ. Из Спаса-Преображенской Придворной церкви после праздничной литургии прошел Крестный ход к заливу. Где были освящены рыболовные сети и лодки, как начало морского рыбного промысла с этого дня.

Приложение 4.

РГИА. Ф.537. Оп.1, Д.99

Прошение

От штаб-капитана Петра Ивановича

Богданова, состоящим при Гл.начальнике

Военно-учебных заведений

Получил ранения в 1877–78 году состоя на службе в л-гв. Егерском полку. Находился на излечении в Состоящем под Августейшим Покровительством Вашего Императорского Высочества Евангелической боль-

нице. Болезни не оставляют меня и Красный Крест предоставил мне бесплатное право на лечение минеральными водами Пятигорска, но без пособия на путевые издержки. По состоянию здоровья служить не могу, живу только частными уроками. Прошу оказать мне помощь в проезде до места лечения.

---

*В. В. Герасимов
ФГБУ «Управление по
эксплуатации зданий в СЗФО»
Управления делами Президента
Российской Федерации*

Скульптурное убранство террасы Стрельнинского дворца. История формирования, атрибуция и судьба отдельных произведений

Настоящее сообщение о формировании декоративного и скульптурного убранства террасы Стрельнинского дворца в 1840–1870-е гг. предполагает ряд последующих публикаций, в том числе посвященных атрибуции и судьбе отдельных произведений скульптуры, ранее украсивших дворцовую террасу и прилегающий парк.

***

В 1831 г. после кончины цесаревича и великого князя Константина Павловича Стрельнинский дворец по указу императора Николая I перешел в собственность четырехлетнего великого князя Константина Николаевича. Вплоть до его совершеннолетия дворец находился в управлении Департамента Уделов Министерства двора и использовался по традиции, оставшейся со времен цесаревича, для размещения летних квартир высших офицеров лейб-гвардии, а также для кратковременных остановок членов императорской фамилии и их августейших родственников¹.

Ежегодно в помещениях дворца проводились последовательные косметические ремонты, однако масштабная реконструкция и реставрация назрели к совершеннолетию великого князя. В первую очередь, ремонтные работы коснулись каменной террасы дворца, возведенной на первоначальном этапе строительства при императоре Петре I, позднее неоднократно отремонтированной и получившей новый облик по проекту архитектора А. Н. Воронихина, детально запечатленный на акварели А. М. Горностаева (1847)². Работы по перестройке центральной части террасы, лестниц, укреплению стен и гидроизоляции были начаты архитектором Департамента Уделов Х.-Ф. Мейером и завершены А. И. Штакеншнейдером.

¹ Здесь и далее использованы документы из фондов РГИА, ГМЗ «Петергоф», КГИОП, ГЭ и НИМ РАХ.
² ГЭ, Инв. Рр-5529.

Для ограждения террасы в 1844 г. на Механическо-литейном заводе Ф. К. Берда были изготовлены все детали балюстрады, включая чугунные тумбы различных размеров: на большие тумбы при сходе с лестниц террасы предполагалось установить скульптурные композиции; на тумбы центральной части террасы — чугунные вазоны, выполненные по типовой модели неоднократно использовавшейся при оформлении частных и императорских владений. Например, эта же модель вазы была применена на Собственной даче при оформлении мостиков, ведущих через овраг к дворцу. Вазоны на стрельнинской террасе со временем стали использоваться не только как самостоятельный декоративный элемент, но и в качестве кашпо, в которые выставлялись горшки с цветущими растениями каскадной или ампельной формы. Вазоны окрашивались масляной краской в цвет фасада дворца, рельефные цветочные гирлянды частично золотились.

Замечательная акварель В. С. Садовникова (1856) (рис. 1) представляет вид Стрельнинского дворца из Нижнего парка³, откуда не только хорошо читается новое архитектурное решение фасада гrotов с заложенными арками в боковых частях и перестроенной центральной частью, но и другие новшества обновленного дворца и парка. На первом плане, на высоком многоярусном постаменте в центре цветника возвышается классицистическая мраморная ваза яйцевидной формы, декорированная цветочными гирляндами с крупными бантами. Позднее эти вазы были перемещены на верхнюю террасу и украшали внутренний парадный двор дворца. Их место в парке заняли парные вазы из известняка с рельефными композициями на тему празднеств (вакханалий) с козлиными головами и музыкальными инструментами, перевитыми виноградной лозой. К сожалению, эти вазы были утрачены в послереволюционный период — их фрагменты долгое время находились в грунте у места исторического расположения. Что же касается прежних, мраморных ваз, то они благополучно сохранились и в настоящее время украшают Марлинскую аллею Нижнего парка в Петергофе. (рис. 2)

На фасаде изображенного на акварели дворца алыми драпировками выделяется крытый балкон при собственных комнатах, которые, как известно, располагались в первом этаже западной половины дворца. Неслучайно особое внимание придворного архитектора Х.-Ф. Мейера было уделено благоустройству западной части террасы, куда открывался вид из окон комнат владельцев. Предусматривалось, что великокняжеская чета может выходить из собственных комнат непосредственно

³ ГМИ СПб, Инв. № I-A-668a.

на террасу. С этой целью к окнам Кабинета великой княгини Александры Иосифовны был пристроен крытый балкон с лестницами-сходами (1848). Желание владельцев максимально использовать препровождение в Стрельне на открытом воздухе, пропитанном морской свежестью и ароматом, запахом цветущих лип старинного парка, или сменяющихся летних цветов и трав, на протяжении ближайших лет выразилось в устройстве новых лестниц, балконов, соединительных галерей. Изящная ажурная винтовая лестница была установлена для схода в сад под аркадой (1860). Цветущее состояние этого сада впервые запечатлено на акварели начинающего художника П. А. Черкасова (1855)⁴. Обращает внимание «средиземноморская» роскошь убранства террасы разнообразными растениями, образующими уютные уголки для отдыха и общения, с расставленной ажурной садовой мебелью, перемежающейся восточными фарфоровыми вазами и табуретами, освещенная разноцветными фонарями. Поверхность террасы разбита регулярной планировкой с дорожками, газонами и цветниками, перед окнами Кабинета великой княгини устроен фонтан.

Из скульптурного убранства отчетная опись Стрельнинского дворца за 1851 г., фиксирующая этап осуществленной реконструкции и реставрации здания, упоминает лишь следующие произведения: «на двух больших тумбах поставлены литые медные два олени»⁵. Парные скульптуры оленей впервые зафиксированы на акварели В. С. Садовникова двумя силуэтами, окрашенными желтой краской — к этому времени олени оказались вызолочены (1855). Обе скульптуры не меняли свое местоположение и были запечатлены на фотографиях начала XX в. Однако если изображения скульптур хорошо известны, то выявить сведения об истории появления этих произведений анималистического жанра удалось лишь недавно.

Модели скульптур оленей были созданы в 1822 г. ведущим немецким скульптором Х.-Д. Раухом (1777–1857) по заказу великого герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого⁶. Первые бронзовые отливки были изготовлены в мастерской известного литейщика и одного из основоположников цинкового литья Моритца Гейса (Philipp Konrad Moritz Geiß, 1805–1875) в 1826 г. и установлены при входе в публичный парк Нойштрелица, где располагалась резиденция герцога. Следующая пара скульптур в 1842 г. была установлена при входе в парк Глинике в Потсдаме. С 1844 г. мастерская Моритца Гейса разместила модели парных скульптур оленей в печатном каталоге собственных изделий, предназначенных для ши-

⁴ Акварель хранится в собрании ГМЗ «Петергоф».

⁵ РГИА. Ф.515 Оп.8 Д.11476 Л. 3 об.

⁶ *Grissom, Carol A. Zinc Sculpture in America, 1850–1950. 2009.*

рокой продажи⁷. В 1851 г. одна из гипсовых моделей была выставлена Х.-Д. Раухом на Всемирной выставке в Лондоне, где в обширных павильонах Хрустального дворца были представлены произведения европейских скульпторов новейшего времени. (рис. 3) Пожалуй, благодаря этой выставке скульптуры «возлежащих» или «отдыхающих» оленей получили известность и полюбились публике. Скульптуры получили широкое распространение в европейских и, в особенности, немецких парках второй половины XIX в. Благодаря тесным монархическим связям вскоре парные скульптуры появились и в парках загородных великокняжеских резиденций в Стрельне (1851), Знаменкой дачи (1860-е), Михайловкой дачи (1861) и Ораниенбауме. Нельзя исключить, что некоторые из них являлись подарками членам императорской фамилии со стороны немецких родственников⁸.

Позднее две пары скульптур оленей, отлитые в 1875 г. также по формам мастерской М. Гейса были также установлены в 1879 г. на одном из мостиков Павловского парка, принадлежавшего в это время великому князю Константину Николаевичу. Его старший сын — «опальный» великий князь Николай Константинович установил аналогичные произведения на парадном подъезде собственного дворца в Ташкенте, построенного архитекторами А. Л. Бенуа и В. С. Гейнцельманом в 1889–1891 гг. К сожалению, ни одна из вышеперечисленных скульптур в Петербурге не сохранилась. В то же время ташкентские экземпляры до сих пор украшают бывший великокняжеский дворец, где в настоящее время устроен Дом приемов министерства иностранных дел республики Узбекистан.

Вслед за мастерской Моритца Гейса, изготовлением анималистической скульптуры, в частности скульптур оленей по моделям Х.-Д. Рауха, занимались различные фирмы, включая американские компании.

Мастерская Фридриха Кале («Fr. Kahle & Co», позднее — «F. Kahle & Sons») основанная в 1843 г. и расположившая производство в Потсдаме, разместила изображение скульптур оленей Рауха в своем каталоге, изданном в 1871 г.⁹ В этом же каталоге были опубликованы модели парных скульптур «стоящих» оленей, по одной из которых была выполнена еще одна

⁷ Moritz Geiss. Zinkguss-Ornamente nach Zeichnungen von Schinkel, Stuler, Persius, Schadow... und Anderen, so wie Statuen und Sculpturen nach antiken und modernen Modellen, Berlin, 1844. Heft XIII, taf. 1.

⁸ В. И. Андреева, В. В. Герасимов. Декоративное оформление придворцовой территории на Михайловской даче // 300 лет Петергофской дороге. 300 лет Ораниенбауму. История. Реставрация. Музеефикация: Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф», 2011 (проблемы сохранения культурного наследия. XXI век. II) СПб., 2012. С. 122

⁹ F. Kahle: Architektonische und plastische Verzierungen, Ornamente, Kirchengeraete, Statuen und Skulpturen nach Zeichnungen von Stueler, Persius, Hesse, Strack, v. Arnim, Haerberlin, Gottgetreu u. a. bestehend aus Akroterien, Palmetten, Rosetten, Vasen, Kapitaelen, Saeulen, Modellons, Konsolen, Gittern, Reliefs und Monumenten in Zinkguss ausgefuehrt von F. Kahle in Potsdam. 3 Hefte. 1856.

скульптура для Стрельнинского парка. Она была установлена на западной земляной террасе, в самом начале аллеи, обсаженной высокими елями. Изображенный скульптором олень как будто вышел на опушку леса, затаился и прислушивается к окружающим его звукам. Возможно, что парная скульптура существовала на противоположной стороне террасы (фотографические изображения отсутствуют). (рис. 4)

***

После передачи Стрельнинского дворца в управление придворной канторы великого князя Константина Николаевича, бремя содержания и совершенствования стрельнинского садового хозяйства ложилось на плечи великого князя и великой княгини. Одной из сторон этого обстоятельства, являлось то, что с этого времени владельцы получили возможность более свободно проявить собственный вкус и могли принимать непосредственное участие в наиболее интересных для них стрельнинских нововведениях. К ним следует отнести декоративные улучшения интерьеров, а также приобретение произведений искусства, в том числе скульптуры для украшения стрельнинского парка.

В отличие от западной части террасы, всегда остававшейся в видовой панораме владельцев дворца, восточная часть имела второстепенное значение, поскольку сюда выходили окна из запасных комнат (позднее были предоставлены повзрослевшим сыновьям Константину и Дмитрию). Конечно, это не означало, что нарушалась симметрия планировочной композиции газонов и цветочных клумб, тем не менее, первоначально произведений скульптуры в этой части террасы было меньше.

Отчасти по этой же причине, восточная лестница с террасы была оформлена скульптурой лишь спустя десятилетие. Осенью 1860 г. великокняжеская чета гостила в Англии, где в ряду известных достопримечательностей осматривала загородный дворец принца Альберта — Осборн-Хаус на острове Уайт. При оформлении террас этого дворца, построенного архитектором Л. Грюнером в 1847–1853 гг. в стиле неоренессанса, были использованы достижения новейших технологий. В частности, был использован способ изготовления копий с античных и современных произведений скульптуры с помощью портландского цемента. Изобретенный в Англии дешевый метод позволял также быстро достигнуть естественного эффекта состаривания скульптуры, который не отражался на прочности изделия. Этот способ, несомненно, подменял понятие художественной ценности того или иного произведения искусства, однако позволял решать в неограниченных возможностях декоративные задачи оформления садов и парков.

Вероятно, на волне популярности этого материала в один из следующих визитов великокняжеская чета приобрела и заказала несколько

изделий из портландцемента, среди которых оказались парные скульптуры львов для восточной лестницы террасы Стрельнинского дворца. Для младшего брата и соседа по имению, великого князя Михаила Николаевича, тогда же были приобретены и доставлены на Михайловскую дачу парные скульптуры грифонов, установленные на пандусе подъезда Малого дворца¹⁰.

Скульптуры «шагающих» львов в натуральную величину были заказаны лондонской фирме «Остин и Сили» («Austin & Seeley»)¹¹. Компания, специализировавшаяся на изготовлении произведений скульптуры и малых парковых форм из терракоты и камнезамениителя, была основана в 1841 г. на основе партнерства Феликса Остина (1817–1872) и Джона Сили (1789–?), имевших к этому времени опыт не только работы с новыми материалами, но и самостоятельного художественного творчества в области ландшафтного дизайна. Модельный ряд компании основывался, прежде всего, на копировании античного ряда скульптур и малых форм. С кем из современных им скульпторов сотрудничали производители, установить не удалось, равно как остается неизвестным имя автора установленных на террасе в Стрельне парных скульптур «шагающих» львов. Это, судя по всему, неизвестно также британским историкам искусства. Нельзя исключить, что модели стрельнинских львов — самостоятельная творческая работа Ф. Остина и Дж. Сили. Известно, что Джон Сили обучался в Королевской Академии искусств в Лондоне, и оба производителя иногда именовали себя в рекламных материалах скульпторами.

По прибытию в Петербург в октябре 1862 г. и последующей доставке в Стрельну скульптуры львов были вызолочены для достижения визуального «равновесия» со скульптурами оленей, установленными на симметричной лестнице.

До 1917 г. стрельнинские львы были неоднократно запечатлены объективами фотографов различных издательств, выпускающих открытые письма (почтовые открытки). Но наибольшую популярность скульптуры обрели уже после революции, когда оказались на открытой для гуляющих в парке территории Стрельнинской школы-колонии, а позднее — санатория. Ленинградцы часто фотографировались на фоне огромных скульптур. Каменные львы находились на своих местах, вероятно, вплоть до 1941 г. и были утрачены в годы фашистской оккупации.

Аналог одной из сохранившихся скульптур удалось обнаружить на территории Арборетума в городе Линкольн в графстве Линкольншир (Великобритания). Скульптура, установленная в парке на частные сред-

¹⁰ РГИА. Ф. 537. Оп.1. Д.49. Л. 21 об.

¹¹ РГИА. Ф. 537. Оп.1. Д.49. Л. 99.

ства в 1872 г. (отреставрирована в 1946 г.), также выполнена из португальского цемента и имеет клеймо производителей «Austin & Seeley». В настоящее время монументальная скульптура льва, выполненного в натуралистической манере, является одной наиболее притягательных достопримечательностей старинного города.

Недавно были выявлены документы, раскрывшие интересные обстоятельства повторного заказа «шагающих» львов, исходившего от имени великого князя Николая Константиновича. Судя по датам переписки за 1872–1873 гг., наследник павловского майората предполагал заказать львов для одного из уголков Павловского парка. Изготовление скульптур было поручено от имени великого князя фирме «Остин и Сили» в июне 1872 г. при посредничестве российского генерального консула в Лондоне. В качестве разъяснения в переписке отмечалось, что речь идет именно о повторении скульптур львов, изготовленных в 1862 г. для великого князя Константина Николаевича. К счастью, среди документов по данному вопросу оказались две фотографии с моделей скульптур львов, выполненные в Лондоне и высланные в Петербург для внесения полной ясности в заказ. Однако, несмотря на предварительную оплату работ и высокий статус заказа в его исполнении возникли неожиданные сложности, которые были изложены в письмах на бланке «Остин и Сили». Их содержание пока не раскрыто, но исход вопроса вскоре был предопределен — в августе 1873 г. Ф. Остину и Дж. Сили от имени великого князя было направлено извещение об отмене заказа в связи со срывом первоначального срока поставки изделий¹².

***

В 1862 г. начались работы по замене изношенных ступеней, тетивы и площадок террасных лестниц, выполненных из известняка, на мраморные. Подряд на данные работы взял комиссионер, поставщик мрамора и изделий из него Н. И. Великанов. Террасные лестницы были одеты в белый каррарский мрамор, плитами которого также облицованы подпорные стенки лестниц. При выполнении данных строительных работ выше уровня средних площадок лестниц были возведены постаменты из кирпича, также облицованные мраморными плитами. Благодаря этому дорогостоящему проекту удалось придать и без того красивым по планировочной схеме лестницам репрезентативный вид и живописность — мраморные лестницы эффектно контрастировали с рядами высаженных вдоль земляных террас елей. (Аналогичной замене подлежали также лестницы расположенные по центру и углам земляных террас). На вновь устроенные постаменты были установле-

¹² РГИА, Ф. 435. Оп.1. Д.3. Лл. 3-24. Автор искренне благодарит коллегу — искусствоведа В. И. Андрееву за своевременное сообщение данных сведений.

ны мраморные скульптуры «Кипарис» и «Сильвия», приобретенные и доставленные в Стрельну в соответствии с контрактом Н. И. Великанова. Несмотря на существование дореволюционных фотографий (изображения репродуцированы в почтовых открытках), где запечатлена эффектная постанова статуй на лестницах, сюжет произведений долгое время не удавалось атрибутировать. (рис. 5) Наконец оригинальные скульптуры, полностью соответствующие их стрельнинским повторениям, удалось обнаружить на их исторической родине — в Италии, что позволило вскоре установить имя автора, время создания и название произведений.

Анималистический жанр в творчестве скульпторов XIX в. оказался более популярен, чем у предшественников, и отличался смелыми приемами натуралистической передачи природной пластики животных. Ряд скульпторов, тем не менее, оставался верен классической традиции. Они стремились сохранить и совершенствовать полученные у учителей знания композиции, тем более, когда это относилось к изображению сюжетов традиционной мифологии.

Итальянский скульптор Франческо Поцци (1779–1844)¹³, получивший образование в Академии изящных искусств во Флоренции, являлся представителем классической традиции в скульптуре. В Риме он стажировался в мастерских скульпторов А. Кановы и Б. Торвальдсена, а также в студии исторического живописца В. Каммучини. В ряду работ скульптора оказались два произведения, созданные во Флоренции, когда скульптор находился под влиянием творчества мастера неоклассика Лоренцо Бартолини — это «Кипарис» («Ciparisso», 1818) и «Сильвия» («Silvia», 1822). Обе скульптуры были установлены в одной из галерей герцогского дворца (Palazzo Ducale) в Лукке — столице одноименного герцогства (ныне регион Тоскана), находившегося на тот момент во владении пармских Бурбонов¹⁴. (рис. 6)

Сюжет скульптурной композиции «Кипарис» хорошо известен и восходит к изложенному Овидием в «Книге метаморфоз» одноименному мифу¹⁵. Он представляет фигуру юноши Кипариса, оплакивающего трагическую потерю своего друга, обращенного в лань, и случайно убитого им во время охоты. Кипарис — символ безысходной печали, выраженной в изображенном скульптором жесте.

В противоположность мифу о Кипарисе, история нимфы Дианы — Сильвии, божества леса и луны, представленная в скульптурной ком-

¹³ Panzetta A. Nuovo dizionario degli scultori italiani dell'Ottocento e del primo Novecento. Torino, 2003. S. 701.

¹⁴ Автор искренне благодарит искусствоведа Е. С. Хмельницкую за оказанную дружескую помощь в настоящем исследовании.

¹⁵ Овидий. Метаморфозы. X. 106–140.

позиции, оказалась менее известна и первоначально не поддавалась распознаванию. Ключ скрывался в сюжете пасторальной драмы итальянского поэта XVI в. Т. Тассо «Аминта» (1573), рассказывающем о любви нимфы Сильвии и пастуха Аминты. По всей вероятности, Фр. Поцци был знаком с поэмой по изданному в его бытность собранию сочинений поэта и остался очарован лирической историей о могуществе любви, что и подтолкнуло его на создание скульптуры на тему малопопулярного сюжета. Возможно ради достижения композиционного равновесия с «Кипарисом», скульптор был вынужден применить искусственный прием, введя в сюжет о Сильвии фигуру животного, отражающего образ занятий возлюбленного. Принимая это допущение, сюжет скульптурного произведения, наконец-то, обретает ясный смысл: Сильвия, первоначально отвергшая любовь Аминты, но теперь зараженная стрелой Эроса любовью к пастуху, вызывает к Диане о прощении и даровании воссоединения с возлюбленным¹⁶.

Обе скульптуры, хотя и исполненные автором в разное время, имеют общие композиционные черты — поворот головы и взгляд, обращенный в небеса и выражающий разные чувства, а также экспрессивный жест рукой — отчаяния и мольбы.

Известно о существовании в разных собраниях трех мраморных экземпляров скульптуры «Кипарис». Это позволяет предположить, что произведение неоднократно повторялось, либо самим автором, либо специализирующейся на копировании мастерской. По всей вероятности с подобными мастерскими сотрудничал комиссионер Н. И. Великанов, что позволило ему оставаться чуть ли не единственным придворным поставщиком итальянских копий мраморных статуй. Согласно инвентарному описанию скульптуры стрельнинский экземпляр «Кипариса» не имел подписи, это обстоятельство играет в пользу последней версии о происхождении статуи. В той же мастерской могла быть выполнена мраморная копия «Сильвии».

Мраморные статуи «Кипарис» и «Сильвия», оставались на постаментах лестниц вплоть до осени 1917 г., когда управляющий делами последнего владельца дворца — бывшего великого князя Дмитрия Константиновича — принял решение о демонтаже всех скульптур и укрытии их в подвале дворца во избежание утрат. В этом состоянии скульптуры были обнаружены сотрудниками управления петергофских дворцов и парков. В 1926 году скульптурные группы были вывезены из Стрельны, взяты на учет в качестве «запасной» скульптуры и временно размещены в Церковной галерее Большого Петергофского дворца. В 1930 г.

¹⁶ По мотивам поэмы Т. Тассо «Аминта» в 1876 г. на сцене Гранд Опера Париже был поставлен балет «Сильвия-нимфа Дианы» (музыка — Л. Делиб, либретто — Ж. Барбье).

они были исключены из музейных фондов и, по всей видимости, переданы в хозяйство устроенного в бывших Придворных конюшнях Дома отдыха. Последний раз скульптуры были зафиксированы на выпущенной в 1930-е гг. почтовой открытке — статуи симметрично установлены в центре газонов разбитых вдоль северных фасадов псевдоготических зданий. (рис. 7) Скульптурные группы, как имущество, исключенное из фондов музея, вероятно, не подлежали обязательной эвакуации и оказались в зоне оккупации.

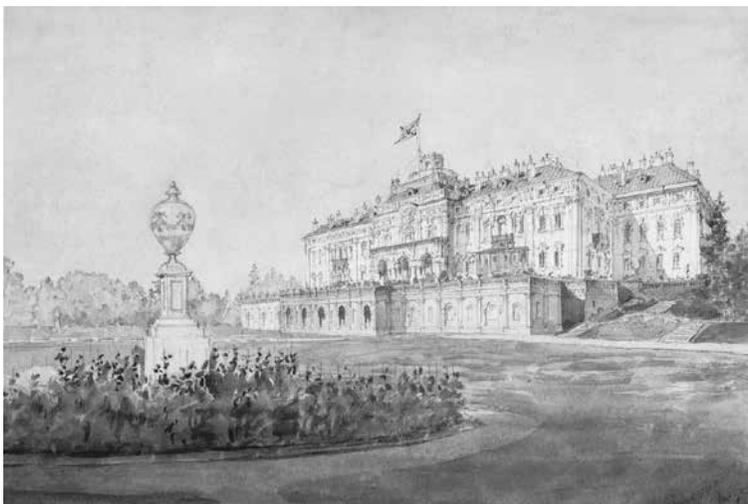
Современное местонахождение стрельнинских «Кипариса» и «Сильвии» неизвестно.

***

В заключение нельзя оставить без внимания вопрос о целесообразности воссоздания утраченных произведений скульптуры и малых форм на террасе дворца и прилегающих лестницах.

Во время реставрации и реконструкции Константиновского дворца в 2001–2003 гг. этот вопрос серьезно рассматривался в части воссоздания скульптур оленей и львов на тумбах террасных лестниц. ООО «НРФ «Арт-Эксперт» были проведены историко-архивные изыскания, к сожалению, не выявившие представленные в данной публикации сведения. По этой причине воссоздание велось по самой трудоемкой и длительной по времени методике — восстановление по изобразительным материалам. Перед скульпторами стояла задача достижения не только композиционного сходства, но и т.н. «авторской манеры». Затянувшиеся работы были остановлены на этапе разработки моделей и не получили продолжения.

В случае возникновения подобного проекта вновь, воссоздание может проводиться по методике «контактного» копирования выявленных аналогов с последующей отливкой в историческом материале. Однако необходимость подобного воссоздания в настоящее время — вопрос дискуссионный.

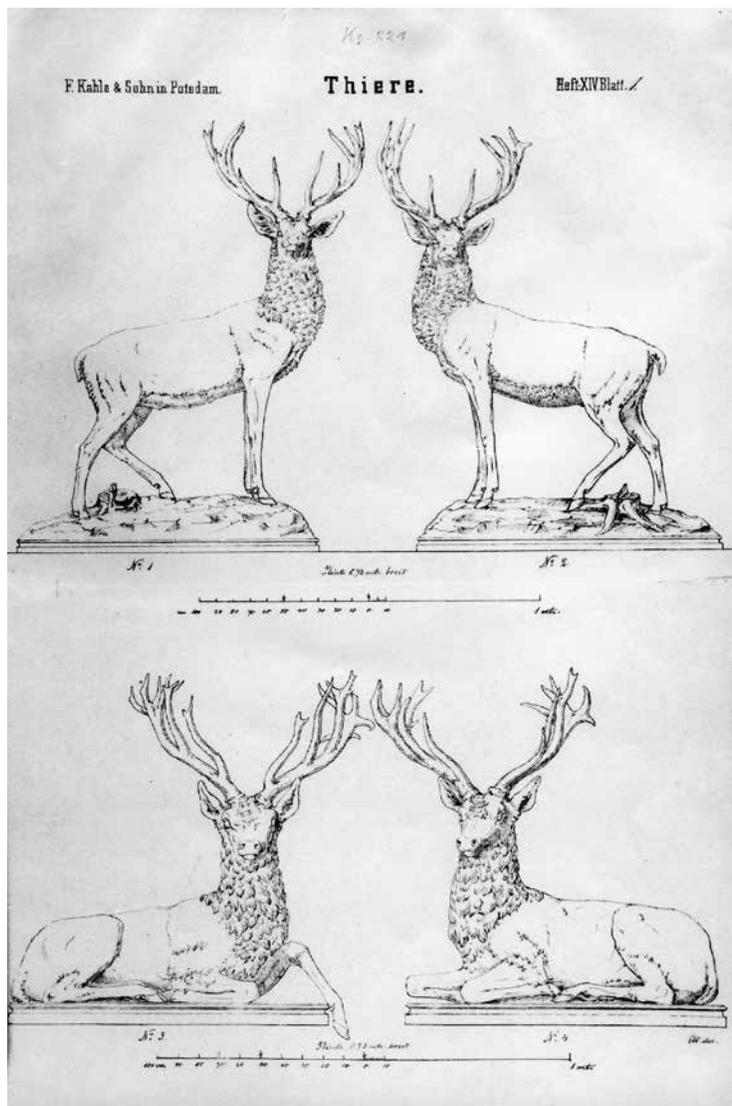
1. В. С. Садовников. Вид Стрельнинского дворца из Нижнего парка. 1856 г. ГМИ СПб.

2. Вазоны с постаментами на Марлинской аллее Нижнего парка в Петергофе (слева). До 1920 г. находились в партерах Нижнего парка и на парадном дворе Стрельнинского дворца. Современная фотография Вазон в партере Нижнего парка Стрельнинского дворца (справа). С почтовой открытки. 1900-е гг.

3. Х.-Д. Раух. Модель одной из парных скульптур «отдыхающих» оленей на Всемирной выставке в Лондоне. Со стереооткрытки. 1851 г.

4. Страница рекламного каталога изделий фирмы «Fr. Kahle & Co» со скульптурами: олени «стоящие» (сверху, неизвестный скульптор), олени «отдыхающие» (снизу, Х.-Д. Раух).

5. Вид восточной (слева) террасной лестницы Стрельнинского дворца. Фотография В. Я. Курбатова 1907 г. С почтовой открытки. 1910-е гг. Вид западной (справа) террасной лестницы Стрельнинского дворца. С фотографии 1910-х гг. Частное собрание.

6. Фр. Поцци. Скульптура «Кипарис» (слева). Мрамор. 1818 г.
Скульптура «Сильвия» (справа). Мрамор. 1822 г.
Современные фотографии. Палаццо Дукале в Лукке (Италия)

7. Дом отдыха в здании бывших Придворных конюшен в Петергофе. С открытки. 1930-е гг. На первом плане скульптура «Сильвия» из собрания Стрельнинского дворца.

Стихи Веры Константиновны Романовой

Вера Константиновна (1854–1912)¹ (рис. 1) — дочь Константина Николаевича² и его супруги Александры Иосифовны³. Вера оставила по себе добрую память в Вюртемберге, хотя ее первые годы в Штутгарте были нелегкими и для нее, и для ее новой семьи — сестры ее отца Ольги Николаевны⁴ с супругом — кронпринцем, позже королем Вюртембергским Карлом⁵, куда Вера девятилетней девочкой была отправлена из Санкт-Петербурга на воспитание. О причинах девочке не было сказано ничего, она была этой ссылкой глубоко обижена и протестовала, как могла⁶. Вера думала, что должна «служить ребенком» ее бездетной тетушке Ольге⁷, что обостряло конфликт. Официальная причина того, что Веру отправили в Штутгарт — нарушения в поведении Веры после того, как ей пришлось присутствовать при попытке покушения на ее отца, Константина Николаевича, русского наместника Царства Польского в 1862 г.⁸

Но политика оказалась важнее чувств, даже оскорбленных чувств ребенка... Вероятно, основной причиной был геополитический интерес

¹ *Зауер П.* Коль нет любви, то сердце пусто, и пуст весь мир; герцогиня Вера Вюртембергская, Великая княжна русская. Филдерштадт, 2004. Sauer P. Wenn Liebe meinem Herzen fehlt, fehlt mir die ganze Welt; Herzogin Wera von Wuerttemberg, Grossfuerstin von Russland. Filderstadt, 2004. С. 65. Перевод Зенгер А. Далее: P.S.

² Константин Николаевич (1827–1892) Великий князь, генерал-адмирал, второй сын императора Николая I.
³ Александра Иосифовна (1830–1911) Пятая младшая дочь герцога Саксен-Альтенбургского Иосифа-Фридриха) и принцессы Амалии-Терезы Вюртембергской. Полное имя — Александра Фридерика Генриетта Паулина Марианна Элизабет. Супруга (с 1848) великого князя Константина Николаевича.

⁴ Ольга Николаевна (1822–1892), дочь Николая I, королева Вюртембергская.

⁵ Карл I, (1823–1891), король Вюртембергский Единственный сын короля Вильгельма I от третьей брака с Вюртембергской принцессой Паулиной.

⁶ *Зенгер А. А.* Вера Константиновна (1854–1912), русская великая княжна, Вюртембергская герцогиня // Константиновские чтения — 2011. 160 лет со дня рождения великой русской княгини и греческой королевы Ольги Константиновны. Сборник материалов научной конференции. Санкт-Петербург – Стрельна, 2011. С. 150–152.

⁷ *Das Tagebuch der Baronin Eveline von Massenbach, Hofdame der Koenigin Olga von Wuerttemberg.* Robert Uhlund (Hrsg) BOND der ersten Auflage von 1987, Stuttgart, kollhammer BOND, С. 250. Перевод Зенгер А. Далее: М.

⁸ М., С. 173

России к Вюртембергу, расположенному на юго-западе Германии и граничившему непосредственно с Францией. Этот интерес проявила еще Екатерина Великая, упорно (дважды) сватавшая для своего сына Павла именно Вюртембергскую принцессу Софию-Доротею (1759–1828), ставшую в России царицей Марией Федоровной. Разумеется, этот политический контакт планировался не на одно поколение. В следующем поколении королевой Вюртембергской стала дочь Павла и Марии Федоровны, Екатерина Павловна. В третьем поколении — Ольга Николаевна, их внучка. Но Ольга Николаевна осталась бездетной, и для того, чтобы связь между Россией и Вюртембергом не прервалась, в Штутгарт посылают Веру (уже четвертое поколение).

Да, то что Вера оказалась в Штутгарте, было счастьем для бездетной Ольги Николаевны, но и непростым счастьем, так как с племянницей, особенно поначалу, было действительно нелегко⁹. Впоследствии (1871) Вера была официально удочерена королевской Вюртембергской парой. Россия давала царским дочерям и внучкам огромные средства¹⁰ не только для презентации, но и для благотворительной работы, что укрепляло добрые отношения с Вюртембергом. Эти средства, вложенные очень щедро и разумно, а также личные усилия высокородных дам не забыты в Вюртемберге и сегодня¹¹.

«О, память сердца, ты сильнее рассудка памяти печальной...» (рис. 2). Эти строки из стихотворения К. Батюшкова¹² выведены рукой королевы Вюртембергской Ольги Николаевны по-русски, как эпитафия к ее воспоминаниям¹³, написанным на французском языке, посвященным и адресованным ее внучатым племянницам Ольге¹⁴ и Эльзе¹⁵ — дочерям Веры Константиновны и ее супруга Евгения, герцога Вюртембергского (1846–1877). С этим эпитафией невольно перекликается стихотворение

⁹ *Зенгер А.* Вера Константиновна (1854–1912), русская великая княжна, Вюртембергская герцогиня // Константиновские чтения — 2011. 160 лет со дня рождения великой русской княгини и греческой королевы Ольги Константиновны. Сборник материалов научной конференции. Санкт-Петербург – Стрельна, 2011. С. 148–151.

¹⁰ P.S. С. 38

¹¹ О судьбе Веры Константиновны см.: *Зенгер А.* Вера Константиновна (1854–1912), русская великая княжна, Вюртембергская герцогиня // Константиновские чтения — 2011. 160 лет со дня рождения великой русской княгини и греческой королевы Ольги Константиновны. Сборник материалов научной конференции. Санкт-Петербург – Стрельна, 2011. С. 147–164; *Зенгер А.* Визиты Веры Константиновны Романовой (1854–1912), русской великой княгини, герцогини Вюртембергской в Россию (в период с 1878 по 1883 гг.) // Константиновские чтения – 2012. Санкт-Петербург – Стрельна, С. 48–69.

¹² Стихотворение «Мой гений» (1816) поэта Константина Николаевича Батюшкова (1787–1855).

¹³ Архив Земли Баден-Вюртемберг, центральный государственный архив в Штутгарте. G314 связка документов номер 6. Landesarchiv Baden-Wuerttemberg, Hauptstaatsarchiv Stuttgart, G314 Bueschel 6. Далее: HstAS.

¹⁴ Ольга Александрина Мария, герцогиня Вюртембергская (Olga Alexandrine Marie von Württemberg, 1 марта 1876 – 21 октября 1932) герцогиня Вюртембергского дома, дочь Веры Константиновны Романовой и Герцога Вюртембергского Евгения, в браке принцесса Шаумбург-Липпе.

¹⁵ Эльза Матильда Мария, герцогиня Вюртембергская (Elsa Mathilde Marie von Württemberg, 1 марта 1876 – 27 мая 1936) герцогиня Вюртембергского дома, в браке принцесса Шаумбург-Липпе, сестра Ольги.

самой Веры Константиновны, судьба которой сложилась так, что ее короткое и непростое семейное счастье осталось лишь в воспоминаниях, в «памяти сердца»...

*Проходит красота и радость,
Проходит счастье — прощай!
И лишь в воспоминаниях младость
Приходит к нам. О, навещай, —*

*Да, навещай, воспоминанье,
Меня, дари мне жизни свет,
Лишь ты уведишь от страданья,
Лишь ты судьбе ответишь: «Нет».*

*Он снова здесь, мы снова вместе,
И счастливы. Молчи, судьба!
Себе берешь ты много чести,
Молчи, Тебе я не раба!*

*Но все пути Земли от Бога —
Судьба, история, и рок.
Предрешена ее дорога...
Ну, угадай ее, пророк!*

*И если Бог однажды скажет
Вселенной: «Стоп! Остановись!»
Весь мир покорно пылью ляжет
К его ногам. Молись, молись!¹⁶*

К сожалению, стихи не датированы. Я указываю номера страниц из сборника «Цветенье песен», составленного самой Верой Константиновной. Моя идея — соединить стихи подходящими строками из писем Веры Константиновны к ее тетушке и приемной матери Ольге Николаевне, королеве Вюртембергской, а также из других документов. В 2011 г. мне удалось обнаружить в Государственном архиве Земли Баден-Вюртемберг в Штутгарте связку писем, которые Вера писала Ольге Николаевне в течение 28 лет, с 1864 г., когда ей было всего 10 лет, по 1892 г., время смерти Ольги Николаевны. Письма Веры к тетушке

¹⁶ Из сборника стихов герцогини Вюртембергской Веры Константиновны «Цветенье песен»: Wera, Herzogin von Württemberg «Liederblüten» Gedichte. Stuttgart um 1887 in der Landesbibliothek Baden-Württemberg in Stuttgart N 25 / 80 568, С.11. Перевод Зенгер А. Публикуется впервые. Далее: Цветенье песен.

написаны на русском языке¹⁷. Частично они использованы в моих статьях, опубликованных в сборниках Константиновских чтений за 2011 и 2012 гг.¹⁸ Стихи же писала Вера Константиновна по-немецки. Я перевела стихи на русский язык, сохраняя их ритм. Все стихотворения публикуются впервые.

Наверное, внутренний мир, душу человека невозможно проявить лучше, чем в стихах. Поэтому в этот раз основное содержание статьи — стихи Веры Константиновны, в которых ее настроения и чувства, ее интересы, ее наблюдения, ее философские размышления о жизни и смерти, ее представления о Боге.

Очень интересно одно из ранних стихотворений Веры, о вечном постоянстве изменений...

Постоянство преходящего

*Ничто не постоянно, и не вернет назад
Подарок, что принес нам момент. Один лишь взгляд,
И все прошло бесследно... Уж новое идет.
Хорошее? Плохое? Что жизнь нам принесет?*

*Одно непреходяще —
Лишь вечности покой,
И смена настоящей
Минуты, и другой...¹⁹*

Вера Константиновна начала писать стихи уже пятнадцатилетней. Юную душу особенно ранит несовершенство людей. Почему люди недовольны? Ведь мир так прекрасен! И рождаются строки:

Душевный разлад

*Ах, почему так много злобы
И черной зависти вокруг?
Совсем немного нужно, чтобы
Доволен был бы другом друг...*

¹⁷ HstAS.

¹⁸ *Зенгер А.* Вера Константиновна (1854–1912), русская великая княжна, Вюртембергская герцогиня // Константиновские чтения — 2011. 160 лет со дня рождения великой русской княгини и греческой королевы Ольги Константиновны. Сборник материалов научной конференции. Санкт-Петербург – Стрельна, 2011. С. 147-164; *Зенгер А.* Визиты Веры Константиновны Романовой (1854-1912), русской великой княгини, герцогини Вюртембергской в Россию (в период с 1878 по 1883 гг.) // Константиновские чтения – 2012. Санкт-Петербург – Стрельна. С. 48-69.

¹⁹ Цветенья песен. С. 10.

*Но слышны всюду кривотолки,
Обиды, сплетни, суета.
Грызут друг друга, словно волки,
Не люди. Жизни маята...*

*По длительному наблюденью
Я заключила для себя:
Заслуживает лишь презренья
Род человеческий, скорбя.*

*Зачем скорбеть, друг друга муча?
Давайте радоваться лучше!
Для нас Творец прекрасный мир
Создал, и счастье — наш кумир!²⁰*

Уже в 1875 г. (герцогине Вере 21 год) ее творчество было замечено и стихи опубликованы в сборнике «Поэты-князя»²¹, вышедшем в Штутгарте. Ее стихи даже открывали этот сборник! В это время Вера — счастливая новобрачная, (рис. 3)²² супруга Евгения, герцога Вюртембергского²³, человека, которого она всей душой любит²⁴. А вот ее стихотворение — еще как робкое предчувствие счастья:

*Тебя я чувствую и раннею весною,
Люблю тебя зимой, и в летнем зное.
Несет меня любовью, как волну...
Почти что верю я, что счастью быть со мною.*

*Ведь если солнцем даже даль освещена,
То почему же радость мне запрещена?²⁵*

Счастлива и ее приемная мать и тетушка, королева Вюртембергская Ольга Николаевна. Так она пишет в своем письме от 28 января 1874 г.: «Бесстрашие и верность — да, твердо верить в бесконечно доброе Провидение, которое нас ведет по жизни. Сегодня сошла благодать на наш дом! Наш сложный ребенок — счастливая невеста, любящая и любимая!

²⁰ Цветенья песен. С. 14. Перевод Зенгер А. Публикуется впервые.

²¹ Fürstliche Poeten. Verlag von Alfred Bruchmann, 1875.

²² Русско-Вюртембергский герб. HstAS G 314, Bue. 6.

²³ Герцог Евгений Вюртембергский Herzog Wilhelm Eugen August Georg von Württemberg; (1846–1877).

²⁴ Свадьба состоялась в Штутгарте в 1874 г. на ней присутствовал русский император Александр II.

²⁵ Цветенья песен. С. 56 «Тебя я чувствую...» Перевод Зенгер А. Публикуется впервые.

*О таком счастье я и не мечтала! Евгений уже как сын для Короля²⁶.
Я воздеваю руки к небу и благодарю Бога»²⁷.*

Да, радость любви и счастье приходят и отражаются в стихах Веры:

*Как чисто нынче небо — безоблачная синь!
Твои глаза синее, лишь взгляд поглубже кинь.
Безоблачно сиянье той верности в любви...
Теплее мне на сердце, блаженнее в крови.*

*Твоей душе подобен твой синий, чистый взгляд .
Сомненье — преступленье! Нельзя глядеть назад...
Как от сиянья неба сердцам людей ясней,
Так я, тебя увидев, люблю еще сильнее²⁸.*

Радостное состояние души не только в стихах Веры, но даже на гербовом экслибрисе этого времени, который украшает ее бумагу для писем²⁹. Имя Вера (Wera) здесь само, как солнце на голубом небе (рис. 4). Но рядом с радостью — страх ее потерять...

*Вернулся снова месяц май —
Привет, весна! Зима, прощай.
Вот месяц май уж здесь опять:
Пора любить и танцевать!*

*Как ярко май разрисовал
Цветы и все вокруг,
От льда он воды расковал,
И свет сияет вдруг.*

*Благоухает и цветет,
И зеленеет мир.
Над ним небес лазурный свод,
И птичий хор и пир.*

*Ах, почему не навсегда
Пришел май в гости к нам?*

²⁶ Король Вюртембергский Карл I (1823–1891), супруг Ольги Николаевны.

²⁷ HstAS G314 Вие. 2.

²⁸ Цветенья песен. С. 50. «Как чисто нынче небо...» Перевод Зенгер А. Публикуется впервые.

²⁹ Рис. 2. Письмо Веры Константиновны к ее свекрови, Mathilde von Schaumburg-Lippe (1818–1891) от 16 сентября 1876 г. HstAS G326 Вие. 2

*Тепло и свет лишь иногда
Дарит лесам, полям?*

*И почему в Земных кругах
Сердца терзает стыд и страх,
Болезни, муки и сомненье?
Так кратки радости мгновенья...*

*У Трона Божьего весна
Непреходяща и ясна³⁰.*

Вера любит так сильно, что готова умереть, лишь бы ее глаза были закрыты любимой рукой. Горе потери сына, первенца³¹, терзает ее душу, и приходят мысли о смерти...

*К твоим стопам бы опуститься,
Твоею близостью пьяна.
Из глаз блаженства бы напиться,
И знать: я больше не одна!*

*Забывать, что на Земле на грешной
Царят страдание и боль,
Что даже и порою внешней
Приходят слезы вдруг... Отколь?*

*Закрой же мне глаза рукою...
В последний раз ее тепло
Меня навеки успокоит,
Как будто время не текло.*

*Оно совсем остановилось —
И горе в счастье превратилось!³²*

Но судьба распорядилась иначе... Неожиданно умирает Евгений. Болезнь? Дуэль?³³ Евгений умер в Дюссельдорфе 27 января, торжественно

³⁰ Цветенье песен. С. 24. «Вернулся снова месяц май...» Перевод Зенгер А. Публикуется впервые.

³¹ Karl-Eugen von Württemberg (* 8. April 1875; † 11. November 1875).

³² Цветенье песен. С. 64. «К твоим стопам бы опуститься». Перевод Зенгер А. Публикуется впервые.

³³ Зенгер А. Вера Константиновна (1854–1912), русская великая княжна, Вюртембергская герцогиня // Константиновские чтения — 2011. 160 лет со дня рождения великой русской княгини и греческой королевы Ольги Константиновны. Сборник материалов научной конференции. Санкт-Петербург – Стрельна. 2011. С. 158–159.

похоронен в Штутгарте 31 января 1877 г., а свидетельство о смерти написано в Дюссельдорфе лишь 20 марта 1877 г.³⁴, через два месяца после смерти и без указания ее причины, но с указанием всех его титулов. Странно... При жизни каждый его шаг, как члена царской семьи, был официально документирован. Вот, например, телеграмма, сообщающая о том, что он «отправляется в полночь в понедельник, 4 февраля 1874 г., в Берлин, не останавливаясь в дороге»³⁵.

Смерть мужа ломает жизнь Веры. И ее письма теперь в траурной кайме с крестом...³⁶ (рис. 5) Так неожиданно в 23 года овдовевшая Вера Константиновна пишет, вернее переводит с английского на немецкий, по Гранихфельду (Granichfeld) траурное стихотворение, на этот раз точно датированное днем похорон Евгения.

31 января 1877 года
Похороны герцога Евгения Вюртембергского

*Его так медленно везли
По улицам... Его,
Который оставлял в пыли
Врага не одного!*³⁷

*Глядит сочувственно толпа,
Но видит это он?
Гроб у подножия столпа*³⁸,
Сильней церковный звон.

*Нет, этот звон — не звон часов,
Сейчас задвинет склеп засов*³⁹.

*Но ни одна скупа слеза
Из глаз не упадет.
Суши сочувствия глаза —
Ведь рай героя ждет!*

³⁴ Stadtarchiv Landeshauptstadt Duesseldorf, Film N 7-6-48-2,0000.

³⁵ HstAS E 72 Bue. 26.

³⁶ *Зенгер А.* Визиты Веры Константиновны Романовой (1854-1912), русской великой княгини, герцогини Вюртембергской в Россию (в период с 1878 по 1883 гг.) // Константиновские чтения – 2012. Санкт-Петербург – Стрельна, С. 58, 59.

³⁷ Евгений Герцог Вюртембергский сражался в войне с Францией 1870-71 гг.

³⁸ Колонна в центре Дворцовой площади (Schlossplatz) в Штутгарте.

³⁹ Склеп Старого Замка в Штутгарте.

*И черный строгий катафалк
Везет лишь бренный прах.
Сжимает лилию рука,
Что меч несла в боях.*

*Душа героя далека,
Ее сокрыли облака⁴⁰.*

Прошел год, но перед глазами Веры все как сегодня... Она пишет своей тетушке, почти второй матери, Ольге Николаевне, королеве Вюртембергской: «21 декабря/2 января 1878 года, Штуттгарт. Сегодня я была утром на Eugenburg'e⁴¹, где поставили провизорный⁴² деревянный памятник, чтобы видеть эффект его. Он очень удачен, хотя schlicht und einfach⁴³ и все-таки красив. Как странно, право, что это именно сегодня, в день, в который год тому назад Eugen⁴⁴ уехал в Дюссельдорф, и простился с нами, — не зная, что это прощание навсегда! Утром он был в полной форме у тебя, чтобы откомандироваться, и мы еще вместе смеялись над его миной — so dienstlich⁴⁵! Этот самый мундир находится теперь в моей спальне под стеклом! Как времена изменяются!»⁴⁶

Вот стихотворение Веры об этом памятнике...

Памятник Евгению — к Штутгарту

*Смотришь сверху на Штутгарт бесстрастно
Ты один, и покинут стоишь;
И ничто уж тебе не опасно,
Ты замкнулся в себе и молчишь.*

*Все темней и темнее в долине,
Гаснут окна одно за одним...
Ты не можешь понять, что отныне
Там, за окнами, время — другим.
Может быть, все же ты вспоминаешь
О счастливых со мною часах,
Когда были мы вместе, ты знаешь...
Слезы радости стынют в глазах.*

⁴⁰ Цветенье песен. С. 202. Перевод Зенгер А. Публикуется впервые.

⁴¹ «Крепость» Евгения, смотровая с холма площадка на Штутгарт, расположенный в долине, в «котле».

⁴² временный

⁴³ schlicht und einfach (с нем. яз.) — скромн и прост.

⁴⁴ Евгений

⁴⁵ so dienstlich (с нем. яз.) — так по- служебному!

⁴⁶ HstAS G326 Buc. 6.

*Пролетят еще годы, и годы —
Нет в живых уж любивших тебя.
Как жестоки законы природы:
Все забыть — не любя, не скорбя...*

*Обернется рассеянно прохожий,
«Кто? Евгений? Который из них?»
И пойдет, на тебя непохожий,
О делах размышляя своих.*

*Прелесть девушки, доблесть солдата,
Слава, счастье, жизнь самое —
Все проходит, преходит когда-то,
Ведь ничто на Земле не твое⁴⁷.*

Памятник⁴⁸ уже не существует, но вид на Штуттгарт, и то, что «видел» Евгений можем видеть и мы, разумеется с изменениями, внесенными временем и последней войной. (рис. 6)⁴⁹

Письма Ольге Николаевне: «11/ 23 января 1878 года Штуттгарт. Сегодня утром я перечитала все письма дорогого мужа, полные здоровья, счастья и любви!»⁵⁰; «16/28 января 1878, Штуттгарт. Вчера был тяжелый день для меня⁵¹... но милые, дорогие деточки мне много помогли пережить его, своею беспечностью и радостными личиками⁵². Играя с ними я рассеивалась. По счастью меня оставили вчера одной и только лишь письменно уверяли сочувствие. Я получила много венков и цветов, также много телеграмм, даже от Государя⁵³. После заупокойной обедни была панихида для меня одной»⁵⁴.

«Рождение и смерть заключают в себе тайну, приближающую нас к Богу» — это слова Ольги Николаевны⁵⁵. Это правда, и Вера, воспитанная Ольгой Николаевной, обращается к Богу, ищет утешения в религии.

*Все Божьи Твари преходящи...
Нам дан короткий жизни срок .*

⁴⁷ Цветеньев песен. С. 30. «Смотришь сверху на Штуттгарт бесстрастно». Перевод Зенгер А. Публикуется впервые.

⁴⁸ Kuno Drollinger «Stuttgarter Brunnen der älteren und neueren Zeit». 1989.

⁴⁹ Фото автора. Штуттгарт 2013, на первом плане – Старый Замок.

⁵⁰ HstAS G326 Вие. 6.

⁵¹ Годовщина смерти мужа.

⁵² Дочерям-двойняшкам Ольге и Эльзе неполных 2 года.

⁵³ Александр II, который присутствовал на свадьбе Веры и Евгения.

⁵⁴ HstAS G326 Вие. 6.

⁵⁵ Traum der Jugend goldener Stern. 1955 by Verlag Günther Neske Pfullingen. С. 211.

*Да, захотел того Творящий —
Господь нам дал такой урок.
Мы знаем то, и в этом знанье
Само заложено страданье.
Мы знаем: смертна Божья Тварь...
Но ТАМ стоит святой алтарь,*

*За ним — жизнь вечная, мир вечный,
Не преходяще быстротечный.
Что тут в страданьи ты посеял,
То в радости пожнешь ты ТАМ.*

*Здесь пред тобою образ реял
Душ, уподобленных цветам,
Что в райском саде расцвели,
Вобрав все лучшее с Земли.*

*Мы будем ТАМ пробуждены
И в райски кущи введены.
И ТАМ назначена нам встреча
С любимыми, что уж далече...⁵⁶*

На месте, которое было предусмотрено для памятника Евгению, и где стоял временный памятник, королева Ольга распорядилась установить статую Галатеи и пожертвовала на нее 25 тысяч марок. В 1890 г. эта статуя была торжественно открыта. Она благополучно пережила даже войну и стоит на площади, носящей имя Евгения⁵⁷ до сих пор.

Что стало с памятником, которому посвятила свое стихотворение Вера, пока выяснить не удалось, как не удалось найти его изображение. Почему это было сделано? Хотела ли приемная мать отвлечь молодую вдову от грустных мыслей, хотела, чтобы Вера попыталась найти себе новое счастье? Так или иначе, Вера больше замуж не вышла, а всю жизнь вспоминала своего мужа, которого еще при его жизни идеализировала (бывает ли любовь без идеализации?) и доверительно переписывалась с его матерью⁵⁸.

Веру утешает надежда на встречу ТАМ, надежда на более совершенный мир, чем тот, в котором мы живем... Но горечь не проходит. Теперь даже природу воспринимает Вера совсем иначе...

⁵⁶ Цветенья песен. С. 36. «Все Божьи Твари преходящи...» Перевод Зенгер А. Публикуется впервые.

⁵⁷ Eugenplatz.

⁵⁸ HstAS G326 Buc. 2-4.

*Зима уж близко, дождь стучит,
И ворон так кричит,
Что зябче, жутче и мрачней
От этих темных дней.*

*Природа голая мертва,
Вся в скорби и тоске.
Опавшая гниет листва,
Скукожась на песке.*

*И я покинута, одна,
Не понята никем...
Давно прошла моя весна.
Зачем я здесь, зачем?*

*Свет безучастен и фальшив,
Сочувствию он чужд.
Лишь тех ласкает, кто счастлив,
Не знает горьких нужд.*

*Свет увлечен лишь мишурой,
Не видит чувства за игрой.*

*Ведь слезы тайные текут
Невидимы в ночи.
Блеск и удача привлекут,
Несчастье — молчи!*

*Не нужен мне тицеславный свет,
К нему стою спиной,
Но сердца искренний привет
И преданность со мной.*

*Не страшны мне тогда ни дождь,
Ни холод, ни нужда.
Господь — защитник мой и вождь,
Со мною навсегда⁵⁹.*

⁵⁹ Цветенья песен. С. 22. «Зима уж близко, дождь стучит, и ворон так кричит...» Перевод Зенгер А.

Вера Константиновна — глубоко правдивый человек. Она не может терпеть лжи, даже лжи «во спасение». Вот ее поэтические строки об этом:

*Господь, когда святую правду
В скорбей долину ниспослешь,
И лжи сорняк душе в отраду
Рукой могучей изведешь?*

*Ах, утоли мои печали,
И забери меня туда,
Где слез уж нет, и в дальней дали
Я буду счастлива всегда...*

*Душа там воссоединится
С любимым. Как я жду его!
И там-то правда воцарится
У светла трона Твоего⁶⁰.*

Даже веселое мельничное колесо, как колесо жизни, движение которого часто увлекало и отвлекало Веру от забот и страданий, не может теперь успокоить, напротив...

*О, водяная мельница с веселым колесом,
Что крутится и вертится, забыв покой и сон.
Бывало на закате глядела на тебя...
Весь мир могла забыть я, тебя одну любя.*

*И так хотела часто, смотря на колесо,
Во влагу погрузить я и сердце, и лицо .
Мои страданья тоже в прохладную волну
Забросить, и забыть их — все беды, как одну!*

*Поток вертит колеса, колеса-жернова.
Судьба вертит так нами, она всегда «права».
С судьбою не поспоришь, проигран будет спор .
Ее не объегоришь... подписан приговор.*

Публикуется впервые.

⁶⁰ Цветень песен. С. 15. «Господь, когда святую правду». Перевод Зенгер А. Публикуется впервые.

⁶¹ Цветень песен. С. 80. «О, водяная мельница». Перевод Зенгер А. Публикуется впервые.

*О, колесо судьбы моей, крутись, вертись, лети!
Когда ж ты остановишься, должна и я уйти...⁶¹*

Не радует Веру Константиновну и солнечный закат на море...

*Садится солнце в сине море
И бьются волны о скалу.
Их брызги, со слезами споря,
Туманят взор мне. На молу*

*Стою, в бессилии понять,
И жизни пустоту принять.*

*И повторяют волны мне:
«Страданье позабудь,
И в набегающей волне
Найди к забвенью путь».*

*О, глубины огромной море,
Не знаешь глубины ты горя!
Ведь сердце, что так билось,
О риф любви разбилось...*

*Уж село солнце за волну. . .
Штормит, шумит, темнеет.
Нет, память не уйдет ко дну,
Боль ветер не развеет!⁶²*

Но вдруг солнечный свет в горах приносит радость, душа воспринимает его, как «горный свет», ведь в эту же минуту звучит колокольный звон!

Люцерн

*Люцерн собрал весь солнца свет,
Смеется ясно он,
И миру шлет живой привет
Под колокольный звон.
И слышен колокол везде —*

---

⁶² Цветенье песен. С. 86. «Садится солнце в сине море». Перевод Зенгер А. Публикуется впервые.

*Над озером, в горах, —
Провозглашает Божий день,
И гонит ночь и страх⁶³.*

Со временем боль от потери притупляется, и возникает чувство полной опустошенности...

*Стареем мы, года проходят...
Скажи, куда они уходят?
То, от чего ты счастлив был,
Уж и оплакать нету сил...*

*Любимых больше нет на свете...
В твоей душе их образ светел,
Но ты один... И соловью
Уж не утешить боль твою⁶⁴.*

Постепенно приходит сознание того, что все предопределено свыше, что нужно с этим смириться...

*Ну что стучишь ты так тревожно,
Сердечко бедное мое?
Забуть тебе уж невозможно
Несчастье давнее твое?*

*Ты знаешь: все в Превышней воле,
И не дано нам изменить...
Что выпадает нам на долю,
Должны смиренно с этим жить.*

*О сердце, сердце, будь спокойно,
И дай покоя мне.
Мы принимать должны достойно
Тот глас, что в вышине⁶⁵.*

Вера Константиновна размышляет в стихах, пытается понять, что же происходит в мире...?

⁶³ Цветень песен. С. 135. «Люцерн». Перевод Зенгер А. Публикуется впервые.

⁶⁴ Цветень песен. С. 84. «Стареем мы, года проходят...» Перевод Зенгер А. Публикуется впервые.

⁶⁵ Цветень песен. С. 18. «Ну что стучишь ты так тревожно, сердечко бедное мое?» Перевод Зенгер А. Публикуется впервые.

Наполеон I

*Святой Елены серая скала
Тебя на дни последни приютила...
К себе она так тайно приняла,
Чтоб вся земля Тебя тут позабыла .*

*Стоишь один, от света вдалеке,
Под знаком переменчивой фортуны,
И скипетр больше не в твоей руке,
Он вырван бурною волной лагуны .*

*Но Ты стоишь, и сам, как из скалы,
Хотя надежды все твои разбиты...
Смотреть так могут лишь одни орлы,
Которым крылья ветром перебиты.*

*И видишь Ты походы и бои,
Победный марш бесчисленных легионов...
Текут потоками полки Твои,
И под ногой ступени многих тронов.*

*Но вот уж вновь лишь волны и вода,
И скалы дикие доступны взгляду.
И все прошло — навеки, навсегда,
Теперь ничто не принесет отрады...*

*Ты понял здесь, что слава — пустота.
Оставлен Ты своей родной страной,
Что без Тебя, как стадо без кнута,
Пошла вразброд неведомой стезею⁶⁶.*

Вразброд неведомой стезею идет весь мир... Время совсем не спокойное. Это чувствуется в стихах — проявляется сознательно или бессознательно, как выражение тревоги, беспокойства. Ведь Вере пришлось пережить не только покушение на отца⁶⁷, когда она была еще ребенком. Она гостила в Петербурге, когда было совершено покушение на импе-

⁶⁶ Цветеньев песен. С. 118. «Наполеон I». Перевод Зенгер А. Публикуется впервые.

⁶⁷ Покушение на Константина Николаевича в Варшаве в 1863 г.

ратора Александра II в апреле 1879 г.⁶⁸ «Сердце сжимается при мысли о том, что будет дальше»⁶⁹, написала тогда Вера Ольге Николаевне.

А дальше слова Ольги Николаевны: «8/20 Марта 1881, Канны. Несколькими днями до своей кончины Государь (Саша)⁷⁰ говорил Сабурову⁷¹, который хотел выйти в отставку: “Как можешь ты это говорить? Разве ты не знаешь, что мы должны служить Отчеству верой и правдой — что бы ни было. Посмотри! В меня стреляли, меня взрывали, а я все стою, и буду стоять до последней минуты, потому что если отойду — это страшное испытание может пасть на моего сына. А я этого не хочу!” Вся его душа в этих словах! Когда ему было 10 лет, он отвечал на уроках Павского на изъяснение молитвы “Отче наш, иже еси на небеси”: “Да, небо недалеко, оно в сердце каждого”. Так он жил, так он умер — любя!»⁷²

Вера Константиновна размышляет о сущности жизни, власти, славы. О том, что не всегда сбывается казалось бы очевидное...

*Наполеон II*⁷³

*Его столица — гордых франков град
И вся страна тебя уж в колыбели
Великим видели. Победы без преград,
Державу, скипетр, трон тебе хотели.*

*Но лавровый венок отца увял
Еще тогда, когда ты был ребенком,
И поневоле он корону снял...
Не стать уж мантией твоим пленкам!*

*Угасла та чудесная звезда,
Что долго твоему отцу светила
Он не вернется больше никогда...
Его знамена всех побед взяла могила.*

*И до того еще, как ты закрыл
Глаза навек, тебя уж позабыли.*

⁶⁸ Зенгер А. Визиты Веры Константиновны Романовой (1854–1912), русской великой княгини, герцогини Вюртембергской в Россию (в период с 1878 по 1883 гг.) // Константиновские чтения – 2012. Санкт-Петербург – Стрельна. С. 61–63.

⁶⁹ HstAS G326 Вое. 6.

⁷⁰ Брат Ольги Николаевны император Александр II.

⁷¹ Сабуров Петр Александрович (1835–1918) русский государственный деятель и дипломат.

⁷² HstAS G314 Вое. 12.

⁷³ Наполеон II (1811–1832), единственный законный сын Наполеона I Бонапарта.

*У славы ангела нет большие крыл,
Земная власть — лишь горстка пыли...⁷⁴*

Ход истории изменить нельзя. Но Вера Константиновна просто делает то, что в ее силах. И после выхода в печати стихотворного сборника «Цветене песен» в 1877 г. она продолжает писать стихи. Поэзия для нее это и вдохновение, и труд, в котором ей иногда помогают. Вот отрывок из ее письма Ольге Николаевне: «Willa⁷⁵, 2/14 октября 1890 года. Теперь я сижу на балконе под маркизой. К сожалению я это до сих пор не могла делать часто, ибо почти каждое утро проводила в городе с ???⁷⁶, с которым я уже долго занимаюсь переработкой одного длинного стихотворения. Надеюсь эту неделю закончить наш труд»⁷⁷. Не об этом ли стихотворении идет речь? Оно посвящено подруге⁷⁸ герцогини Веры Константиновны, которая активно и успешно занималась благотворительностью. Ее называет поэтесса «сестрой любви к ближнему», обобщая ее образ до «радушия» (Gastlichkeit — нем.), — это слово в немецком языке слово женского рода.

Радушие

*Кому же здесь я незнакома?
Себя я чувствую, как дома .
Меня как хочешь назови —
Сестра я к ближнему любви!*

*Радушие и хлебосольство —
Мое к обиженным посольство.
И дружбу, радость я дарю,
Улыбкой всех благодарю .
Свою я руку протяну,
Больному тяжело одному...
Пусть успокоится болезнь,
И будет радость, счастье здесь.*

*И пусть на дне во вдовьей кружке
Еще останутся полушки:*

---

⁷⁴ Цветене песен. С. 122. «Наполеон II». Перевод Зенгер А. Публикуется впервые.

⁷⁵ Вилла Берг в Штутгарте.

⁷⁶ Фамилия человека, который помогал герцогине Вере переработать ее стихотворение, написана неразборчиво.

⁷⁷ HstAS G326 Buc. 6.

⁷⁸ Fanny Pauline Gräfin zu Inn- und Knyphausen .

*От голода вдову спасут
И часть заботы унесут .*

*Ведь коль нет хлеба на столе,
Тогда печаль на всей Земле...
Веселые и молодые,
А не усталые, худые*

*И свет, и солнце привнесут
В сей дом — да будет благо тут!
И пусть достанет сил у них
Тяжелых выходить больных⁷⁹.*

Вера Константиновна хотела, чтобы не только нуждающиеся дети и матери не были разлучены⁸⁰, но также и старые не были отделены от молодых — ведь общение людей разных поколений обогащает их. Сейчас в Штутгарте наряду с обычными домами престарелых создан «Дом поколений», где живут вместе люди разных возрастов, помогают друг другу. И сама Вера Константиновна любила не только своих шестерых внуков, но и многих детей, которым нужна была ее забота... (рис. 7)⁸¹

Вера в Бога укрепляет душу. Приемная мать Веры Константиновны Ольга Николаевна, писала и наверное часто повторяла своей воспитаннице: «Молитва есть в самом истинном и простом смысле действительная пища души. Магическая ее сила в несколько минут укрепляет дух на целый день. Но это манна, которую необходимо каждый день поутру собирать должно. Ее нельзя заготавливать впрямь на два дня. И в Библии манна точно означает в собственном смысле молитву. Читай иногда Библию, а особенно псалмы на Русском языке»⁸².

Почему сменила вера Константиновна уже в зрелом возрасте, за три года до смерти православие на протестанство? Может быть, она ценила время, и ей ближе была практическая деятельность на благо ближнего, чем ритуал и углубление в себя? Но все же лучшие минуты, прожитые в прошлом, так и остаются для нее лучшими, и в них черпает силу Вера Константиновна.

---

⁷⁹ PS. «Коль нет любви, то сердце пусто и пуст весь мир».

⁸⁰ Зенгер А. Вера Константиновна (1854–1912), русская великая княжна, Вюртембергская герцогиня // Константиновские чтения — 2011. 160 лет со дня рождения великой русской княгини и греческой королевы Ольги Константиновны. Сборник материалов научной конференции. Санкт-Петербург – Стрельна. 2011. С. 163–164.

⁸¹ PS. С. 153.

⁸² HstAS G314 Buc. 12.

*Когда я мучаюсь и маюсь,
Когда на сердце тяжело, —
В воспоминанья удаляюсь,
И вот уж горе отлегло.*

*Ах, если б я могла вернуться
В былые юные года...
Не на мгновенье обернуться,
А там остаться навсегда .
Я вижу вновь перед собою
Картины прежних светлых дней,
И оживаю в них душою...
Не стало прошлое бледней!⁸³*

О своей сестре написал Константин Константинович Романов:

К.Р.
Штутгарт
25 октября 1887

***Великой Княгине Вере Константиновне,
Герцогине Виртембергской***

* * *

*Ты в жизни скорби и мучений
Не избалована судьбой,
И много бед и огорчений
Уже испытано тобой.
Душою кроткой и смиренной
В надежде, вере и любви
Переносила неизменно
Ты все страдания свои.
Своим безропотным терпеньем
Ты скорбь умела побороть,
Приемля все с благоговеньем,
Что посылал тебе Господь.
О, верь: сторицею с годами
Вознаградится этот труд;*

---

⁸³ Цветенные песен. С. 7. «Когда я мучаюсь и маюсь, когда на сердце тяжело...». Перевод Зенгер А. Публикуется впервые.

*Не все ль, кто сеяли слезами,
Святою радостью пожнут?*⁸⁴

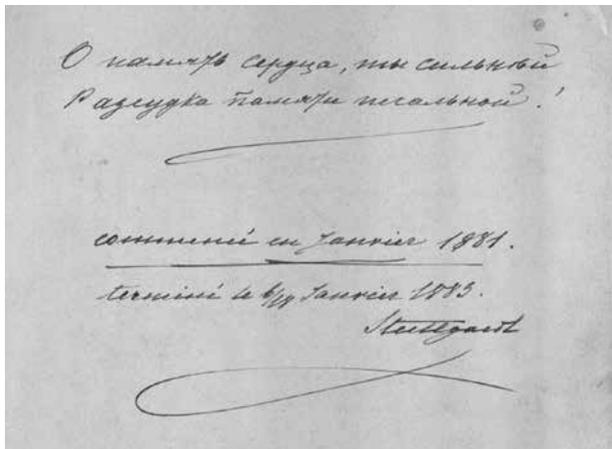
И мы думаем об этой светлой, прямой и честной душе с теплом в сердце. Если она любила, то любила.

---

⁸⁴ Великой княгине Вере Константиновне... // URL: <http://www.rok-stuttgart.de/v3/ru/menu-ohne/95-2010-03-19-19-40-14.html> (дата обращения: 10.07.2013).

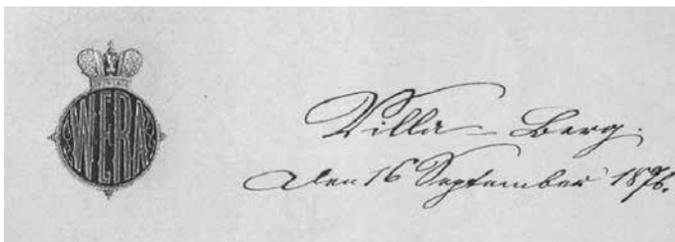
1. Герцогиня Вера Константиновна. 1880 г. (?) Sauer P. Wenn Liebe meinem Herzen fehlt, fehlt mir die ganze Welt; Herzogin Wera von Wuerttemberg, Grossfuerstin von Russland. Filderstadt, 2004.

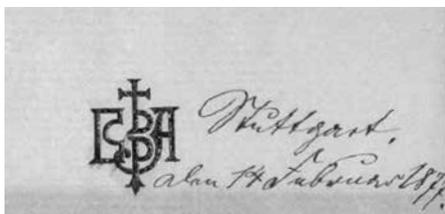
2. Эпиграф к воспоминаниям королевы Вюртембергской Ольги Николаевны. Архив Земли Баден-Вюртемберг, центральный государственный архив в Штутгарте.

3. Русско-Вюртембергский герб, Архив Земли Баден-Вюртемберг, центральный государственный архив в Штутгарте.

4. Гербовый экслибрис с письма Веры Константиновны к ее свекрови, Mathilde von Schaumburg-Lippe (1818–1891) от 16 сентября 1876 г. Архив Земли Баден-Вюртемберг, центральный государственный архив в Штутгарте.

5. Гербовый экслибрис с письма Веры Константиновны к ее свекрови, Mathilde von Schaumburg-Lippe (1818–1891) от 14 февраля 1877 г., после смерти мужа. Архив Земли Баден-Вюртемберг, центральный государственный архив в Штутгарте.

6. Штуттгарт, на первом плане — Старый Замок. Фото автора, июнь 2013 г.

7. Герцогиня Вера Константиновна с детьми, нуждающимися в помощи (1909) Sauer P. Wenn Liebe meinem Herzen fehlt, fehlt mir die ganze Welt; Herzogin Wera von Wuerttemberg, Grossfuerstin von Russland. Filderstadt, 2004.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКСЕНОВА

ГАЛИНА ВЛАДИМИРОВНА

Профессор кафедры истории России исторического факультета Московского педагогического государственного университета. Доктор исторических наук.

АНДРЕЕВ

ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ

Старший научный сотрудник филиала «Мраморный дворец» Государственного Русского музея.

ВОРОНИН

ВСЕВОЛОД ЕВГЕНЬЕВИЧ

Профессор кафедры истории России исторического факультета Московского педагогического государственного университета. Доктор исторических наук.

ГЕРАСИМОВ

ВЛАДИМИР ВАЛЕНТИНОВИЧ

Начальник отдела хранения фондов декоративно-прикладного искусства ФГБУ «Управление по эксплуатации зданий в СЗФО» Управления делами Президента Российской Федерации.

А. ЗЕНГЕР

(ЗВЯГОЛЬСКАЯ АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА)

Независимый исследователь, переводчик. Штутгарт, Германия.

КОПЕЛЕВ

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Кандидат исторических наук.

МАНТУРОВ

МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ

Старший научный сотрудник филиала «Мраморный дворец» Государственного Русского музея.

**МОИСЕЕВ
ГРИГОРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ**

Старший научный сотрудник Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского. Кандидат искусствоведения.

**МОЛКИНА
ОЛЬГА ИВАНОВНА**

Независимый исследователь, преподаватель английского языка, член редколлегии журнала «История Петербурга».

**РАЗДОБУРДИНА
ЕЛЕНА ПАВЛОВНА**

Старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Павловск».

**СОКОЛОВСКАЯ
ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА**

Ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук. Доктор исторических наук.

**ТРУБИНОВ
ЮРИЙ ВИКТОРОВИЧ**

Старший научный сотрудник филиала «Мраморный дворец» Государственного Русского музея.

**ШЕВЦОВА
ГАЛИНА ИГОРЕВНА**

Независимый исследователь.

**ШИНКАРЕВА
ЛИДИЯ ПАВЛОВНА**

Председатель Центрального местного отделения Санкт-Петербургского регионального отделения общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест».

Государственный комплекс «Дворец конгрессов» (Константиновский дворцово-парковый ансамбль в Стрельне) приглашает на экскурсии

«Век нынешний и век минувший»

Экскурсия посвящена истории создания и возрождения Константиновского дворцово-паркового ансамбля в качестве Государственного комплекса «Дворец конгрессов» (проход по парку, памятник Петру Великому, парадные залы дворца, парадные гостиные Президента РФ, залы для встреч в неформальной обстановке).

«Возрожденный замысел великого Петра»

Экскурсия рассказывает о реконструкции и воссоздании интерьеров Константиновского дворца (проход по парку, памятник Петру Великому, парадные залы дворца, гостиные для проведения протокольных мероприятий).

«Коллекция Константиновского дворца. Дар А. Усманова»

В экспозиции представлена коллекция произведений русского искусства XVIII–XX веков, собранная знаменитыми русскими музыкантами М. Л. Ростроповичем и Г. П. Вишневской. В октябре 2007 года коллекция, выставленная на торги аукционного дома «Sotheby's», была полностью выкуплена российским бизнесменом и меценатом А. Б. Усмановым и передана в дар государству.

«Шедевры Константиновского Дворца»

Экскурсия знакомит с избранными, наиболее ценными произведениями русской живописи, графики и предметами декоративно-прикладного искусства XVIII–XIX веков, собранными Г. П. Вишневской и М. Л. Ростроповичем, а также главными архитектурными шедеврами Константиновского дворца — его парадными залами.

«Прогулка в Стрельну»

Автобусная экскурсия начинается в центре города, у дворца Белосельских-Белозерских, и проходит по набережной реки Фонтанки. По маршруту следования предлагается уникальная возможность увидеть уголок старого Петербурга — Коломну и Никольский собор и далее по Петергофской дороге закончить путешествие в Стрельне экскурсией по Константиновскому дворцу и парку.

«Русская Версалия» (экскурсия по парку)

Экскурсия посвящена истории создания дворцово-паркового ансамбля и Нижнего регулярного парка. В маршрут входят Нижняя Петергофская дорога, терраса дворца, гроты, Центральный канал, Павильон переговоров (с посещением), Восточный канал, историческая Дубовая аллея. Экскурсия проводится в весенне-летний период.

«Консульская деревня»

Экскурсия по территории коттеджного городка «Консульская деревня», предназначенного для проживания первых лиц государств — участников мероприятий «Дворца конгрессов», с посещением одного из VIP-коттеджей.

«Русская Версалия V. I. P.» (экскурсия на электромобиле)

Экскурсия по парку проводится в весенне-летний период. Возможно посещение Константиновского дворца или Павильона переговоров.

Управление делами Президента Российской Федерации
ФГБУ Государственный комплекс «Дворец конгрессов»
198515, Санкт-Петербург, Стрельна, Березовая аллея, 3
Тел. (812) 438 53 60
Факс (812) 438 58 84
dk@strelna.ru

www.konstantinpalace.ru

Экскурсии проводятся ежедневно с 10.00 до 18.00.

Выходной день — среда.

*В дни проведения государственных мероприятий дворец
закрыт для посещения.*

Билеты продаются в кассах дворца с 10.00 до 17.00.

Возможно on-line бронирование билетов на официальном сайте.

Константиновские чтения – 2013

**«Константиновичи – государственная
деятельность и традиции благотворительности.
К 400-летию Дома Романовых».**

Сборник материалов научной конференции
30 октября 2013

Редактор: *А. Н. Журавская*

Редактирование и подготовка текстов: *О. М. Гаркуша*
Дизайн и компьютерная верстка: *ИП Н. Г. Белоцерковец,*
дизайнер *М. Ю. Левшина*

Подписано в печать 27.09.2013

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии «»

Для заметок

Для заметок